

Лёня Герзон

З В Е Р Ж

Многие люди подобны колбасам: чем их начиняют, то и носят в себе.

Козьма Прутков.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга про людишек — крошечных существ, которые, как и люди, произошли от обезьян (только от маленьких). Людишки во многом похожи на обыкновенных, больших людей. Они разумные, живут в городах, ездят на автомобилях и даже умеют пользоваться Интернетом. Только ростом они поменьше — где-то с небольшой огурец, то есть, раз в десять ниже, чем люди. Людишки называют себя малянцами и малянками. Если вы не читали книгу «Приключения Никтошки» и еще не знакомы с людишками, то ничего страшного — начинайте читать прямо отсюда и постепенно всё поймете.

Лёня Герзон.

Глава нулевая.

БАРВИНКА

В переулке Ромашек, в собственном домике, жила малянка по имени Барвинка. У Барвинки были большие черные глаза. Сама она была маленькая и худенькая и носила всегда короткую стрижку, потертые джинсы и какую-нибудь невзрачную футболку, которая ей совсем не шла. С виду она была совсем незаметной. Но у Барвинки был такой пронзительно-громкий голос и такое неутомимое стремление во все встревать, всех в чем-нибудь уличать, всем что-нибудь доказывать и опровергать любое общепринятое мнение, — что не заметить ее было невозможно.

Барвинка ненавидела любую несправедливость. Она ходила по городу и своими большими черными глазами искала ее. В таком прекрасном сказочном месте, как Цветоград, трудно найти несправедливость, но если как следует постараться, то в конце концов найдешь. Отыскав несправедливость, Барвинка беспощадно с ней боролась до полной победы.

Барвинка любила всех раздражать. Но, в отличие от Пустомели, который морочил цветоградцам голову всякими пустыми нелепицами, Барвинка сбивала их с толку своими справедливыми идеями. Например, один раз она услышала, как доктор Таблеткин сказал слесарю Напильнику:

— Придется, у тебя, видно, Напильник, взять мазок из горла, а на ночь прописать пару укольчиков. А то что-то ты сегодня слишком медленно работаешь. Меня больные ждут!

Доктору Таблеткину нужно было выезжать на вызов, а машина как раз сломалась. Напильник тем временем что-то неспешно ковырял в моторе. Он выглядел усталым и невыспавшимся и делал всё как-то медленно. Все уже привыкли к угрозам Таблеткина и не воспринимали их всерьез. Но Барвинка, как раз проходившая по улице мимо того места, где застрял автомобиль, остановилась и своим звонким голосом, так, что услышали и другие прохожие, произнесла:

— Вы, доктор Таблеткин, и правда считаете, что работающего людишку нужно подгонять угрозами отравить его организм инъекцией ненужных медикаментов?

Таблеткин, который совсем не был готов к такому вопросу, застыл на месте и заморгал глазами.

— Почему бы вам вместо шприца и антибиотиков не иметь при себе кнут? Тогда он, — Барвинка кивнула на слесаря, — двигался бы куда живее!

И, не дав Таблеткину сказать слова в ответ, она подняла голову и гордо прошла мимо.

Пустомеля, как известно, обижал малянок направо и налево. Смеялся над ними, говорил обидные слова, дергал за косы, а мог даже и подтолкнуть малянку, если она зазевалась на краю лужи — так что та, потеряв равновесие, падала прямо в грязь. Как-то раз, когда он еще не был знаком с Барвинкой, Пустомеля повстречал ее на улице. Барвинка шла по тротуару ему навстречу, совершенно не обращая внимания на Пустомелю. А ведь его яркие галстук и шляпу всегда видно издалека. Да и вообще, Пустомеля привык, что малянки, завидев его, бросаются врассыпную и стремятся забиться куда-нибудь подальше. Барвинка смотрела поверх Пустомелиной головы на белые облака. Тротуар был узкий, и Барвинка чуть не натолкнулась на Пустомелю. Ростом она была ему всего по плечо. Пустомеле пришлось остановиться.

— Разве не видишь, что я иду? — спросил он, слегка опешивший от такой наглости.

— Простите, кто это я? — поинтересовалась Барвинка, остановившись в одном шаге от Пустомели и оглядев его с ног до головы спокойным холодным взглядом.

— Ах ты, малявка! — рассердился Пустомеля и замахнулся кулаком, собираясь треснуть эту нахальную людишку прямо по голове.

Барвинка не двинулась с места, и даже выражение ее лица не изменилось. Только огромные черные глаза немного сузились.

— Ударь, попробуй, — сказала она, глядя ему в зрачки так, что Пустомеле пришлось отвести взгляд.

— Подумаешь, — проворчал он, но все-таки отошел в сторону, давая Барвинке дорогу.

— А вот вы подумайте, — ответила она. — Вы и правда считаете, что можно ударить живого людишку по лицу только за то, что он не уступил вам дорогу?

Пустомеля открыл рот, чтобы что-нибудь сказать, но не смог ничего придумать.

— Тогда я бы вам посоветовала найти железную палку и всегда носить ее с собой. А как встретится вам прохожий — бейте его палкой по голове наотмашь. Тогда дорога для вас всегда будет свободна.

Сказав это, Барвинка отвернулась от Пустомели и прошла мимо. А Пустомеля так и стоял, не сдвинувшись с места, глядя ей вслед. Он даже забыл закрыть рот.

Глава первая.

УТРЕННЯЯ ВСТРЕЧА

Прошло несколько дней после того, как Никтошка вернулся в Цветоград. Тот самый Никтошка из книги «Приключения Никтошки», который долго везде блуждал, а потом наконец вернулся домой. Барвинка, разумеется, о Никтошке не имела никакого понятия. Было раннее утро, а Барвинка любила вставать ни свет ни заря. Полив маленький садик, в котором она выращивала чернику и землянику, Барвинка нацепила свои потертые джинсы и мятую невзрачную футболку и вышла на улицу.

Она медленно шла по бульвару Гладиолусов, вдоль которого росли эти высокие благородные цветы, и задумчиво постукивала кулачком по их толстым, словно фонарный столб, стеблям. Несмотря на то, что была уже осень, еще не все гладиолусы отцвели. Главный садовник Цветограда Букашка поддерживал в городе цветение почти до самой зимы. После недавней грозы повсюду лежали красные, оранжевые и желтые одеяла кленовых листьев, занесенные ветром из соседнего леса. Барвинка о чем-то задумалась и медленно шла по этим одеялам, переступая с одного на другое.

Бульвар был пуст, людишки еще не проснулись. Только далеко впереди кто-то шел Барвинке навстречу. Это был охотник Патрон. На поводке он вел своего бультерьера Булька, а через плечо у него висело охотничье ружье. Булёк вырвался и с веселым лаем кинулся лизать Барвинке лицо.

— Куда направляешься? — спросила Барвинка Патрона.

Они с Патроном были на «ты». Барвинка часто встречала охотника где-нибудь в парке или в поле и играла с Бульком. Она вообще любила животных и всегда помогала им. В столовой у нее стоял

terrариум с дождевыми червями — Барвинка отбила их в один дождливый день у хулиганов Бычка и Кнутика, таскавших червей за хвост. В спальне жили две гусеницы, которых Барвинка любила гладить и подкладывала себе под голову вместо подушек. В гостиной стояла клетка с ручной стрекозой. Барвинка иногда выпускала ее полетать по дому.

Кроме этих относительно мелких существ (стрекоза для людишек примерно как для нас — птица-альбатрос) у Барвинки в доме жили еще четыре кошки. Каждое утро она выставляла у крыльца таз сметаны и целое огромное корыто молока. Кошки и коты сбегались чуть ли не со всего Цветограда. Нередко они затевали спор и орали друг на друга, раскрыв пасти. Жители соседних домов жаловались, что их так рано будят по утрам. Но больше всего соседей раздражало то, что это кормление мешало мусорной машине заезжать в переулок Ромашек, потому что коты ведь для людишек размером с тигра, а попробуйте представить себе стадо из пятидесяти тигров на своей улице! Так что мусорщики, бывало, по нескольку дней игнорировали переулок, и он оказывался завален мусором.

— Куда направляетесь? — спросила Барвинка, целуя Булька в его широкую, добродушную морду.

— Да вот, на охоту идем, — ответил Патрон. — Малянцы пристали — давно, говорят, мяса не ели, принеси чего-нибудь. Вот и пришлось рано встать и идти в лес.

— А на кого будете охотиться? — поинтересовалась Барвинка. Она никогда не была на охоте и с трудом представляла себе, что это такое.

— На кого получится, — ответил Патрон. — Может, на уток или на зайца. А если повезет — и лося застрелю, тогда малянцам на четыре месяца мяса хватит. У нас Напильник с Молотком недавно закончили строить большой холодильник во дворе. Он размером почти с наш дом, только весь находится под землей. Туда как раз целый лось влезет. Правда, придется всех в лес звать, чтобы помогли дотащить — одному не справиться.

У Барвинки было сильно развито воображение. Она вообще была очень впечатлительная. Если ей что-нибудь рассказывали, она моментально представляла это себе во всех самых мелких деталях и подробностях. Барвинка тотчас увидела перед глазами эту картину: людишки тащат по улицам несчастного лося с печально вытянутой мордой и длинными рогами. Ноги бедного животного волочатся по пыльному тротуару, рога цепляются за фонарные столбы. А потом его запихивают под землю, в мрачный холодильник.

Барвинке стало нехорошо. Несмотря на свежий утренний ветерок, она почувствовала, что ей жарко. Малянка вытерла футболкой мокрый лоб.

— А как же... как же вы его по улицам несете? — заикаясь, спросила она. — Ведь он будет рогами... копытами... за дома задевать.

— Что ты! — рассмеялся Патрон. — Кто ж целиком тащит? Мы его по кусочкам. Сначала...

Но Барвинка уже не слушала. У нее закружилась голова. Нет, Барвинка тоже, конечно же, ела мясо. Сама-то она готовить не любила и всегда питалась в столовой на углу бульвара Кактусов и улицы Росянок. На обед там давали куриные котлеты или говяжий гуляш, или свиную отбивную. Но Барвинка никогда не задумывалась, из чего, или, вернее, из кого всё это приготовлено. Теперь она вспомнила всё, что ела в столовой, и живо представила себе этих несчастных животных!

Барвинке стало очень нехорошо. Ее затошнило. Она давно уже не слушала Патрона, увлеченно рассказывавшего про охоту. До ее сознания долетали только отдельные фразы: «Утку застрелить непросто, надо хорошо целиться». «Кабан очень сильный. В него и двадцать пуль всадишь — он устоит». Барвинка опустила на корточки.

— Барвинка, что с тобой? — испугался Патрон. Он присел рядом с ней. Булэк, увидев, что Барвинке плохо, пытался помочь, облизывая своим мокрым языком ей лицо.

У Барвинки сильно стучало сердце и звенело в ушах. Сквозь этот звон до нее доносились слова Патрона:

— Ты, наверно, с утра не поела... я тоже если вовремя не поем...

Барвинка уткнула голову в колени.

— Надо срочно позвать Таблеткина. Беги, Булэк! — закричал охотник.

— Хорошо, что у меня с собой бутерброд с колбасой. Вот, держи. — И Патрон вытащил из рюкзака бутерброд. — Ветчина свежая, только вчера сделанная. Свиная.

У Барвинки потемнело в глазах, и что было дальше — она не помнила. Очнулась она от обморока в гостиной дома на улице Незабудок, куда охотник Патрон принес Барвинку на руках.

— Это нервное, — сказал доктор Таблеткин, дав малянке понюхать нашатырного спирта.

Глава вторая.

НОВАЯ ДИЕТА

С тех пор Барвинка мяса в рот не брала. Она теперь даже запах вареного или жареного мяса не выносила. Барвинка не могла больше есть в столовой на улице Росянок, потому что там пахло мясом. Пришлось ей научиться самой себе готовить. Как-то раз к ней зашла Кнопочка и застала Барвинку за этим занятием. (Имя Кнопочка очень распространено в Цветограде, и это была совсем не та Кнопочка, которую любил таскать за косички Пустомеля, а другая малянка, ее тезка). Кнопочка застала Барвинку за жарением яичницы.

— Первый раз вижу тебя занятой приготовлением пищи! — удивилась Кнопочка. — С каких это пор ты готовишь?

— Да вот... решила не ходить больше в столовую.

— Ну и правильно. Как можно есть эту гадость? Они даже курицу как следует запечь не умеют!

Подруга так глянула на Кнопочку, что та испугалась.

— Курицу?! — грозно переспросила Барвинка.

— Ну да, ку-... рицу...

Кнопочка присела на краешек стула. Кухня у Барвинки выглядела неважно. Шкафчики — все в пятнах пригоревшего жира. Плита давно не чищена. Окно закоптелое. На посуде какой-то странный налет...

— Хочешь, я помогу тебе тут убрать? — предложила Кнопочка, чтобы перевести разговор на другую тему.

— Нет, — ответила Барвинка. — Мне сейчас не до того.

Кнопочка помолчала. Она почувствовала, что подруга не в духе.

— Скажи... задумчиво произнесла Барвинка. — Ты когда последний раз курицу ела?

— Я?... курицу?

— Да.

— Кажется... кажется, в прошлую пятницу. Или нет, в четверг вечером. У Мошки на дне рождения.

— В пятницу... а как ты думаешь, что эта курица делала до пятницы?

— До пятницы? — испуганно переспросила Кнопочка. Ей вдруг показалось, что Барвинка сошла с ума.

— Да, до пятницы. Что она делала в четверг, в среду, во вторник?

Яичница у Барвинки стала пригорать, но она не обращала на это внимание.

— Я не знаю, — пролепетала Кнопочка. Она опасливо взглянула на Барвинку и приподнялась со стула. — Пожалуй, я пойду, мне пора...

— Сиди! — приказала Барвинка.

Кнопочка послушно уселась обратно на стул.

— Я тебе скажу, что делала эта курица. Которую ты съела.

Кнопочка молча ждала.

— Она жила.

— Жила?

— Да, жила, ясно тебе?

— Но... Мошка ее купила в среду, и, когда служба доставки ее привезла... она была уже... была уже... мертвая.

— Мертвая, — передразнила Барвинка. — Какая разница, что она была в среду мертвая?

— Я не знаю, — жалобно проговорила Кнопочка. Она теперь не сомневалась, что Барвинка сумасшедшая, только очень боялась, чтобы та на нее как-нибудь не напала.

От жарящейся яичницы тем временем повалил удушливый коричневый дым. Окно, выходящее в сад, было закрыто. Кнопочка и Барвинка стали кашлять. Барвинка как будто очнулась. Она схватила сковородку, кинула ее в раковину и открыла воду. От сковородки пошел пар. Кнопочка бросилась к окну и открыла его.

— Фу, — сказала она, отдышавшись, и посмотрела на Барвинку.

Кажется, теперь Барвинка выглядела вполне нормальной.

— Тут так было душно, — с облегчением сказала Кнопочка. — Тебе нужно чаще проветривать и побольше бывать на свежем воздухе.

— Кнопочка! Не морочь мне голову! Курица была живая, бегала по травке, клевала зернышки и радовалась жизни. Вы ее убили, а потом съели. Это отвратительно! Я так больше жить не хочу!

— Что ты, — Кнопочка всплеснула руками, — я никого не убивала!

— Не ты, так другие убили, но ведь ты ела, ела!

— Ела? Да, ты права, ела...

Кнопочка задумалась. Она снова опустилась на стул и наморщила лобик, словно что-то усиленно соображая. Барвинка стояла в углу, скрестив руки, и не мешала ей.

— Да, ты права, — сказала наконец Кнопочка. — Я ее ела. Ела эту мертвую курицу. Боже мой, как это отвратительно!

— Конечно, отвратительно! Гадко и безобразно! У курицы, наверное, были дети. Они любили ее...

— О, пожалуйста, — зарыдала Кнопочка. — Я больше не могу, перестань! Я больше... — плакала она, — больше... ни... никогда... не буду... есть куриц!

Так в Цветограде появились первые вегетарианцы — Барвинка и Кнопочка. Тогда они еще не знали, что они называются вегетарианцы. Кнопочка и Барвинка решили убеждать других малянок и малянцев перестать есть мясо. Чтобы больше не убивать животных.

— Давай каждая из нас пойдет и станет рассказывать другим, как это плохо — есть мясо, — предложила Барвинка.

— Для этого нам нужно основать общество, — сказала Кнопочка.

— Общество?

— Ну да. В него будем принимать тех, кто уже перестал есть мясо. А тех, кто еще не перестал, а только собирается перестать, будем принимать стажёрами.

— А кто такие стажёры?

— Стажёры — это те, кто еще пока только учится.

— Правильно, будем учить людишек, как можно обойтись без мяса.

— А как можно? — спросила Кнопочка.

— Знаешь, я пока и сама не знаю.

— А ты давно уже мясо не ешь?

— Уже три дня.

— Три дня?

Кнопочка задумалась. От залитой водой сковородки все еще пахло подгорелой яичницей. Кнопочка еще сегодня не завтракала. Она вдруг почувствовала, что проголодалась.

— Слушай, у тебя нет чего-нибудь пожевать? — спросила она. — Сделай мне какой-нибудь бутерброд с колбасой или, там, с сыром...

— Ты что, с ума сошла? С какой еще колбасой?

— С какой-нибудь. Лучше с копченой...

— Ты что, не понимаешь, что колбасу делают из убитых зверей?

— Ой, точно... я и забыла.

— Я тебе могу салат сделать. Из огурца и помидора.

— Ну давай, — вяло согласилась Кнопочка.

Барвинка стала готовить салат, но Кнопочка предложила сделать это самой. Она не могла смотреть, как Барвинка кромсает помидорный кружок.

— Нужно тоненько нарезать, аккуратно, чтобы сок не выливался — понятно? А то потом есть будет невкусно, — показывала Кнопочка.

Поев салата, они сели пить чай с печеньем.

— Знаешь что? — сказала Кнопочка.

— Что?

— Надо вначале узнать. Может, и нельзя совсем без мяса.

— Как это нельзя?

— Может, если долго не есть мяса, то умрешь.

Барвинка задумалась.

— Ты права, — сказала она наконец. — Это я, дура, не подумала. Прежде чем начинать убеждать людишек и общество открывать, нужно вначале узнать. Может, это и не возможно вовсе.

— Да. Тигры, например, едят одно мясо. Если их помидорами кормить, они сдохнут.

— Правда. И кошки тоже сдохнут. Они хоть и молоко пьют, а без мышей или птичек жить не могут.

— Но мы-то много всего разного едим, может быть, мы и можем...

— Придумала! Пошли к Таблеткину, он нам точно скажет, он ведь врач.

— Пошли!

И подруги поспешили на улицу Незабудок. Пока они шли, Кнопочка стала представлять себе мир без мяса. Можно будет есть больше овощей и фруктов. Всякие там каши — самые разнообразные. Гречневая, пшённая, перловая... картошка, макароны, рис. Подумаешь — мясо! Да есть молоко, творог, йогурты, вареники, пельмени... Тут Кнопочкины мысли запнулись. «Черт, — подумала она, — в пельменях мясо. Так и ошибиться можно. Надо список написать — что можно есть, а чего нельзя».

В это время они проходили мимо шашлычной, из которой так аппетитно пахло жарящейся бараниной, что у Кнопочки потекли слюнки. Она так и не наелась салатом, которым накормила ее Барвинка. Кнопочка машинально схватила подругу за руку, показывая на шашлычную.

— Ты права, мы добьемся того, что всех их закроют! — уверенно сказала Барвинка.

Они пошли дальше, мимо площади Путешественников, где недавно установили памятник Дирижаблю. На мраморном пьедестале стояла бронзовая гондола, в которой сидели статуи людишек. Рядом с гондолой возвышался огромный Знайка, держащий в руках стеклянный дирижабль, опутанный бронзовой сетью. Сеть была привязана к углам гондолы. Дирижабль и гондола были как настоящие, и людишки в гондоле — словно живые. Только Знайка получился раз в десять выше, чем все остальные, но так и было задумано скульптором Зубилой, которая этот памятник создала. «Дирижабль подняла сила ума», — гласила надпись на мраморном пьедестале.

Людишкам очень нравился памятник, а особенно удобно в нем было обедать, потому что в обеденное время в кафе на площади Путешественников не хватало столиков. А в бронзовой гондоле места было полно, да еще и громадный дирижабль в жару защищал от солнца, а в плохую погоду — от дождя. Вот и сейчас — кроме пятнадцати бронзовых путешественников, в гондоле сидело еще тридцать или сорок живых малянок и малянцев.

Цветоградцы любили эту площадь еще и потому, что на ней, кроме кафе и ресторанов, были установлены разные качели, качалки, карусель с лошадками, другая карусель с лодочками и небольшое чёртово колесо. Вкусно пообедав, можно было сесть на качели или на одну из каруселей и «получить огромное удовольствие», — как гласила рекламная надпись над аттракционами.

«Потом еще пирожные разные, мороженое, конфеты, — думала Кнопочка, глядя на карусели и на кружащихся людишек. — Шоколад, зефир, пастила. Козьи наки. Да мало ли? Столько разной еды существует на свете — до отвала можно наестся и без того, чтоб кого-то убивать».

А Барвинка ни о чем не думала. Яичница сгорела, и она так толком и не позавтракала. Третий день подряд Барвинка ела салат и третий день подряд не наедалась. Голод уже притупился, но и сама Барвинка словно отупела.

Глава вторая с половиной.

А ВОЗМОЖНО ЛИ ЭТО?

Самой Барвинке было не под силу что-нибудь организовать. Зато у нее был талант идейного вдохновителя. Она могла кого хочешь вдохновить своей идеей. А действовать в нужную минуту умела ее подруга Кнопочка. По собственной инициативе она редко что-нибудь предпринимала, но когда нужно было, Барвинка всегда могла на нее нажать — и Кнопочка действовала безотказно.

— Слушай, Таблеткин, — сказала Кнопочка, едва они переступили порог дома на улице Незабудок. — Может людишка одними овощами и фруктами питаться?

— Овощами и фруктами?

— Да, овощами и фруктами, — сказала Барвинка.

Доктор Таблеткин сдвинул на нос свое пенсне и посмотрел на обеих малянок.

— Вы интересуетесь правильным питанием?

Малянки переглянулись.

— Людишке прежде всего нужен крахмал. Потом жиры и углеводы. Витамины, белки, минералы.

— Белки и минералы? — растерянно переспросила Кнопочка. — А что это такое?

Таблеткин был очень рад, что малянки заинтересовались питанием.

— Пойдемте в гостиную, я вам все объясню, — сказал он. — Питание, голубушки, — это целая наука. Десятки ученых посвятили свою жизнь изучению проблемы правильного питания.

— А что, есть такая проблема?

— Еще как есть!

В гостиной Таблеткин подошел к висевшей на стене доске, на которой людишки писали, рисовали и вешали объявления. Таблеткин стер тряпкой все, что там было написано, и выбросил в мусорное ведро объявления. Потом взял мел и принялся рисовать.

— Это так называемая пирамида питания, — сказал он, нарисовав большой треугольник. — Открыл ее знаменитый малянец по имени... черт, забыл — но не важно. Пирамида питания позволяет нам понять, какие вещества людишкам нужно употреблять больше, а какие — меньше, и в каких продуктах эти вещества есть.

Барвинка и Кнопочка сели на стулья и стали слушать Таблеткина. Вскоре к ним присоединились малянки, которые жили в этом доме: Знайка, повар Кастрюля, Натурик с Конкретиком и другие.

— У пирамиды четыре этажа, — рассказывал Таблеткин. — На первом этаже находятся продукты, содержащие так называемые «длинные углеводы». Эти продукты мы должны употреблять больше всего. Их нужно есть каждый раз, когда мы принимаем пищу. К ним относятся хлеб, макароны, каши. Второй этаж пирамиды включает продукты, содержащие белки...

По правде сказать, Барвинка ничего не понимала в этих белках и углеводах. Она в растерянности смотрела на Кнопочку, которая с интересом следила за доктором. Таблеткин все говорил и говорил, а художник Мальберт помогал ему и цветными мелками изображал на доске разные съестные вещи. Уже вся доска была изрисована жареными частями куриц, картофельным пюре с подливой, тарелками с рисом и макаронами, пиццей, салатами, хлебом, овощами и фруктами и разнообразными сладостями. Возле каждого блюда Таблеткин чертил химические формулы веществ, из которых оно состоит.

Закончил он свою лекцию словами: «Надеюсь, теперь вы поняли, как важно для людишки правильно питаться?»

Барвинка, которая чуть было не уснула, встрепенулась и подошла к Кнопочке:

— Ну давай! Ты в этом больше понимаешь, чем я. Спроси его!

— О чем?

— Ну как о чем? Мы сюда, вообще, зачем пришли? Чтобы про какие-то пирамиды слушать?

— Ах да, — вспомнила Кнопочка.

Она подошла к Таблеткину.

— Доктор, — сказала она. — Ваша лекция нам очень понравилась. Это всё крайне интересно. Но не могли бы вы ответить на один простой вопрос? Можно ли людишке обойтись совсем без мяса?

— Обойтись без мяса? — переспросил Таблеткин.

— Да, без мяса. Например, есть картошку, кашу, сыр, овощи...

— А для чего это нужно? — удивился Таблеткин. — Чем разнообразнее диета каждого людишки, тем это лучше для его здоровья. Зачем же намеренно лишать себя каких-нибудь продуктов? Ну, я понимаю, если кто-то не любит редьку или свёклу. Можно, конечно, его и заставить есть свёклу... — Таблеткин улыбнулся. — Но если не заставлять, то свёклу можно заменить другими овощами. Например, репкой. А вместо редьки есть редиску, а уж кто совсем не любит редиску, может есть хрен...

— Фу, какая гадость! Бе! — сказал Конкретик.

— А можно чем-нибудь заменить мясо? — настаивала Кнопочка. — Ну вот, например, если сделать такой опыт и попробовать прожить без мяса целый год. Предположим, что людишка попадет на необитаемый остров, где не водятся никакие животные?

Таблеткин задумался. Он подошел к доске и стал на ней чертить разные формулы и писать названия химических веществ.

— А почему бы и нет? — сказал он наконец. — Не вижу серьезных препятствий. Нужно только следить, чтобы организм получал достаточное количество белков и жиров. Пить побольше молока, есть творог, сыр, яйца, кушать хлеб с маслом. Можно есть грибы. Особенно полезны орехи и еще фасоль...

— А это не вредно для здоровья — не есть мясо? — осторожно спросила Кнопочка.

— Нет, не думаю. Мясо вполне можно заменить.

— Ура! — сказала Барвинка. — Теперь можно открывать общество.

— Какое общество? — удивился ученый Знайка.

— Никакое. Пока это секрет. Скоро вы сами обо всем узнаете.

— Все же я не вижу причин, по которым нужно отказываться от мяса, — сказал доктор Таблеткин. — В нем очень много самых разных питательных веществ.

— Причина очень простая, — сказала Барвинка вполголоса. — Некоторые не хотят убивать животных.

И, взяв подругу под руку, она поспешила домой.

Глава третья.

ФИЛОСОФСКИЙ ВОПРОС

— Всё, теперь пора открывать общество, — схватила Кнопочку за рукав нетерпеливая Барвинка, едва они вышли на бульвар Васильков.

— Как же мы его назовем?

— Да неважно, как назовем. Потом придумаем. Самое главное сейчас на свою сторону хоть немного людишек привлечь.

— Ладно, давай привлекать.

— Только с кого начнем?

— Что-то дождь начинается, — заметила Кнопочка, доставая из сумки яркий салатный зонтик.

У Барвинки тоже был зонтик, но он никак не раскрывался. А настроение у нее сегодня было такое, что она с размаху засунула его в бронзовую урну возле старинных ворот парка Кувшинок. Кнопочка достала из сумочки еще один зонтик — розовый в белый горошек и протянула подруге.

— Запасливая какая, — порадовалась Барвинка.

Они пошли под зонтами мимо длинного забора парка.

— Давай начнем с Кастрюли-повара! — предложила Кнопочка. — Он всех кормит и за еду отвечает. К тому же он добрый. Если Кастрюля станет вегетарианцем, он изо всех сил будет вегетарианскую пищу распространять — я уверена.

— Давай, — согласилась Барвинка.

Кастрюля был шеф-поваром одного из самых любимых малянками и малянцами ресторанов в Цветограде. Этот ресторан назывался «Патиссон». «Патиссон» находился в самом центре, возле площади Свободы.

Погода портилась. Поднявшийся ветер нагнал откуда-то серых туч, и зарядил противный мелкий дождь, который — ясно было — собирается моросить целый день. Кастрюлю дождь приводил в уныние. Он грустно сидел у окна своего ресторана. Прижавшись носом к широкому стеклу, выходящему на проспект Пионов, Кастрюля смотрел на дождь. Ему даже есть не хотелось.

— Привет, Кастрюля, — поздоровались малянки.

Они отряхнули от воды свои цветные зонтики и поставили их в ведро у входа.

— Привет, — печально ответил повар.

— Что, грустно?

— Не весело. Не люблю я дождь.

— Ну, дождь — это ерунда. А вот некоторым сейчас намного грустнее, чем тебе.

— Это кому же, интересно? Напильнику, что ли?

— При чем тут Напильник?

— Ну как... может, у него механизм какой от дождя заржавел...

— Да какой еще механизм? Я тебе про несчастных животных толкую, — сказала Кнопочка.

— А что животным плохо? Сидят себе в своих норах. Они дождя не боятся.

— Да при чем тут дождь? — рассердилась Кнопочка.

— Подожди, — остановила ее Барвинка. — Хватит морочить ему голову.

— Кастрюля! — донеслось из кухни. — Котлеты жарить?

— Не надо пока! Посетителей мало, и они ничего не заказывают — какой может быть у людишек аппетит в такую погоду? Хотя нет, погоди! Будете котлетки? — обратился Кастрюля к малянкам. — Свиные, горяченькие, прямо сейчас со сковородки...

Кнопочка скорчила ужасную гримасу, а Барвинка сказала:

— Мы, Кастрюля, котлеты не едим. И тебе не советуем.

— Это почему?

— Потому что мы против убийства животных.

— Каких животных? — не понял Кастрюля.

— Свиной, из которых вы котлеты делаете.

— Свиной? — поразился повар. — А что, их убивают?

— А ты что думал? Что они мясо отдают, а сами живыми остаются?

— А, ты про это...

— Да-да, именно про это.

— Ну и что? — зевнул Кастрюля. — Они же ничего не понимают.

— А может понимают, ты-то откуда знаешь?

— Да что вы ко мне пристали? Не хотите котлеты — не ешьте, я разве против? Клиент всегда прав. Садитесь, я вам уху подам, у нас сегодня уха свежая.

— Уху можно? — потихоньку спросила Барвинку Кнопочка.

— Ты что? Уха же из рыбы!

— А да, правда. Мы уху не будем есть, — сказала Кнопочка Кастрюле. — Ее из рыбы делают.

— Ну и что?

— А то, что рыба хотела жить, а ее убили.

— Откуда вы знаете, чего она хотела? Вы ее что, спрашивали? Если б хотела, то не попалась бы на крючок.

— Ее подло обманули, вот она на крючок и попалась, — сказала Барвинка.

— Кто это ее обманул?

— А тот, кто ее поймал — рыбак. Он ей червяка подсунул. Она голодная была, есть хотела. Думала, что это червяк, а это оказался замаскированный крючок!

— Значит, она хотела съесть червяка? — уточнил Кастрюля.

— Хотела, да! А вы ее поймали, убили и сварили.

— Ну, значит, так ей и надо. А тебе червяка не жалко? Эти рыбы столько червяков едят!

В это время к спорящим подошел малянец по имени Герадокл. Он сидел за столиком возле входа и слышал разговор малянок с поваром Кастрюлей.

Герадокл был философом и историком и прочел множество древних книг. В них он почерпнул самые разные знания. В Цветограде Герадокл стал известен из-за своих странных идей, которые время от времени возникали у него в голове. Герадокл записывал их на бумажках и раздавал всем. Чаще всего это были идеи о том, как устроен мир.

Например, однажды Герадокл собрал своих друзей и объявил им, что понял, откуда взялись людишки.

— На заре времен, — сказал Герадокл, — когда земля еще была голая и пустынная, на ней происходили разные сложные процессы. Что это за процессы — об этом спросите Знайку. Этим занимается наука. Я только скажу, что в результате появилось множество самых разнообразных форм.

— Ты имеешь в виду конусы и параллелепипеды? — спросили его людишки, но Герадокл сказал:

— Нет, это слишком простые формы. А тогда появились очень сложные формы. Они состояли из множества простых, соединенных между собой.

Людишки задумались. Герадокл подождал, чтобы дать им поразмышлять над его словами, и потом продолжал:

— Это были очень странные существа. Нам бы они показались нелепыми и ужасными. У них было по десять рук, и на каждой разное число пальцев — от одного до сотни. У них было по тринадцать ног, и некоторые из этих ног закручивались между собой.

Герадокл снова помолчал.

— Сейчас все малянцы и малянки одинаковые и имеют по две ноги, две руки и одной голове на плечах. А тогда появились существа с тремя головами. Вместо плеч у них торчала нога, а вместо колен шарообразные пальцы. Были и существа всего только с двумя кубическими головами и тремя руками. Были и такие, у которых вовсе не было головы, а была только одна нога в форме пирамиды и одна рука с двумя пальцами. Наконец, были и подобные нам: с одной головой, парой рук и ног.

Людишки раздумывали над тем, что сказал Герадокл. Каждый стал представлять себе этих странных и загадочных существ.

— Но это всё не важно, друзья, — помедлив, продолжал Герадокл. — Много чего странного и необычного появилось в то время. Главное то — что выжили только приспособленные.

— Как это? — не поняли все.

— А так. Разве могли передвигаться, добывать себе пищу, разводить огонь и вообще жить по-человечески существа с семью головами и восемнадцатью ногами? Конечно же нет! Поэтому все они погибли. Вымерли. А остались только те, у которых было две ноги, две руки с пятью пальцами на каждой и одна голова.

— Где же они теперь? — спросил Пустомеля, который совершенно случайно оказался среди слушателей. — Те, что остались?

— Я ждал этого вопроса, — сказал Герадокл. — Я знал, что обязательно найдется кто-нибудь, кто его задаст. Подойди к зеркалу, о любознательный людишка, и посмотри внимательно в него. Там ты найдешь ответ.

И Герадокл раздал слушателям бумажки, на которых было написано: «ВЫЖИВАЮТ ПРИСПОСОБЛЕННЫЕ».

Герадокл любит сидеть в ресторанах и кафе. Он заказывал себе какую-нибудь еду, каждый раз разную и обязательно ярких цветов. Но Герадокл никогда заказанное кушанье не ел. Он сидел перед тарелкой и размышлял. Различные блюда — морковный салат с майонезом, фаршированный зеленый горошек, куриные отбивные в земляничном соусе — давали пищу его размышлениям. Герадокл

подцеплял на вилку отбивную и долго смотрел, как с нее стекает подлива. Или строил из пюре замок и украшал его. Пушки он делал из сосисок, окна — из огуречных семечек, купол — из половинки горошины. Вокруг выкапывал ров, заполняя его майонезом. Потом Герадокл заливал замок гранатовым соком и смотрел, как красная жидкость течет по его стенам и просачивается в окна. «Это кара», — бормотал он.

Порой Герадокл просто лепил из еды разные бессмысленные формы. Посетители ресторанов, а также официанты не любили его за то, что он иногда вдруг брал еду прямо руками и начинал ее мять. Больше всего Герадоклу нравились соусы и подливы. Они текли, и съедобный натюрморт на тарелке менялся. Это соответствовало главной теории Герадокла — ТЕОРИИ ВСЕОБЩЕГО ТЕЧЕНИЯ. «Всё течет, всё изменяется», — любил повторять Герадокл. Глядя на его руки, чуть ли не по локоть вымазанные в кетчупе, некоторые людишки открыто возмущались. Но Герадокл всегда исправно платил за заказанные блюда, к тому же он оставлял щедрые чаевые, поэтому в ресторанах его терпели.

Сегодня историк был одним из немногих посетителей «Патиссона». На тарелке его, как обычно, высилась гора какой-то серой, бесформенной массы, политой чем-то красным. Спор малянок с Кастрюлей заинтересовал его.

Мимо ресторана проходила большая компания людишек. В это время дождь ливанул изо всех сил, и компания бросилась в «Патиссон».

— Входите, входите! — гостеприимно приглашал Кастрюля, придерживая дверь и принимая у новых посетителей зонты и мокрые куртки.

— Я слышал ваш разговор, — начал Герадокл, втискиваясь между Кнопочкой и Барвинкой, которые все еще стояли у входа.

— О чем идет речь? — спросил у Кастрюли кто-то из вошедших.

— Некоторые считают, что нельзя есть мясо. Потому что для этого надо убивать животных.

— Животных? — удивились все.

— Это интересно!

— Ерунда какая-то!

— И правда, жалко куриц!

— А как же мясо-то есть, если не убивать? Непонятно!

— Тема, которую вы затронули, составляет глубокую философскую проблему, — продолжал Герадокл, не замечая остальных и обращаясь к Барвинке с Кнопочкой.

— Какую же? — нетерпеливо спросила Барвинка.

— Мы питаемся рыбой, а рыба питается червяком. Съев одну рыбу, мы тем самым спасаем тысячу червяков, которых она могла бы съесть за свою оставшуюся жизнь, если бы не умерла.

Герадокл сделал паузу и многозначительно пошевелил пальцами рук, словно изображая спасшихся от зубов рыбы червяков.

— Только представьте себе эту тысячу счастливых червячков, безмятежно копошащихся в земле и радующихся жизни. Но не всё так просто! Червяк, в свою очередь, питается разными букашками. Спасая тысячу червяков, мы обрекаем на гибель миллион букашек, которых съедят эти червяки, и которых они бы не съели, если бы мы не съели рыбу. Представьте себе миллион несчастных букашек, обреченных на смерть!

— А чем питаются букашки? — спросил малянец по имени Гнобик, с размаха сняв куртку.

Тут все призадумались. Оказывается, этого никто не знал.

— Может, они питаются микробами? — робко предположила веснушчатая малянка Рябочка, с жиденьких рыжих косичек которой текла вода.

— Ну вот. Теперь нужно решать, можно или нет убивать микробов.

— Знаете что? — сказала Барвинка. — Мне нет никакого дела до того, кого едят рыбы или кого убивают червяки. Я лично не хочу никого убивать, вот поэтому я и не ем рыб. А то, что рыбы убивают червяков или не убивают — это пусть будет на их совести.

— Но у рыб же нет никакой совести! — слышалось из глубины зала.

Все повернулись в ту сторону и увидели малянца по имени Мормышкин, который преспокойно сидел за столиком и с удовольствием хлебал уху. Мормышкин был заядлым рыболовом.

— Я вчера весь день на речке провел. Ну хоть бы маленького карасика поймать! И главное — клёв-то есть. Но рыбы стали просто наглыми. Совести у них просто никакой! Всего червяка по кусочку обкусывает, а на крючок не попадает. Целую банку червей извел!

В ресторан входили новые малянцы и малянки. Повар Кастрюля лично рассаживал всех за столики. А Герадокл с Барвинкой и Кнопочкой все еще стояли у дверей. К ним подошел поэт Пёрышкин, который был завсегдаем «Патиссона».

— Послушайте! У меня родилась басня! — громко возвестил Пёрышкин.

— Какая еще басня? — возмутилась Барвинка. — При чем тут басня, мы обсуждаем серьезные вещи?

— А у него, может, серьезная басня, — возразил сидящий неподалеку художник Мальберт. Он набрасывал карандашом портреты людишек в своем маленьком альбомчике.

— Пусть читает! — закричали все.

Пёрышкин взобрался на стул и с достоинством откинул назад свою длинную челку, напоминавшую воробьиные перья. Подождав, когда вокруг стихнет, он откашлялся и звонко произнес название: «КРУГОВОРОТ СЧАСТЬЯ». И стал читать:

Букашка пообедала микробом.

Он пострадал, но счастлива букашка.

Букашку съел червяк — и с Богом!

Он рад, но бедная букашка...

Тут червяка настал черед, он стал едою.

И рыба счастлива вполне и весела.

Но мимолетно рыбе счастье под водою,

Ведь на крючке она тогда уже была.

Страданье рыбе — человеку благодать.

Как вкусно пообедал он ухой!

Но вот болезнь его свалила на кровать,

Стал человек микробовой едой.

Несчастлив человек, а радость у микроба...

Что заключить из басни этой нам под статью?

Чтоб сделать счастливым кого-нибудь другого,

Ты сам несчастным должен стать!

Басня так поразила присутствующих, что несколько секунд все молчали. Потом раздались дружные аплодисменты. Вылетела пробка из бутылки с безалкогольным шампанским.

— Ура! Bravo! — кричали все.

— Молодец, Пёрышкин! — кричал Гнобик. — Правильно всё понял! Хочешь быть счастливым — ешь рыбу! А хочешь других осчастливить — заболей, и дело с концом!

«Идиоты! — подумала Барвинка. — Ведь они всё прекрасно понимают, просто издеваются».

А Кнопочка вздохнула и сказала:

— Эх, ничего-то они не понимают.

До Барвинки наконец дошло, что тут у нее ничего не получилось. Кнопочка ведь так быстро с ней согласилась, что есть мясо — плохо, и сразу встала на ее сторону! А этим хоть бы что. Одна философия, а конкретных действий никто предпринимать не хочет. А как же — кому охота отказываться от вкусенькой еды? А животные-то страдают!

Но вслух она сказала:

— Пойдем отсюда, Кнопочка. Что с ними говорить? Они нас не понимают. Шутят, философствуют, стихи выдумывают...

— Подожди, Барвинка. Поешь хотя бы! — сказал Кастрюля. — Сегодня бесплатно, за счет заведения.

— Что это ты так расщедрился?

— Да посмотри, какую ты толпу здесь собрала!

Барвинка огляделась и увидела, что пока они спорили о мясе, в ресторан и правда набежала куча народу.

— Да это не я, а дождь.

— Ну нет — вон «Котлета» напротив пустая стоит, ни одного посетителя, а в соседнем «Чебуреке» один единственный малянец чебурек на вилку цепляет, — возразил художник Мальберт. — Людишкам приятно развлечься философией в дождливый день.

— Да дело тут вовсе не в философии! — набросилась на него Барвинка. — Пока ты правой рукой рисуешь а левой вот этот шашлык себе в рот заталкиваешь — на свете живые курицы и коровы гибнут.

Голодная Барвинка так разозлилась, что уже замахнулась и собиралась треснуть довольную физиономию художника прямо по лбу, но Кнопочка схватила ее за рукав:

— Давай пообедаем, — сказала она. — Я так проголодалась.

Барвинка колебалась.

— Пока поедим и подождем, что будет. Может, кто-нибудь и захочет нас поддержать. А если сейчас уйдем — то, значит, всё напрасно, — убеждала подруга.

Барвинка согласилась.

— Только смотри, — сказала она Кастрюле, — ты ведь понял, что мы не всякую еду едим.

— Конечно-конечно! — воскликнул Кастрюля. — Я знаю! Для вас — еда без убийств. Никакого мяса. И рыбы, — прибавил он. — Да я вас в отдельный зал отведу, он сейчас закрыт, там убирают. Специально для вас открою!

Глава четвертая.

ЗА ОБЕДОМ

Повар Кастрюля провел Барвинку и Кнопочку налево, туда, где веревочкой был отгорожен отдельный зал. Там две официантки, которых звали Вилочка и Салфеточка, сервировали столы. Главный зал ресторана был полон, и в нем уже не осталось свободных мест. В этом большом зале были красные обои с золотыми разводами, красные занавески на окнах и такие же красные скатерти на столах. Под потолком люстра из красного стекла с лампами-свечками. Даже тарелки и чашки на столах были красные.

А зал, куда Кастрюля повел малянок, был поменьше и весь оформлен в зеленых тонах. Зеленые обои, зеленые гардины, зеленые скатерти. Люстры здесь не было, зато на стенах висело множество зеленых светильников. И посуда здесь была тоже зеленая.

— Салфеточка, принеси гостям меню! — распорядился Кастрюля.

Бармен Сиропыч приготовил свежие фруктовые соки — яблочный, апельсиновый и гранатовый. Их поставили на стол в хрустальных графинах.

— Что тут есть вегетарианского? — поинтересовалась Барвинка, открывая меню.

— Сейчас посмотрим! — сказал Кастрюля. — Так... кровавый ростбиф... не то. Печеночный... опять не то. А вот! Пицца с оливками, грибами и анчоусами. Вареники с икрой. Никакого мяса!

— А что такое анчоусы? — поинтересовалась Барвинка.

— А это такие... ой...

— Что?

— Ну... можно без анчоусов.

— А-аа, это мясо?

— Нет, это рыбки такие.

— В общем так, никаких анчоусов!

— Сейчас всё сделаем! — сказал Кастрюля и побежал на кухню.

Повар Кастрюля очень не любил скандалов, а, зная характер Барвинки, он опасался, что может разразиться скандал. Поэтому он отвел ее и Кнопочку в отдельный зал и никого больше туда не пустил, хотя главный зал был полон и уже несколько посетителей ждало в очереди на улице. Кастрюля понимал, что если сидящие рядом людишки станут заказывать мясо, Барвинка рассердится и может случиться

неприятное. А если Барвинка выйдет из себя, то она не остановится, пока не перебьет всю посуду и не выгонит всех клиентов на улицу. Как один раз уже случилось в закусочной «Котлета» напротив. Там по ошибке приготовили котлеты из хлебного фарша, забыв добавить в него говяжий. Котлеты, кстати, вышли вкусные, но Барвинка не потерпела такой несправедливости — в меню-то написано, что они говяжьи. Сама Барвинка уже успела забыть про тот случай.

— Боже, какая вкуснятина! — воскликнула Кнопочка, вонзив зубы в восхитительно пахнущую горячим сыром пиццу. — Да я ее сейчас расцелую, — сказала она и принялась целовать пиццу.

— Ты что, больная? — спросила Барвинка.

— Нет, просто голодная.

— Надо уметь держать себя в руках.

Барвинка ела неторопливо и с достоинством, терпеливо отрезая от пиццы маленькие, ровные квадратiki.

— Как у тебя получается ее резать? — с набитым ртом спрашивала Кнопочка, глодавшая круглую пиццу целиком.

— Терпение надо иметь. Ты будто с голодного края.

— Так с утра же ничего не ела!

— Ну и что? Я уже три дня почти ничего не ем и все равно веду себя, как человек.

Съев пиццу, а потом салат из помидора, вареной картофелины, фасоли и тыквенных семечек, подруги закусили макаронами, уложенными в форме квадратного колодца. На краю этого колодца сидела вырезанная из огуречной мякоти лягушка. Она была зеленая и вообще как живая. Барвинка попробовала протестовать, но во-первых, она уже так наелась, что не было сил, а во-вторых, Кнопочка сказала, что это же не настоящая лягушка, а только скульптура, поэтому ничего страшного. Барвинка махнула рукой, а Кнопочка вытащила у лягушки глаза, сделанные из маковых головок, и съела. Кнопочка любила мак. Принесли еще вареники — в каждый была закатана красная икринка лосося. После макарон с лягушкой и вареников малянки попросили меню десертов.

С восьми часов вечера в ресторане была «живая музыка». В Красном зале музыканты заиграли только что сочиненное «Вегетарианское танго»:

Страдают куры. И стонут свиньи.

Животных души пожалеть бы впору мне...

А я мерзавец. Влюблен в котлету.

И за нее душа моя сгорит в огне!

Но Зеленый зал отделялся от красного плотной бархатной портьерой, поэтому танго звучало приглушенно и слов нельзя было разобрать.

— Какая красивая музыка! — сказала Кнопочка — Хоть бы кто потанцевать пригласил.

— Вот еще, — фыркнула Барвинка. — Очень мне нужно, чтобы меня приглашали.

— Ты разве не любишь танцевать? — удивилась Кнопочка.

— Что за радость прижиматься к какому-нибудь невоспитанному малянцу, чтобы он хватал тебя своими руками?

— Ну почему же? Есть очень даже воспитанные, и вовсе не хватают, а ласково берут...

Кнопочка выела ягоду земляники изнутри ложечкой, так что получилась чашка, в которую она налила себе персиковый сок. Кнопочка всегда так делала.

— А почему сюда никого не пускают? — поинтересовалась она, когда повар Кастрюля в очередной раз подошел спросить, всё ли в порядке.

— Да, действительно, — сказала Барвинка. — Я вижу, народ на улице ждет, а мы тут одни целый зал занимаем. Это несправедливо! — И в ее больших глазах загорелся опасный огонь справедливости.

— Ах, что вы! — засуетился Кастрюля. — Да я... да дело в том...

Тут его осенило.

— Дело в том, что это у нас вегетарианский зал, понимаете? В нем подают только вегетарианскую еду.

— Неужели?

— Да-да. Видите, он и цветом отличается. Тут у нас всё зеленое, что обозначает овощи и фрукты. А там всё красное — это мясо.

— Действительно, я раньше не обратила внимания.

— Так что же, неужели никто не хочет посетить вегетарианский зал? — любопытствовала Кнопочка.

— Знаете, мы этого пока не объявляли... потому что этот зал только подготавливался... но мы сейчас объявим! — сказал Кастрюля.

Он вышел в главный зал и подошел ко входу в ресторан. Музыка смолкла.

— Уважаемые посетители и ожидающие! — объявил Кастрюля. — Прошу минуточку внимания! В нашем ресторане, в качестве эксперимента, открылся вегетарианский зал. Там подаются блюда, в которых нет мяса.

— А что это за блюда такие? — спросил кто-то.

— Например, картошка или макароны, — сказал Кастрюля.

— Да как же можно есть пустые макароны без колбасы, а картошку без котлет?

— И зачем вообще зал такой? — возмутились в очереди. — Стоишь тут на улице, под дождем, а там, видите ли, целый зал пустует!

— Отдельный зал нужен потому, что вегетарианцев смущает мясная пища, — пояснил Кастрюля. — Они против убийства животных и не могут есть мясо. А тут пахнет мясом, вот мы и решили сделать для них отдельный зал. Может быть, кто-нибудь все-таки хочет попробовать пообедать в Зеленом зале? У нас есть вкусные блюда без мяса. Например, пицца, макароны с сыром, греческий салат...

— А, что там! — крикнули из очереди. — Мы согласны, хоть в зеленый, хоть в фиолетовый! Есть охота страшно, а у тебя, Кастрюля, самая вкусная еда в городе. Давай, что ли, пиццу с макаронами!

И людишки двинулись в вегетарианский зал.

— А я из принципа не пойду в этот Зеленый зал! — топнула ножкой малянка с пышными черными волосами и глазами цвета морской волны. И платье на ней было тоже цвета морской волны, короткое, с блестками. — Я хочу есть то, что хочу! — сердито сказала она, сверкнув на Кастрюлю глазами. — Что за дискриминация?

— Не сердитесь, я уступлю вам место, — сказал поэт Пёрышкин, вставая из-за своего столика. — Я тут просто стихи сочиняю и все равно пью зеленый чай с пирожным, а это всё вегетарианское, я и в зеленом зале могу...

Это Пёрышкин сказал, не поднимая головы от своей исписанной тетради. Но, встретившись глазами со сверкающим взглядом этих зеленых глаз, он тут же сочинил стихи, которые потом стали распевать на музыку музыканта Рояля загулявшие за полночь людишки:

Глаза зеленые,

А руки белые.

В коротком платье

Ты как магнит.

Тебя увидел я

И как безумный

Бежал из дома

И стал бандит.

Маянка села на предложенное ей место и заказала бараний эскалоп. Пёрышкин ушел в Зеленый зал и оттуда украдкой поглядывал на маянку. Вообще-то, за тем столиком было два стула, и поэт мог вполне остаться сидеть рядом, но почему-то не сделал этого. «Как же я мог остаться, если я уже сказал, что уступлю ей свое место? Это как-то не логично», — отвечал он, когда сам себя спрашивал, чего ради нужно было переходить в другой зал. Пёрышкин сидел и кусал карандаш. Он так и не решился к ней подойти и заговорить. А когда поэт через несколько дней увидел, как она на улице громко смеется шуткам какого-то малянца, державшего ее за руку, Пёрышкину стало обидно, и он зачем-то написал еще один куплет — странный и никому не понятный:

Ты хохотала.

На каблуках стояла.

А я разбитый.

Полуживой.

Лежал на травке.

И две козявки,

Держась за крылышки, дрались между собой.

Вскоре Зеленый зал был уже полон. Повар Кастрюля распорядился повесить у входа вывеску, на которой Мальберт, вытащив из кармана масляные краски, тут же нарисовал аппетитный натюрморт из фруктов и овощей и надписал красивыми буквами: «Зеленый зал. Вегетарианская кухня». Правда, в углу дощечки кто-то все же успел подрисовать карандашом козла, подозрительно косящегося на овощи.

В ЭТОМ ЧТО-ТО ЕСТЬ

После лекции Таблеткина о пирамиде питания Знайка слышал, как уже в дверях Барвинка тихо сказала: «Некоторые не хотят убивать животных». Нет, Знайка не превратился в ту же секунду в вегетарианца. Во-первых, он любил жарить шашлыки. И даже не столько для того, чтобы их потом есть, а просто ему, как говорится, нравился сам процесс. Если людишки собирались где-нибудь на природе выпить безалкогольного вина и закусить жареным мясом, Знайка всегда брался за его приготовление. Устанавливал мангал, собирал тонкие палочки и разжигал угли. Потом махал картоночкой, чтобы они как следует разгорелись. После того как решетка прокалится над огнем, Знайка накалывал на вилку кусок луковки и протирал решетку луковым соком, чтобы не прилипло мясо. Когда жар от углей становился хорош, Знайка заливал водой лишний огонь, чтобы мясо не подгорало. Повар Кастрюля подавал ему шампур с наколотыми и замаринованными кусочками мяса. Знайка клал их на решетку. Потом переворачивал и следил, чтобы не подгорели.

Знайке всё это дело очень нравилось, и особенно как жарящийся шашлычок пахнет. Да еще когда ты голодный, запахи так тонко чувствуются — ученому иногда казалось, будто он музыку слушает. В общем, Знайка очень любил жарить шашлыки. А кроме этого, Знайка просто не любил менять свои привычки. А он привык есть мясо — да и всё!

Но слова Барвинки поразили ученого. «Как же это я раньше не обращал внимание на то, что мы так нецивилизованно поступаем с животными? — раздумывал он, сидя за столом в своем кабинете и просматривая кулинарную энциклопедию повара Кастрюли. — В век науки и техники мы вынуждены, как какие-то дикари, резать свиней и щипать кур? Нет, должен быть другой способ!»

Знайка пересел за другой стол, на котором у него стоял компьютер, и зашел на поисковый сайт — узнать, что другие пользователи Интернета думают на этот счет. К тому времени в Цветограде уже был Интернет. Правда, пока только у Знайки в кабинете. Провели его, понятное дело, специалисты из Солнцеграда, который в техническом плане был намного более развит, чем Цветоград. Теперь, для того чтобы найти какую-нибудь книгу или научную статью, Знайке не надо было бегать по библиотекам или писать письмо и ждать, пока книгу пришлют по почте. Всё можно было найти в Интернете.

Глава шестая

КАК НАЗВАТЬ?

— Первый раз за эти три дня нормально поела, — призналась Барвинка, когда они вышли под все еще морозящий дождь. — Так объелась, что даже холода не чувствую.

— Да уж. Теперь я вижу, что и правда можно обойтись без мяса.

— Легко.

Но в глубине души или, скорее, в глубине желудка, Кнопочка чувствовала, что как будто чего-то не хватает. Но она постаралась об этом не думать и сказала:

— Все-таки нужно нам всё это организовать. Иначе бардак будет.

— Я согласна, — отозвалась Барвинка. — А как?

— Во-первых, надо название придумать.

— Название чего?

— Название нашего движения. Или общества, которое мы собираемся открывать.

— Так лень придумывать, — зевнула Барвинка, потягиваясь.

— Ну здравствуйте! Сама всю кашу заварила — и в кусты.

— Нет, что ты? Извини, это я просто сегодня не выспалась.

Барвинка запрокинула голову и стала энергично растирать по лицу дождевые капли. Потом несколько раз тряхнула головой.

— Ух! — выдохнула она. — Ну всё, я готова. Готова!

— Вот и хорошо. Будем теперь название придумывать.

Уже совсем стемнело. Под фонарями клубилась водяная пыль. Малянки шли вдоль длинного забора парка Кувшинок.

— Можно что-нибудь типа «Общества вегетарианцев Цветограда», — предложила Кнопочка.

— Звучит как-то кисло. А, может, лучше «Дайте им жить»? — предложила Барвинка.

— Кому им?

— Ну кому, кому — животным, конечно! Вегетарианское общество «Дайте им жить». Можно даже сокращенно, по первым буквам: ДИЖ.

Кнопочка остановилась и, прислонившись лбом к чугунной решетке, вглядывалась в темноту парка.

— Нет, это тоже не звучит, — сказала она наконец.

— Ну, тогда ты предложи.

— Дайзвежить!

— Это что еще?

— Ну... «Дайте зверям жить», сокращенно «Дайзвежить».

— Как-то длинно — язык сломаешь. Может, лучше сократить до ДЗЖ?

— Ну это как-то совсем уж. Что это такое? ДЗЖ...

Подруги задумались.

— Если «Дайзвежить» длинно, то пусть будет «Дайзвеж», — предложила Кнопочка. — А можно еще «Дайжиж».

— А «Дайжиж» это что?

— Это «Дайте животным жить».

— Ой-й, занудство какое-то! — зевнула Барвинка. — Давай, что ли, сядем?

— Мокро!

— У тебя же наверняка клеенка есть, я знаю!

— Ну... вообще-то, есть.

Через старинные бронзовые ворота они вошли в парк. Запасливая Кнопочка вынула из сумки клеенку, и подруги сели на скамейку под высоким кустом шиповника. Дождь был мелкий и редкий. Барвинка мочила под дождем ладони, потом поднимала футболку и прикладывала их к надувшемуся, как барабан, животу.

— Хорошо здесь. Тихо так. Уютно...

— Под дождем, что ли, уютно? — удивилась Кнопочка.

— Ага.

Барвинка откинулась назад, сладко потянулась и зажмурила глаза, подставив лицо дождевым каплям.

— Век бы тут сидела.

— Не холодно, что ли? — поежилась Кнопочка. — Я бы домой...

— Ой, совсем нет! От еды тепло так. Я как печка...

— Ну что, про вегетарианство забыли совсем?

— Правда, что-то из головы вылетело.

— Может, всё? Надоело?

— Как надоело?

— Может, поставим на нем крест? — поддразнила подругу Кнопочка.

— Я те дам крест. На чем мы там остановились?

— На названии.

— Ах, на названии...

По мраморной скульптуре «Людишки и рыба» текла вода. Припаркованный у ворот автомобиль был укрыт насквозь промокшим кленовым листом.

— Всё! — Кнопочка встала. — Можешь мокнуть тут до победного конца и превратиться в русалку, вон как та, — она кивнула на статую в фонтане. — Я домой.

— Ну, пошли...

Миновав скучный переулок Ирисов, малянки повернули на улицу Ромашек. Здесь уже встречались прохожие. Барвинка поскользнулась и чуть не грохнулась в лужу.

— Осторожней! — буркнул проходивший мимо малянец в сиреневой шляпе.

— Спасибо, что посоветовали! — крикнула ему вдогонку Кнопочка.

По улице Ромашек ползли улитки. Для маленьких людишек улитка размером, наверно, с барана. Их было много — целое стадо, но, в отличие от баранов, они были такие медленные! Все в домиках...

— Вот, — кивнула на улиток Барвинка. — Каждая сидит в своей скорлупе.

Чтобы обогнать медленно тащившихся животных, малянки сошли с тротуара на проезжую часть. Пройдя колонну улиток, подруги увидели, что самая первая из них оставила свой домик и ползла без него, сама по себе.

— Каким нужно быть бесстыжим, чтобы есть этих беспомощных существ! — воскликнула Барвинка.

А надо сказать, что людишки как раз-таки и охотились на таких храбрых, как эта. Выковырять улитку из ее домика, когда она закрыла за собой дверь, маленьким людишкам не под силу. А запихнуть вот такую, оставившую свою раковину и беззащитную, в мешок и отнести в ресторан, где их подают под чесночным соусом — легче лёгкого.

— Даже обидно! — сердито сказала Барвинка. — Зачем она ползет без домика? Это же опасно!

— Если нападет какой-нибудь враг, он прежде всего накинется на нее, как на самую беззащитную, — объяснила Кнопочка. — А она пока даст сигнал остальным. Тогда те успеют спрятаться в домики и плотно закрыть за собой дверцы.

— Значит, она жертвует собой ради других, — сказала Барвинка.

— Какая она все-таки самоотверженная, — вздохнула Кнопочка.

И они пошли дальше, оглядываясь на бесстрашную предводительницу улиток, которая жертвовала жизнью ради своих товаров.

— Скажи, если б ты была улиткой... ты бы смогла вылезти из своего домика? — спросила Кнопочка.

— Конечно, — не задумываясь ответила Барвинка. — Ведь это нужно для других!

— А я бы, наверное, не смогла.

Издали донесся слабый гром.

— Гроза идет, — заметила Барвинка, поглядев на темное небо.

— Знаешь, пусть будет «Зверям — жить», — предложила Кнопочка.

— Каким зверям? — не поняла Барвинка.

— Да таким! Всем! Общество вегетарианцев под названием «Зверям — жить», сокращенно ЗВЕЖ!

— ЗВЕЖ?

— Или ЗВЕРЖ...

— А как же рыбы? Они-то не звери, — зевнула Барвинка. — Почему-то, как только речь заходила о названии общества, она начинала зевать.

— Правильно. Я как-то не подумала, — сказала Кнопочка. — Рыбы не звери. Что же с рыбами делать? Есть их, что ли?

— Ты что, с ума сошла?

— Шутка!

— Я тебе пошучу!

Барвинка погрозила подруге кулаком.

— А черепахи — тоже не звери.

— И крокодилы.

— Это почему же крокодилы — не звери?

— А почему черепахи?

— А не знаю.

— Вот и я не знаю.

— Да крокодилов вообще кто ест-то? Они сами кого хочешь съедят.

— Крокодилы-то ладно, — вздохнула Барвинка. — Но вот птицы — они точно не звери, а их мы как раз больше всего и едим. Куриц, гусей... А как насчет ЖЖ?

— А что ЖЖ?

— Жизнь животным — ЖЖ, коротко и ясно.

— А знаешь, по-моему ничего.

— Ты так думаешь? — сама вдруг засомневалась Барвинка.

— Тут еще дело в привычке. Вначале каждому будет казаться, что ЖЖ — это что-то странное. Но когда он скажет пару раз: «ЖЖ, ЖЖ, ЖЖ», — то привыкнет, и всё будет о'кей.

— Что-то я не уверена.

— А ты сама попробуй. Поупражняйся.

НОВАЯ ВЕГЕТАРИАНКА

Они вышли на ярко-освещенный проспект Пионов, по дороге упражняясь и повторяя: «ЖЖ, ЖЖ, ЖЖ, ЖЖ-ЖЖ-ЖЖ!»

— Что это вы жужжите? — остановила их малянка настолько странного вида, что Барвинка отшатнулась.

Чтобы дубленое пальто было таким драным и чтобы из дыр торчало столько ваты — такого Барвинка еще не видывала. Но пальто бы еще ладно. Малянка была вся какая-то кривобокая. Грудь наискосок, правый бок намного толще левого — уж не пришита ли у нее под пальто подушка? — мелькнуло в голове у Барвинки. Но зачем? Один рукав длиннее другого, на плече — дыра, из которой торчит голое тело. Шеи нет — какой-то шар на ножках. Впрочем, может, это только так кажется из-за высокого, свернутого валиком воротника, искусственный мех на котором облез, и из-под него торчит поролон, как из драного матраса. А сапоги — бог ты мой! — правый так просит манной каши, что, кажется, вот-вот умрет от голода, а левый — непарный и вместо молнии застегнут на булавку. На голове — грязный платок...

А надо сказать, что в то время в Цветограде бомжей еще не было, и Барвинка к такому зрелищу была непривычная. Но удивило ее и то, что, несмотря на дыры и пятна, от малянки нежно пахло какими-то замечательными духами — не то фиалкой, не то лавандой. И голос у нее был тоже удивительный — звонкий такой — и раздавался как будто прямо из груди, словно внутри у нее была скрипка.

— Боже, кто это? — прошептала Барвинка, отшатнувшись.

— Не пугайся! Это моя подруга, — успокоила Кнопочка.

— Подруга?!

— Да, подруга. Она вообще иностранка — не так давно в Цветоград приехала. Из Мерюкряка.

Но Барвинка уже и так пришла в себя. Это она просто от неожиданности испугалась. Она считала, что нельзя по внешнему виду людишек судить, и очень этим гордилась.

— Барвинка, — протянула Барвинка руку странной малянке.

— Бабаяга, — застенчиво поздоровалась малянка, по обычаю мерюкрякцев пожимая протянутую руку под мышкой.

Барвинка едва не отдернула руку, так как под рваной мышкой дубленки оказалось голое тело.

— Баба кто? — растерянно переспросила она.

— Бабаяга, — ответила за нее Кнопочка. — Тебя чем-то не устраивает это имя?

— Нет-нет, что ты! Бабаяга — так Бабаяга. Мало ли какие имена бывают в других странах! Наверное, оно распространено в Мерюкряке?

Малянка вдруг ужасно засмушалась.

— Да, вообще-то нет... — покраснев, пробормотала она.

А надо сказать, что Бабаяга всегда сильно смущалась, если ей приходилось разговаривать с кем-нибудь незнакомым. Когда узнает людишку поближе — совсем другое дело, она становилась бойкая и разговорчивая. А тут, в Цветограде, ей еще было стыдно, что она как следует языка не знает. Хотя на самом-то деле она на нем говорила не так уж плохо...

— Здорово, что мы тебя встретили! — обняла Бабаягу Кнопочка. — Пойдемте скорее домой... то есть, к Барвинке, и всё обсудим.

Барвинка вопросительно уставилась на подругу.

— Она тоже вегетарианка, — сказала Кнопочка.

— Как? — поразились Барвинка.

— В Мерюкряке это обычное дело. Там много вегетарианцев живет.

— А что мы будем обсуждать? — заинтересовалась Бабаяга, взяв Кнопочку под руку — не со стороны дороги, где шла Барвинка, а с другой, потому что очень стеснялась незнакомую малянку.

— Мы будем обсуждать вегетарианство, — сказала Кнопочка.

— Интересно! А зачем его обсуждать?

— Мы хотим открыть людишкам глаза.

Надо сказать, что в иностранке сочетались стеснительность и страшное любопытство. Ей всё было интересно, но она боялась спросить. И еще боялась, что у нее на улице кто-нибудь что-нибудь спросит, а она не поймет. Что ей тогда делать?

Из-за своей стеснительности Бабаяга днем на улицу почти не выходила. Только в крайнем случае шла в магазин — если есть совсем нечего. Тогда она одевалась как-нибудь совсем ужасно, пачкала гуталином лицо, спутывала волосы. Чтобы своей красотой не привлекать внимания. Те, кто читал книгу «Приключения Никтошки», наверное, помнят, что Бабаяга была поразительная красавица.

Зато ночью всего этого было не нужно. Потому что на улице никого нет, да и вообще темно. Можно ходить чистой и в нормальной одежде. Бабаяга любила гулять по ночам и нюхать цветы. Когда

никого нет. Выходила из дома глухой ночью, часа в два. «Сегодня пойду на улицу Барбарисов, — говорила себе малянка. — Надо узнать, как они пахнут».

И она шла на улицу Барбарисов, а по дороге проходила по улице Гиацинтов и с удивлением вдыхала их странный запах. В Мерюкряке гиацинты не росли. А Бабаяга любила нюхать цветы вот почему. Дело в том, что в Мерюкряке цветы вообще не пахнут. Мерюкряк в Мерюкряндии, а Мерюкряндия — страна южная и очень жаркая. Летом там температура тридцать, а то и все сорок градусов. Когда так жарко, нектар цветов очень быстро испаряется, и у них не остается никакого аромата. А тут, в Цветограде, столько цветочных запахов! Но зато в Мерюкряке пахнет морем...

Бабаяге всё было любопытно. Она носила с собой бинокль, чтобы если встретится ей что-нибудь интересное, получше рассмотреть. Она ужасно любила заглядывать людишкам в окна. Правда, в два часа ночи мало шансов, что кто-нибудь не спит, но многие людишки боятся темноты и оставляют свет на ночь. Малянка смотрела в окна — ей было интересно всё: у кого какая мебель, какие на стенах картины, какая на спинке стула висит одежда, как спят людишки: аккуратненько на боку, подложив ладони под щеку, или свернувшись калачиком и укрывшись почти с головой — один нос торчит, или взбаламутив всю кровать и расшвыряв в разные стороны подушку с одеялом...

Если понаблюдать за спящим людишкой, можно иногда понять, что ему снится. Когда беспокойно ворочается с боку на бок, зажмуривает изо всех сил глаза или отмахивается рукой, словно от мухи, — значит, приснилось что-то страшное. А если сладко улыбается во сне и причмокивает губами — то что-нибудь вкусное. Наверно, вспоминает свой день рождения, на который ему подарили шоколадный торт. Чтобы лучше видеть, Бабаяга становилась на скамейку или даже взбиралась на забор — и, приставив к глазам бинокль, смотрела.

За этим неприличным занятием — а в Цветограде подглядывать в окна считается неприличным — ее однажды застал астроном Звёздин, наблюдавший со своего балкона планеты. Астроном проворно оделся и выбежал на улицу.

— Это еще что такое? — грозно спросил он, хватая малянку за локоть.

Бабаяга обернулась и громко вскрикнула. Выронив бинокль, она убежала, и Звёздину не удалось ее догнать. Впрочем, он и не пытался. Увидев, какая она прекрасная, астроном остановился как вкопанный. Малянка бежала так быстро, что в полумраке переулка Лаванд ее длинные волосы казались маленьким светлым облачком. «Наверное, ее зовут Андромеда», — подумал Звёздин. Он поднялся к себе и навел подзорную трубу на кусочек неба, который не наблюдал давным-давно, с самой осени, а вот теперь почему-то вспомнил. В созвездии Андромеды, чуть выше красной звездочки Мирах, Звёздин заметил вытянутое туманное пятнышко, которое он раньше никогда не видел. «Пусть это будет туманность Андромеды», — решил он.

— Нет, все-таки ЖЖ не подходит, — сказала вдруг Барвинка, остановившись посреди улицы.

— Вот те раз! — огорчилась Кнопочка. — Придумывали-придумывали — и теперь всё давай сначала.

— Тем более, что ЖЖ мне что-то напоминает, только не могу вспомнить что...

Бабаяга не понимала, о чем они говорят, а спросить стеснялась. Но все-таки ей было ужасно любопытно.

— Знаешь, — задумчиво проговорила Барвинка, снова обращаясь к Кнопочке. — А ЗВЕРЖ-то больше всего подходит.

— Но как же... это ведь «Зверям жить». А птицы — не звери.

— Ну и что? Зато название зажигательное!

— ЗВЕРЖ?

— ЗВЕРЖ! Главное — идея. А звери они или не звери — это никого не интересует.

— Ну, ЗВЕРЖ — так пусть будет ЗВЕРЖ, — согласилась Кнопочка.

Она была рада, что Барвинке понравилось название, которое предложила она, Кнопочка. А Барвинка — прямо сияла. Ей нравились красивые, законченные идеи. Зверям — жить! ЗВЕРЖ. Коротко — и ясно.

— Ты будешь секретарь, — сказала она Кнопочке. — Секретарь ЗВЕРЖа! Звучит?

— Ого! Еще как звучит, — обрадовалась Кнопочка. — А ты кто будешь?

— А я? — Барвинка на секунду задумалась. — А я — председатель, конечно! Председатель ЗВЕРЖа! Каково?

— Здорово!

Только Кнопочке было неудобно, что они разговаривают между собой, ничего не объясняя Бабаяге. А Барвинка сказала:

— Ну вот. А то ЖЖ какое-то непонятное. Да оно больше не для зверей, а для насекомых подходит!

— Почему?

— Потому что они жужжат! А в песне что поется? Как вы яхту назовете — так она и поплывет!

— Точно! Наш ЗВЕРЖ еще как поплывет! — сказала Кнопочка. — По-зверски! Пусть только попробуют не перестать есть мясо! ЗВЕРЖ им задаст!

Барвинка огляделась по сторонам. Подняла лицо к мокрому небу и потянулась. Они пошли дальше, а Бабаяга из этого разговора так ничего и не поняла, а спросить стеснялась. «Да и зачем я буду спрашивать? — думала она про себя. — Они же между собой говорят — это их личное дело». Она не хотела показаться навязчивой.

Малянки подошли к дому. Завидев стадо котов, которые, несмотря на дождь, дежурили возле Барвинкиной двери, Бабаяга вцепилась в плащ Кнопочки.

— Не бойся, они не кусаются.

— Конечно... — тряслась бедная иностранка. — Зачем им откусить... они меня целую пролгутят.

Надо сказать, что Бабаяга разговаривала с сильным мерюкряжским акцентом. А в мерюкряжском языке буквы в словах часто идут в другом порядке. Но Кнопочка давно привыкла к выговору подруги и не обращала на него внимания.

— В Мерюкряже что — разве нет котов? — спросила она.

— Есть...

— Чего же ты тогда их боишься?

— У нас они только в зоопарке. На улице нет...

— Ну, проходите, проходите, — пригласила Барвинка и, растолкав котов, пропустила малянок в прихожую. — Да не вы проходите! — крикнула она котам. — Вам я сметану вынесу, ждите!

Бабаяга и Кнопочка проскользнули в дом.

— Раздевайтесь, а я пока чего-нибудь налью. — Тебе какао или чай? — спросила Барвинка иностранку. И взяла у нее сумки с продуктами, чтобы поставить в холодильник. Бабаяга-то, когда их встретила, возвращалась из магазина.

— Мне, пожалуйста, простое молоко, — попросила Бабаяга.

— А мне чай, — сказала Кнопочка.

— Тебе-то я знаю, — сказала Барвинка, — ты всегда одно и то же пьешь, — и, сняв сапоги, пошла на кухню.

В это время из открытой двери гостиной вылетела огромная стрекоза. Она прорезала воздух над головами малянок, словно самолет, и уселась на вешалку, вцепившись лапками в зимние шапки. Ее сетчатые крылья покачивались, а зеленые шары глаз глядели с таким удивлением, что Кнопочке стало смешно.

А Бабаяга вскрикнула и в ужасе легла на ковер, прикрыв голову руками.

— Не бойся, она совсем ручная, — сказала Кнопочка. — Ты бы свою стрекозу в клетку загнала, что ли! — крикнула она Барвинке.

— Боюсь, — сказала Бабаяга.

Кнопочка взяла стрекозу за ошейник, отцепила от шляп и отнесла в клетку в гостиной. Тогда только иностранка решилась встать с пола.

— Она совсем безобидная, — заверила Кнопочка, вернувшись в прихожую, и стала снимать пальто.

Бабаяга тоже начала раздеваться. Она специально оделась в свой уродующий «наряд», чтобы сходить в магазин. С правой стороны под пальто у нее, и правда, была пришита подушка. Когда она смотала с головы рваный платок, оказалось, что лицо у нее не вымазано гуталином, а прическа вполне нормальная.

— Я подумала... все равно почти зима, холодно. Зачем пакчаться, если можно в платке замотаться — никто и не узнает? — пояснила Бабаяга.

— Здорово придумала, — сказала Кнопочка. — Но, как мне кажется, с пальто ты слегка переборщила.

Под ужасной дубленкой Бабаяга оказалась вполне прилично одетой. Правда, платье на ней было совсем летнее, но дома у Барвинки было тепло. Входя в гостиную с подносом, на котором стояли чашки и вазочка с печеньем, Барвинка остановилась на пороге. Надо сказать, что Барвинка терпеть не могла красоток. Саму себя она никогда красавицей не считала и словно нарочно одевалась во что попало, волосы стригла в какой попало парикмахерской, а косметикой сроду не пользовалась. У нее даже губной помады дома не было. Малянок, старавшихся выглядеть красивыми, Барвинка презирала.

Но увидев Бабаягу, когда та сняла свою безобразную шубу и рваный платок, Барвинка не удержалась от восклицания:

— Какая же красивая!

И сразу же разозлилась на себя, что так сказала. И почувствовала неприязнь к этой иностранной малянке. «Надо же, — мелькнуло у нее в голове. — И откуда только такая выискалась?»

Какая же красивая. Бабаяга подняла на Барвинку свои зеленые глаза.

— Да что вы... не стоит. Не такая я красивая...

Голос ее почему-то задрожал.

— Да чего там не стоит? — злилась Барвинка еще больше. — Ты же просто красотка!

Это слово задело Бабаягу за живое. Она не хотела быть красоткой, не хотела! Забыв, что привыкла стесняться, малянка опустила в кресло.

— Какой от этой красоты толк? — в сердцах воскликнула она. — Зачем она мне вообще?

Глава седьмая с половиной

ДЛЯ ЧЕГО НУЖНА КРАСОТА

Бабаяга давно уже мучилась над неразрешимой проблемой. Вот все людишки — обычные и нормальные. А она красивая. Какая-то не такая, как все. Ну и что ей прикажете с этой красотой делать? Ничего не делать нельзя — малянцы глазеют, любуются, восхищаются. Малянки, соответственно, ненавидят. За что? В чем она виновата? Почему ненавидят ее, а не этих восхищающихся малянцев?

Вот у писателя есть писательский талант. Он пишет. У актера — актерский. Он играет. А у бесталанного нет никакого таланта — он живет себе и радуется жизни. А ей что делать? В манекенщицы и то не берут — говорят, слишком красивая. Манекенщица должна одежду рекламировать, а не привлекать внимание к своей особе. Да и не хочет она вовсе манекенщицей быть!

А Барвинка — вот ведь же — сама за своей красотой в жизни не следит, одевается черт те как, и малянцы ей безразличны — но красоток она просто на дух не выносит! И хотя Барвинка ненавидела красоток, но ей вдруг пришла в голову счастливая мысль:

— Ты не знаешь, зачем нужна красота? — сказала она. — Да с твоей красотой можно горы свернуть!

— Какие еще горы? — не поняла иностранка.

— Такие! Можно от малянцев всего, чего хочешь, добиться.

— Но мне противно добиваться от малянцев нечестным путем, — возразила Бабаяга.

Барвинка недоуменно глянула на нее:

— Где же тут нечестный путь?

— Действительно, что тут нечестного? — спросила Бабаягу Кнопочка.

Иностранка на минуту задумалась.

— Вы так думаете? — сказала она наконец. — Но если я с помощью своей красоты попрошу у кого-нибудь из малянцев деньги, и он их мне даст. А потом не буду возвращать назад — ведь я крайсивая.

— Нет, вот это уже аморально! — воскликнула Барвинка. — И как только этим красавицам-раскрасавицам такие мысли в голову приходят?! Это просто отвратительно! Ты хоть знаешь, как это называется? — спросила она Бабаягу.

Иностранка помотала головой. Она не знала.

— Это называется наглое свинство!

— Да нет, я совсем не то имела... — пыталась оправдаться Бабаяга. — Я как раз имела в виду, что это делать очень плохо, и что я такое делать не соглашусь.

Барвинка прошла по комнате, размышляя. Обернулась к малянкам, и черные глаза ее заблестели.

— Брать от малянцев деньги в долг за свою красоту и потом не отдавать — гадость. Но добиваться от малянца того, что требуется ради общего дела... Ради того, чтобы восторжествовала справедливость... Ради чьего-нибудь спасения! — Она взмахнула руками так, словно пыталась дирижировать оркестром. — Это уже совсем другое дело. Вот для чего красота нужна, — заключила Барвинка.

От этих энергичных разговоров в комнате стало жарко. Кнопочка открыла окна и дверь на веранду.

— Значит, я могу добиваться, чтобы малянцы делали справедливость? — обрадовалась Бабаяга. — Или чтобы они кого-нибудь спасали? А кого надо спасать?

Барвинка уже всё придумала.

— С такой красоткой-вегетарианкой, как ты, мы всех животных спасем, — сказала она.

— Животных спасем? — переспросила Бабаяга. — Как же мы их будем спасать?

— Красота спасет мир. Так когда-то давно один писатель сказал. Не помню кто.

— Мир? А разве кто-то хочет воинствовать?

— Воевать, — поправила Кнопочка.

— Уже воюют, — сказала Барвинка.

Бабаяга удивилась. Людишки — существа мирные, у них вообще никогда войны не было. Ни в Цветограде, ни в Солнцеграде, ни в Мерюкряке. Бывает, что дерутся, но так чтобы насмерть?

— Нет ли тут какой-то ошибки? — сказала наконец Бабаяга. — Я не слышала, чтобы кто-то воин... то есть, воевал.

— Воюют всё время. Только не людишки с людишками, а людишки с животными. Охотник Патрон каждый день идет со своим ружьем в лес и устраивает там войну.

— О, если так, то тогда да, конечно. Я очень согласна. Эту войну нужно переставать.

— Прекращать, — поправила Кнопочка.

Кнопочка дула на чай, Барвинка глядела в окно. А Бабаяга стала рассматривать жилище Барвинки. Малянка жила очень скромно, и это Бабаяге понравилось. Мебель — самая обыкновенная, ничего лишнего. Никаких сервантов с сервизами, вазами и кружевными салфеточками, никаких вышитых подушечек на креслах, пошлых тюлевых занавесок, абажуров с бахромой и прочих украшений, которые обычно встречаются в домах малянок. В комнате не было обоев, стены выкрашены простой оранжевой краской. Вместо картин газетные вырезки в рамках.

«Малянец спас бабочку из-под колес грузовика», — прочла Бабаяга на одной из них. Там была и фотография: грузовик и возле него малянец, который держит обеими руками красивую бабочку-капустницу с лимонными крыльями.

— Какой героизм! — прошептала иностранка.

На оранжевых стенах красовались темно-синие лозунги.

— ВИДЕТЬ НЕСПРАЕДЛИВОСТЬ И МОЛЧАТЬ — ЗНАЧИТ САМОЙ УЧАСТОВАТЬ В НЕЙ, — прочла Бабаяга вслух.

— А правда, — сказала она. — Все видели, как несправедливо людишки делают с животными.

— Поступают, — поправила Кнопочка.

— Да-да, поступают. Все видели и молчали. Значит, все участвовали. Только одна Барвинка не замолчала.

Барвинка с ненавистью взглянула на иностранку. «Чего она меня тут расхваливает? — подумала она. — Пять минут как познакомились, уже льстить начала».

— Это тоже правильно, — сказала Бабаяга. — БОЛЬШУЮ НЕСПРАЕДЛИВОСТЬ ВСЕГДА ПОРОЖДАЕТ МАЛЕНЬКАЯ. Я очень согласная.

Иностранка любила читать надписи — так и язык учится скорее.

— ЧЕЛОВЕК — ПРОДУКТ СВОЕГО ЗНАНИЯ, — прочла она.

— Это откуда? — поинтересовалась Кнопочка.

— Не помню, — отмахнулась Барвинка. — Кажется, Герадокл придумал. Садитесь!

Маянки расселись в алюминиевые кресла вокруг небольшого овального столика. Его круглая крышка была сделана из стекла. Сквозь это стекло были видны маленькие Барвинкины ноги в грязных джинсах, скрещенные ножки Кнопочки в мокрых чулках и белые ноги Бабаяги, на которых ничего не было надето. В Мерюкряке тепло, и Бабаяга не привыкла ходить в чулках или колготках, а брюки там маянки вообще не носят. В комнате было тихо, если не считать довольного ворчания котов, доносившегося снаружи — они обедались сметаной. Кнопочка с наслаждением втягивала ртом горячий, почти обжигающий чай. Барвинка в задумчивости жевала печенье. Бабаяга смотрела на далекий оранжевый фонарь за окном.

— Надо распределить роли, — нарушила молчание Кнопочка. — Во-первых, нам нужна профессиональная реклама. А это могут сделать только Пёрышкин с Мальбертом.

— Почему? — не поняла Барвинка.

— Потому что они профессионалы. Пёрышкин напишет вегетарианские стихи, а Мальберт нарисует плакаты.

— Правильно!

— Только вот как их убедить? Они такие циничные. Им что убивать животных, что не убивать — абсолютно всё равно. Вегетарианство и мясоедство для них просто разные философии. А на животных им наплевать.

— Она, — сказала Барвинка, показав на Бабаягу куском печенья.

— Что она? — не поняла Кнопочка.

У Барвинки был полон рот печенья, и она помотала головой: дескать, дайте прожевать. Наконец сказала:

— Она это сделает.

— Я? — удивилась иностранка. — Честное слово... я рисовать не очень умею. А стихи... ваш язык мой не родной. Лучше кто-то местный пускай.

— Сама стихи писать не будешь и плакаты рисовать. Поможешь наладить с ними контакт.

— С плакатами?

— С художником и поэтом.

— Но я не умею ладить контакты. Я не обладаю такой способностью.

— Обладаешь.

— Но как?

Глава восьмая.

МЕРЮКРЯК

(примечание: эту главу вслух читать невозможно)

Отвлекусь ненадолго от вегетарианских планов малянок и, чтобы внести ясность, расскажу об этом загадочном Мерюкряке, из которого прибыла иммигрантка Бабаяга. Я забыл упомянуть, что страна, где находится Цветоград, называется Лесания, потому что там полно лесов. Солнцеград тоже в Лесании. И Травоград, и Шоколадгород (в котором, к слову сказать, живут одни малянки, а малянцев там и в помине нет).

Лесания — очень большая. Можно, конечно, себе представить, что кому-нибудь, кто сам довольно крупный, она покажется маленькой. Но для людишек это огромная страна. Все они так считают. И очень зеленая. Потому что в ней полно лесов. А городов в Лесании немного.

Если вылететь из Цветограда и лететь на воздушном шаре или дирижабле все время на юг, то через три дня попадешь в соседнюю страну, которая называется Мерюкряндия. Пешком-то в Мерюкряндию не дойти, уж больно леса непроходимы и горы непролазны. Доехать на автомобиле тоже никаких шансов. Потому что дорогу в Мерюкряк еще никто не проложил, а без дороги автомобиль не проедет. Поэтому добраться туда можно только по воздуху.

В тех местах ветер осенью дует с севера на юг, так что тот, кто хочет попасть в Мерюкряндию, должен вылетать осенью. И не забыть попрощаться как следует со своими родными и близкими, потому что провести за границей ему придется всю зиму и часть весны. Ведь обратный ветер — с юга на север начинает дуть только в мае. А если вспомнить, что месяц для людишки — как для нас почти год, станет ясно, что покидает он своих друзей надолго.

Столица Мерюкряндии называется Мерюкряк. У Лесании-то нет столицы, там все города сами по себе: Травоград, Цветоград, Солнцеград... А у Мерюкряндии столица есть. Мерюкряк. Тем людишкам, которые слышат это название впервые, очень тяжело его выговорить. Но стоит немного поупражняться:

МЕ-РЮК-РЯК, МЕ-РЮК-РЯК,

а потом так:

МЕРЮ-КРЯК, МЕРЮ-КРЯК,

а потом еще вот так:

МЕРЮК-РЯК, МЕРЮК-РЯК

— и повторять эти упражнения перед едой три раза в день, то уже через две недели язык во рту так натренировывается, что сам собой начинает произносить: Мерюкряк, Мерюкряк. Важно только учиться этому именно перед едой, когда язык еще не такой уставший от перемешивания пищи.

В Лесании-то людишки говорят по-лесански, то есть, обычно. А вот мерюкрякский язык сложный, и выучить его не просто. В Цветограде по-мерюкрякски мало кто понимает. Кстати, Мерюкряк называют Мерюкряком только лесанцы. А по-мерюкрякски этот город назывался не Мерюкряк, а Мерюкрякудряк. Это не удивительно. Ведь и Париж по-французски будет Пари, а Рим по-итальянски — Рома. Так что уж если кто прилетает из Лесании в Мерюкряк, то ему приходится говорить не Мерюкряк, а Мерюкрякудряк. Слово это тоже не такое уж сложное. Освоив как следует МЕРЮКРЯК, можно приниматься за МЕРЮКРЯКУДРЯК:

МЕРЮКРЯ-КУДРЯК,

МЕРЮК-РЯКУД-РЯК,

МЕ-РЮКРЯ-КУДРЯК

Опять-таки, тренироваться перед едой, пока язык еще полон сил. Но не такой уж у них, в Мерюкряндии, сложный язык, как на первый взгляд кажется. Многие слова даже похожи на лесанские. Вот, например, вилка по-мерюкрякски будет викла, а огурец — орегущ, так что «наколите мне на вилку вон тот огурец» будет: «накоилте мне на виклу вин тот орегущ». А «сегодня хорошая погода» по-мерюкрякски будет так: «седонгя хошорая подога». Вообще, для тех, кто уже пвирык, чтить по-мерюкрякски совсем не трундо. Вот горовить с нерпывикчи солннее.

А теперь я расскажу немного об исротии гоорда Мерюкряка. Он онечь двенрий. Кодга-то, в неазмапянтые вернема, которыкшами пварили цраи. Цверогтада и Сорнцеглада тодга в пониме не бльо, а на их мсете рсоли нерпоходимые засорли. У ондого црая бльо оечнь солнжое имя, коротое не так псорто вывогоирть...

Ой! Что-то я увлекся и стал писать по-мерюкрякски. Когда-то я сам изучал этот язык, а он такой въедливый! Стоит им немного попользоваться — как уж и отделаться потом не можешь. Особенно когда на компьютере печатаешь. Иногда думаешь, что это пальцы заплетаются, а это они, на самом деле, просто печатают по-мерюкрякски. Ну, всё. Чур меня! Чур!

Так вот, у одного такого царя было, опять-таки, очень сложное имя, которое совсем не просто выговорить. Звали его НЕ-ВУ-ХО-НЕ-ВРО-ТО-НЕ-ВНО-СОР. То есть, попросту Невухоневротоневносор. Откуда такое имя взялось — тут мнения мерюкрякских историков разделяются, а лесанские историки даже и не пытались эту загадку решить. Чересчур сложна.

Так вот. Чужеземцу произнести имя царя было не просто непросто, а просто невозможно. И поэтому чужеземцы в Мерюкряк тогда не ездили. Собственно, сначала ездили. Но каждому, кто не мог

правильно сказать «Невухоневротоневносор»... то есть, не то чтобы голову отрубали — это нет, а надевали на нее горшок и заставляли убираться подобру-поздорову. На горшке, естественно, написано имя царя. Очень это чужеземцев обижало — а что делать? С царями шутки плохи. В общем, чужеземцы туда не ездили.

Сами-то жители учились произносить имя своего царя в специальной школе. Поэтому у них проблем не было. Им домашнее задание такое задавали: повторить вслух десять раз: НЕ-ВУ-ХО-НЕ-ВРО-ТО-НЕ-ВНО-СОР, НЕ-ВУ-ХО-НЕ-ВРО-ТО-НЕ-ВНО-СОР, — а потом на уроке спрашивали. Кто правильно повторит, тому награда — на следующий день задают повторить уже не десять, а одиннадцать раз. А кто ошибался — того, наоборот, наказывали. Меньше раз повторять задавали.

Некоторые могут не понять, что за радость, когда тебе задают повторить НЕ-ВУ-ХО-НЕ-ВРО-ТО-НЕ-ВНО-СОР вместо пятнадцати шестнадцать раз? А в том-то и радость, что когда доходили до двадцати одного — считалось, что людишка уже так хорошо знает имя царя, что в жизни не забудет. И больше повторять не надо. А двадцать один — это потому, что столько букв в имени: НЕ-ВУ-ХО-НЕ-ВРО-ТО-НЕ-ВНО-СОР. Ну и правда, потом уж никогда не забывали.

Ну, в общем Невухоневротоневносор был могущественным царем. И решил построить высокую башню. Чтобы показать всем, какой он могущественный. Но не просто высокую, а очень высокую. То есть, как в Цветограде некоторые любят выражаться, конкретно высокую. До самого неба.

И людишки начали строить. Долго строили, наконец построили почти до конца. Уже пролетающие облака за башню зацеплялись, и ни одна птица не могла до верха ее долететь — так высоко. То есть, если некоторые очень серьезные орлы еще вили гнезда на уступах башни где-то на двух третях ее высоты, то дальше этого уже никто не решался ни вить, ни лететь.

Царь очень радовался. Настолько он был доволен собой и своим народом, что на радостях позволил даже чужеземцам свободно приезжать в Мерюкряндию и уезжать обратно без горшка на голове. Некоторые, правда, говорили, что это царь сделал не от доброты, а для того, чтобы иностранцам свою башню показать. Тут мнения историков опять-таки расходятся. Мерюкрякские историки считают, что от доброты, а лесанские — что чтоб показать.

В общем, башня продвигалась к концу, царь радовался, но тут, откуда ни возьмись, появилась загадочная болезнь. Людишки вдруг начали как-то странно разговаривать. Сперва немного странно, а потом всё страннее и страннее. И наконец заговорили совсем уж очень странно. Теперь-то, спустя много-много лет, ученые поняли, что это за болезнь была. Она была от вируса. Вирус попадал людишке в голову через одно из отверстий, которые в ней имеются — нос, уши или рот. Вначале заболевшие людишки разговаривали между собой примерно так:

— Привет!

— Пиврет!

— Дак кила?

— Чего??

— Я роговую дак кила, дак жопиваешь, не понтяно шо ли?

А сам заболевший не понимал, что неправильно говорит какое-нибудь слово, потому что вирус менял это слово у него в голове на другое, и людишка думал, что оно всегда таким было. Сейчас-то людишки-ученые поняли, как в голове, то есть, в мозгу, который находится в голове, слова хранятся. Они по специальным клеточкам сидят. Каждое слово — в своей клеточке. А клеточка-слово прикреплено специальными проводками ко всем буквам, что в этом слове есть. Например, ПАРОВОЗ привязан к П и А, и Р, и В, и так далее. И вот вредный вирус эти прицепки местами менял. И вместо ПАРОВОЗ получалось ПА-ВО-РОЗ. А вместо КОЛ-БА-СА — КА-БЛА-СО. Но людишка-то и сам не знает, что у него в голове делается. Клеточек-слов ведь очень и очень много. За всеми не уследишь! И если вирус перепутал буквы у нескольких, людишка даже об этом и не догадывается, а говорит так, как слова у него в голове теперь по-новому записаны. Ведь голова — она как компьютер, а всем известно, какой ужас может выйти, если поменять байты с битами местами в каком-нибудь из файлов.

Так теперь бедные мерюкрякцы и разговаривали:

— Не прадва ли хоршоая поогда?

— Пока нигечо, но полсе одеба мжоет джоть пойти.

Вначале они очень расстраивались, но постепенно привыкли. Одни, когда их плохо понимали, стали себе помогать знаками. Например, показывать на небо и хмуриться — значит, дождь, а улыбаться — значит, солнце. Другие рисовали картинки. Правда, некоторые так рисуют, что пойди их пойми. Поэтому многие умные людишки, чтобы не мучиться, стали просто меньше слушать других. Всё равно ничего не понятно — чего же слушать? А другие, еще более умные людишки, сами стали говорить меньше.

Понятно, что с таким бедственным положением в стране строить башню стало невозможно. Да все про нее и вовсе забыли. Да и вообще кому она была теперь нужна, кроме некоторых орлов, которые вили на ее высоких уступах свои огромные гнезда?

Ни царь Невухоневротоневносор, ни его советники и ученые людишки — никто не мог понять, откуда такая напасть пришла. Про вирусы в те времена не слыхали. Стали людишки про себя говорить, что это царю наказание за то, что чужеземцев заставлял свое длинное имя произносить. Но как такое скажешь, когда ты говоришь, а понять тебя никто не может?

— Царь-то свосем нгалый стал, вот так ему и надо!

— Гечо-гечо? Нигечо не поминаю!

— Гечо, гечо... сам рудак!

— Это ты ругак, а я тебя не ругакал!

— А я тебя сейчас в мордак!

— Это я тбея в модрак!

Говорить становилось всё труднее, и малянцы теперь предпочитали объясняться кулаками. А малянки — ногтями и волосами. А некоторые говорили, что это всё не из-за царя, а из-за башни.

— Силшком выюская она, и весь поярдок в гоусдарстве растроила, — говорили некоторые.

— Бог не выедржал и на Неврухосранодосора ралозился, — говорили третьи.

Эпидемия распространялась. Скоро во всем государстве не осталось ни одного здорового людишки. Даже царь и его подданные, которые заперлись во дворце и никого к себе не пускали — всё равно заболели. И вот что интересно. Если один людишка заражался от другого, то он перенимал от него все неправильные слова, которые уже есть у того, и говорил их точно так же, как заразивший. Это придворный ученый понял, которого звали Нарокотух. Но правда ли его так звали или нет — это теперь трудно выяснить. Потому что из ста двадцати четырех научных книг, которые написал этот выдающийся людишка (и все от руки — ведь тогда еще книги печатать не умели), до нас дошли только три. И в одной он именуется Нарокотухом, в другой Народобухом, а в третьей Ноутбуком. Но почерк-то один и тот же! Знайка с доктором Таблеткиным, изучавшие его труды, пришли к выводу, что ученый во время их написания уже был не вполне здоров.

Так вот, этот Нарокотух или Народобух, или Ноутбук понял, как во дворец зараза попала. Притащил ее царский шут. Он, оказывается, тайно убегал по ночам из дворца, чтобы встречаться с одной малянкой. А эта малянка уже к тому времени была серьезно больна. Понять, что она говорит, было практически невозможно. Они с шутом объяснялись знаками. Говорят, шут ее очень любил. Какова же была его радость, когда он вдруг стал понимать буквально каждое слово своей возлюбленной! Понятное дело: инфекция передалась бедняге от нее...

Царь Невухоневротоневносор заразился прямо от шута, от царя заразилась царица, от нее — главная фрейлина, а потом уже и все остальные, потому что главная фрейлина была страшно болтлива. Каждое слово, которое она услышала за день от одного из обитателей дворца, она обязательно пересказывала всем остальным. А болезнь, как я уже говорил, передавалась через рот и через уши. Благодаря главной фрейлине, зараза распространилась так быстро, что никто даже не успел заметить, что он заболел, потому что и все остальные вокруг тоже заболели, и стали говорить точно такими же словами. А ведь никому из дворца выходить не разрешалось, так что все, кто там находились — а это была целая куча народу — по-прежнему разговаривали на одном и том же языке. Правда, теперь этот язык был понятен только им одним, да еще и знакомой шута, проживавшей где-то возле рынка.

Вот такая грустная история произошла с народом Мерюкряндии. И ведь ладно, если бы людишки неправильно произносили только некоторые, немногие слова — это еще полбеды. Но чем больше распространялась эпидемия, тем всё больше народу уже не могло — хоть убей! — выговорить длинное имя своего владыки: НЕ-ВУ-ХО-НЕ-ВРО-ТО-НЕ-ВНО-СОР. Кто говорил Вуневротосорокух, кто Сыроухонервнорот, а уж совсем больные и вовсе, стыдно даже повторить: Нервноух или Мусорот. Царские слуги по-прежнему наказывали каждого, кто его имя коверкает. Это было сильно на руку мастерам гончарного дела — горшков требовалась уйма. Правда, те, кто наказывал, и сами теперь имя царя путали, так что пришлось им и друг на друга горшки понадевать. В конце концов вся страна вместо шапок стала на голове горшки носить. С тех пор и прицепилось к мерюкрякцам это прозвище: горшка-башка. Бедный царь не смог вынести такого позора, и чтобы не видеть несчастья, постигшего его народ, велел надеть себе на голову самый большой горшок — золотой с изумрудами — и убежал в лес. Ведь сам-то он уже тоже свое имя не мог правильно произносить! А отменять собственный указ о том, что «Кто государево имя коверкнёт — тому в горшке ходить», ему царская гордость не позволяла. Своим верным слугам он запретил идти за собой, и те рассказали, что видели, как бедный монарх углубился в пальмовый лес, стучаясь горшком о стволы пальм. Больше его никто не видел.

БОРЬБА

Борьба вокруг употребления мяса разыгралась нешуточная. Через две недели весь город уже разделялся на два враждующих лагеря: вегетарианцев и мясоедов. Либо ты ешь мясо, либо ты его не ешь. Третьего не дано. Общество «Зверям — жить», а сокращенно ЗВЕРЖ, росло, и каждый день в него вступали новые члены и членки. Говорить «членка» — неправильно, но с легкой руки Пустомели, который вообще любил коверкать слова, все стали их называть именно так.

Художник Мальберт с поэтом Пёрышкиным сделали вегетарианскому обществу рекламу. В городе появились плакаты и листовки, убеждавшие людишек не есть мясо. Барвинка оказалась права. Наладить контакт с художником и поэтом Бабаяге удалось чрезвычайно быстро. Бабаяга и сама не понимала, как это у нее вышло, хоть ей и стоило большого труда преодолеть свою робость.

— Да что ты всё стесняешься и стесняешься! — в сердцах кричала на нее Барвинка. — Нельзя же всю жизнь всех бояться! Что тебе другие людишки сделать могут? Убьют или искусают?

— Да нет... — замялась Бабаяга. — Но все-таки, как-то неудобно к малянцам прилизываться.

Она имела в виду «подлизываться».

— Прилизываться! — расхохоталась Барвинка. — Ну, ничего! Ничего с тобой не будет. Ради спасения животных поприлизываешься немного.

В конце концов Бабаяга согласилась. Но все-таки она очень боялась, что Пёрышкин с Мальбертом не захотят ее слушать. Ведь она совсем не умеет убеждать! К тому же лесанский — не ее родной язык, а на чужом языке порой так трудно бывает что-нибудь объяснить!

— Будешь им говорить, что я скажу, — велела Барвинка. — Ничего от себя. Понятно?

— Понятно, но...

Мальберта они пригласили на следующее утро. Бабаяга еще не пришла, она была у себя дома и приводила себя в порядок. Она замечательно умела кроить и шить на швейной машинке, и вот теперь шила себе платье и новое пальто. Ведь у бедной иностранки совсем не осталось приличной одежды — так уж она привыкла выходить на улицу в рваных, грязных тряпках.

— Я прошу вас ненадолго прийти к нам сегодня с утра, — позвонила Барвинка художнику. — У нас к вам срочное дело.

Мальберт все отнекивался, но Барвинка умела добиваться от людишек того, что ей нужно, и художник в конце концов уступил. Правда, он опоздал на два часа, но все-таки.

— Видите ли... — начал Мальберт прямо с порога, оглядывая Барвинку и Кнопочку. — Я собирался идти сегодня совсем в другое место, у меня много дел...

В голосе его слышалась досада, что он, непонятно зачем, все-таки зашел.

— Проходите, проходите. Наше дело очень важное.

— Может быть для вас, но не для меня...

— И для вас оно очень важное, вы просто еще об этом не знаете.

— Неужели?

С трудом удалось затащить художника в гостиную и усадить на диван. Кнопочка тянула время, ожидая Бабаягу с минуты на минуту. Но как только малянка заговорила о вегетарианстве, Мальберт тут же поднялся.

— Последнее время у меня многие заказывают рекламу. Мне очень жаль, но я страшно занят. Могу вам посоветовать одного начинающего дизайнера...

— Неужели вы не сочувствуете бедным животным? — возмутилась Барвинка.

— Сочувствую, — ответил Мальберт.

— Тогда вы должны нас понять...

— Понимаю! Еще как понимаю. Но и вы меня поймите!

В это время в прихожей раздался звонок, и Кнопочка побежала открывать.

— Всего хорошего, — поклонился Мальберт и протянул Барвинке руку. — У вас, честное слово, очень приятно, но мне пора.

— Хорошо, идите, — сказала Барвинка, не давая руки. — Только перед этим вам нужно будет переговорить еще с одним членом нашего общества.

— С каким еще членом?! — почти крикнул Мальберт, забыв о приличиях.

Так он вдруг рассердился.

— Вот с этим, — ответила Барвинка, пропуская в гостиную Бабаягу.

А сама она вышла, затворив за собой дверь.

Видимо произошло какое-то чудо, потому что через десять минут из гостиной выбежал Мальберт и снова протянул руку Барвинке, но уже не для прощания:

— Ваш проект меня так вдохновил, что я просто сгораю от нетерпения! Начинаю работать здесь же и немедленно! — Он так энергично затряс руку Барвинки, что той стало больно. — Наберите мне, пожалуйста, пятнадцатый дом, попрошу шофера Торопыгу привезти краски и прочее.

— Я ему всё говорила, как она мне говорила, — объясняла Бабаяга Кнопочке.

Когда иностранка бывала взволнована, ей приходилось долго подбирать слова, и ее мерюкрякский акцент резал слух.

— А он?

— Очень странно...

— Что странно? — спросила Кнопочка.

— Я смотрела ему всегда в глаза, и я видела, что он совсем не слушает меня. У него был взгляд... что он не понимает, что я говорю. Я говорила ему про бедных животных. Про то, как им плохо, как их едят...

— Ну, а он что?

Бабаяга нахмурилась.

— А он улбался. Как можно улбаться, когда говорят такое — не могу понять! Это просто... как оно называется?

— Жестокость?

— Вот именно! А потом я ему говорила, что можно есть только овощи, но не мясо.

— А он?

— Опять улбался.

— Ну и чем кончилось?

— Я совсем прекращала стесняться. Я всегда перестаю стесняться, когда меня считают красивой. А он считал, я знаю. Я засердилась. Я подумала, что он на меня... издевается.

— Не «на меня», а «надо мной» нужно говорить.

— Вот именно, надо мной! Надо мной хочет издеваться. Он всё стоял и смотрел в мое лицо. Я ему предлагала садиться, а он не сидел. Тогда я подходила к нему близко и говорила: «Вы понимали, что я вам рассказывала?» — и он говорит: «Да», — а я говорила: «Вы согалшаетесь с нами работать?» — и он быстро сразу говорил, сказал так: «Да-да. Да! Очень да!»

— Так и сказал «очень да»?

— Так сказал!

— А ты?

— А я всё. Вышла. Говорила: «Спасибо, дальше вы будете работать с Барвинкой». А он спрашивал: «Почему не с вами?» А я говорила: «Она главная». А он говорил: «Жаль». И я вышла.

— Это просто какой-то гипноз.

— Наверно, я гипнозо... зор?

— Гипнотизёр.

— Да, гипнотизёр.

— Это их твоя красота гипнотизирует.

Бабаяга вздохнула. Ей бы не хотелось, чтоб так было. Она хотела просто разговаривать с людишками, а не гипнотизировать их.

А поэт Пёрышкин встречал Бабаягу и раньше. Еще до того, как она стала мазаться гуталином и носить рваную одежду. Когда он в первый раз ее увидел, на улице Хризантем, малянка была в длинном розовом платье с белыми лилиями. Чистом и без дыр. Пёрышкин написал тогда одну из своих лучших поэм. Теперь почти каждый людишка в Цветограде знает наизусть — если не всю поэму, то хотя бы кусочек. «О, эти белые лепестки...» — так она начиналась.

Барвинка послала Бабаягу открыть поэту дверь.

— Я бы хотела... — начала малянка, от смущения забыв поздороваться.

— Да!

— Мы бы хотели попорситься у вас...

— Согласен!

— Написать небольшие сти...

— Уже написал!

И Пёрышкин, который действительно сочинил стихи — едва он увидел прекрасную иностранку, отворившую ему дверь в сиреновом платье — стал их читать:

Ах, осень на меня повеяла весною!

Цветы сирени снегопадом на голову бах!

Схватила карусель — и в небо головою,

Там облако улыбкой на твоих губах!

— Подждите, подждите! — остановила его малянка. — Вы же не знаете, про что вам надо писать стихи!

— Знаю!

— Послушайте меня!

— О! Слушаю!

— Да нет же! Не *смотрите* на меня, а *слушайте* меня, понятно? — не на шутку рассердилась Бабаяга. — Нам нужны стихи про животных!

— Про животных? — изумился Пёрышкин. — О да, конечно, как вы прикажете. — И он с грустью поглядел в зеленые глаза иностранки:

В шкурку мышки я зареюсь,

Чтоб слезами горевать,

Чтобы лапкою кривою

Мое сердце разодрать.

Я в аквариуме рыбка,

Я в коробочке жучок,

В небе раненая птица,

На асфальте червячок...

— Ос-та-на-влий-ва-тесь! — топала ногой Бабаяга, тряся поэта за плечо. — Останавливайтесь! Проходите в комнату. Вам там скажут, что нужно сочинять, они лучше меня знают языка.

В общем, поэт Пёрышкин сразу же согласился делать рекламу и стать вегетарианцем. Он даже с удовольствием съел две фаршированные горошины, запил их черничным соком и закусил ломтиками земляники, макая их в заварной крем. Всё это приготовила Кнопочка, чтобы приучить поэта к вегетарианской кухне.

«Молодец эта Бабаяга! — думала про себя Барвинка. — Так мы многих на свою сторону перетянем». Она заметила, что чем дальше не видит перед собой иностранку, тем лучше к ней относится. Но стоит той попасться Барвинке на глаза, как в ней словно закипает какой-то злой чайник. «Так нельзя, — старалась она убедить саму себя. — К каждому людишке надо относиться по его поступкам, а не по внешнему виду. Ущемлять кого-то за то, что он красивый — это красизм. А красизм, расизм, сексизм, садизм — это всё безобразие. Мы должны перебарывать свои личные неприязни, иначе из цивилизованных людишек мы превратимся в совсем диких».

Но почему-то эти слова, которые Барвинка сама себе повторяла — не вслух, разумеется, а про себя — на нее слабо действовали. Так и хотелось иной раз схватить эту мерюкрячку за ее рыжие волосы и ткнуть носом во что-нибудь... во что-нибудь очень нехорошее. Барвинка и сама не знала, во что.

А вегетарианское дело тем временем распушалось, словно почки весной. Через несколько дней Барвинка, Кнопочка, Пустомеля и другие активисты ЗВЕРЖа уже всю агитировали людишек перестать есть мясо. Кнопочка действовала очень деликатно. Стоя на улице Орхидей или в каком-нибудь другом людном месте, она обращалась к прохожим со словами: «Простите, не могли бы вы уделить мне пять минут своего времени?»

На малянке был плащ, на котором спереди была нарисована плачущая корова, а сзади — повар с огромным ножом и испуганная курица, обнимающая своих цыплят. Уже один этот плащ мог кого хочешь растрогать, но всё же многие людишки, завидев издали секретаря ЗВЕРЖа, сворачивали в переулок или переходили на другую сторону улицы. Другие пробегали мимо, стараясь не глядеть агитантке в глаза. (Так в Цветограде называли уличных агитаторов — агитантами).

Гнобик, который сам жил на улице Орхидей, выйдя из дома, демонстративно шел прямо на Кнопочку, словно это было пустое место. Малянке в последний момент приходилось отскакивать в сторону, чтобы широко шагавший Гнобик не разметал ее вместе с брошюрами и листовками. «Мы живем в свободной стране, — говорил Гнобик, — и каждый имеет право ходить по улицам, чтобы к нему не приставали».

Тем, кто спешил или не хотел слушать, Кнопочка раздавала листовки, в которых говорилось, что есть животных — нехорошо, потому что все живые существа имеют право на жизнь. «Представьте, что возле Цветограда появились инопланетяне, питающиеся людишками, — говорилось в одной из листовок. — Каково бы нам пришлось, если бы они каждый день хватили по несколько людишек и готовили из них блюда для своих инопланетянских ресторанов?»

Еще Кнопочка предлагала брошюры, где было написано, как правильно питаться и что людишка вполне может обойтись без мяса, и это даже полезно для здоровья. Несмотря на то, что Кнопочка ни на кого не давила, многие и сами останавливались, брали у нее листовки и брошюры и разговаривали с ней. Кнопочке было очень приятно беседовать с разными людишками. Она всегда вначале внимательно выслушивала их мнение и только потом, стараясь не оскорбить и не задеть, аккуратно высказывала свое. За это Кнопочку в городе уважали.

На бульваре Гладиолусов пахло осенью и выхлопными газами. Бабаяга с распущенными волосами, рыжими, как кленовые листья, бесплатно раздавала прохожим надутых гелием животных: баранов, цыплят и гусей. Они были легче воздуха и рвались в небо. На надувных животных были написаны рекламные стихи поэта Пёрышкина. Среди них было и такое:

Вступите в ЗВЕРЖ, вступите в ЗВЕРЖ и станете друзьями

Коровы, утки, лебедя, а главное — свиньи.

Вступите в ЗВЕРЖ, вступите в ЗВЕРЖ и добрыми делами

Покроете поверхность вы матушки-Земли!

Иностранка была чисто вымытая — никаких следов гуталина на щеках, прекрасные волосы, доходившие ей до колен, расчесаны. На ней было замечательное белое платье, которое Бабаяге очень шло, зеленый платок на шее и в тон ему зеленые туфли на высоких каблуках.

— П-пожалйуста, н-не... не ешьте их, — запинаясь, произносила она заученную фразу, перед тем как вручить малянцу гелиевую корову или поросенка. Иностранка ужасно стеснялась. Она все время краснела и кусала губы, а иногда даже пыталась грызть ногти. Но, ощутив во рту едкую горечь, тут же спохватывалась. Предусмотрительная Кнопочка, заметив у подруги эту вредную привычку, намазала ей пальцы горьким соком одуванчика.

Получив надувную игрушку, малянце ставили свою подпись под документом, в котором говорилось, что они обязуются больше никогда не есть мясо. Кроме этого, Бабаяга каждому прикалывала к рубашечке значок с символом общества ЗВЕРЖ. Этот символ, придуманный художником Мальбертом, был портретом коровы, в глазах у которой светилась надежда.

Не совсем понятно, как это у Бабаяги получалось. Но только, поглядев в ее зеленые глаза и получив надувного гуся или телянка, малянец тут же переставал есть мясо и становился вегетарианцем. Если он перед этим шел по улице, жуя бутерброд с колбасой, то сейчас же выбрасывал его в урну.

Пустомеля, который одним из первых очутился на бульваре Гладиолусов, когда там появилась Бабаяга, говорил потом повару Кастрюле:

— Понимаешь, Кастрюлечка, она такая...

— Какая?

— Такое у нее лицо...

— Какое?

— У нее пальцы какие-то... когда она ими мне значок к рубашке прикалывала, знаешь... как будто через меня ток прошел.

— То-ок? — удивился повар. — Электрический?

— Да. Как слабый электрический ток такой. Но не больно. Не как если суешь два пальца в розетку. А так — очень приятно.

— Интересно.

— И глаза у нее такие...

— Какие?

— Такие... теплые. Как солнце весной. Как будто они на тебя смотрят и тебя греют. Она вся... как будто теплая такая. Даже не знаю... как кусочек солнышка...

— Надо же! — изумился Кастрюля.

Сам он с Бабаягой еще ни разу не встречался. Повар избегал бульвара Гладиолусов. «Я туда пойду, когда в Цветограде не останется ни одного мясоеда, — говорил он. — Кто же их, бедных, кормить будет, если я стану вегетарианцем?»

— Знаешь, Кастрюлька... Мне так хочется для нее что-нибудь сделать, — сказал Пустомеля.

Он в задумчивости глядел на крышу какого-то далекого дома.

— А что сделать? — спросил Кастрюля.

— Да что-нибудь. Что-то очень полезное и только для нее. Даже руки зачесались — так хочется. Ну хоть морду кому-нибудь набить, что ли!

Повар опасливо отодвинулся от Пустомели.

— Да не тебе, не бойся, — перевел Пустомеля взгляд с крыши на Кастрюлю. — А тому, кто с ней в чем-нибудь не согласен.

— А я как раз во всем с ней согласен! — обрадовался Кастрюля.

— Это хорошо, — сказал Пустомеля. — Ты настоящий друг.

Он вспомнил, как еще тогда говорил иностранке:

— Но я так люблю мясо. Особенно курицу жареную.

— Вы любите куриц? — переспрашивала малянка.

— Да. Я люблю куриные крылья. Они такие... вкусные. Сочные такие... Я один могу целое куриное крыло за раз съесть, — хвастался Пустомеля.

И сразу же тогда подумал: «Ну что я за идиот, зачем я ей это говорю?»

Но Пустомеля и сам не знал, что говорит. Он говорил просто так, чтобы только что-нибудь сказать. Как говорится, чтобы поддержать разговор. А то этот разговор возьмет да и кончится. А ему хотелось, чтобы он никогда не кончался...

— Если вам тяжело без мяса — приходите ко мне, — предлагала Бабаяга. — Я вам приготовлю грибную пиццу. Знаете, я вчера на одном пене нашла один огромный опят и утащила его домой. Он у меня на кухне лежит. Можем его чистить и жарить, а потом его и пиццу печь в духовке. Вы любите пиццу?

И пока Пустомеля что-то невнятно мычал, она своими тонкими пальцами прикалывала ему к рубашке вегетарианский значок. Малянка так аккуратно дотрагивалась до его рубашки, что Пустомеле показалось, будто его коснулась крылом какая-то невиданная, электрическая бабочка.

— Я вас так понимаю, — сказала она на прощанье Пустомеле. — Вы любите курицу, но еще кто-то ее любит.

— Кто? — спросил Пустомеля.

— Куриные дети. Ведь она их мама.

Это Бабаяга имела в виду цыплят. Она ведь была иностранка и не всегда правильно выражалась.

Удивительно, что Бабаяге не удалось убедить отказаться от мяса ни одну малянку. Все они, презрительно фыркая, проходили мимо. Зато каждый малянец, очутившись на бульваре Гладиолусов, автоматически становился звержевецем. С приколотым прекрасной вегетарианкой значком на груди ни один не мог уже больше есть мясо. Это был словно какой-то гипноз. Но, к несчастью вегетарианцев и к счастью мясоедов, Цветоград большой и, кроме бульвара Гладиолусов, в нем есть еще очень много улиц. И далеко не каждый малянец попадал на этот бульвар. Так что еще очень и очень многие малянцы по-прежнему жили — не тужили и продолжали употреблять мясо в неограниченных количествах.

Вот так, одной своей добротой Кнопочка и Бабаяга агитировали в общество всё новых членов и членок. Пустомеля, обратившись в вегетарианство, предпочел иной способ. Вначале он, как и Кнопочка

пробовал убеждать. Но у него ничего не вышло. Никто его не хотел слушать. Все привыкли, что он всегда вешает лапшу на уши. Тогда Пустомеля, во-первых, разозлился, что у него ничего не получается. А во-вторых, переменял тактику. «Ну, мясоеды несчастные, я вам покажу, — бурчал он, боксируя по воздуху кулаками, — только попадитесь мне под руку!»

Удобным местом оказалась площадь Путешественников. В обеденное время, если, конечно, не слишком холодно, людишки облепляли там все скамейки, пьедесталы статуй и газоны. А если плохая погода, то народ набивался в памятник Дирижаблю. Людишки сидели на скамеечках в бронзовой гондоле, под огромной стеклянной сферой, которая защищала от дождя. Подняв глаза к небу, можно было увидеть, как капли колотят в круглую прозрачную поверхность и стекают по ней.

Пустомеля хватал бедного обедающего за грудки, не заботясь о том, что тот рискует подавиться. Он нарочно выбирал самых голодных на вид малянцев — тех, у кого нет сил сопротивляться. Выхватив у кушающего малянца бутерброд с колбасой или завернутую в блин котлету, Пустомеля набрасывался на него всей силой своего убеждения. А убеждать Пустомеля умел еще как! Недаром же он когда-то убедил пол-Цветограда, что на город несутся четыре заболевшие бешенством коровы и один бык, так что все — кто по чердакам, кто по погребам попрятался.

— Вот ты блин с этой котлетой ешь, а ты знаешь, из кого она сделана?! — кричал Пустомеля, отодвигая тянущуюся к котлете руку голодного людишки. — Ты, наверно, думаешь, что корова — это просто какой-то огромный кусок мяса, который бродит себе там где-то в поле и ест траву, а потом раздает себя на котлеты? А ты в курсе вообще, что у коровы тоже есть душа, как у тебя? Что у нее, может быть, есть голодные дети, которые ждут, когда она их напоит молоком?

Ошеломленный малянец, лишенный еды, за которой он перед этим долго стоял в очереди в котлетной «Веселый фаршик», мучился от голода и не понимал, чего от него хотят.

— А ты вообще хоть раз в своей жизни видел живую корову? — бушевал Пустомеля. — Смотрел ей в глаза?

Людишка в ужасе мотал головой.

— А, так ты посмотри! Вон, поезжай на ферму — и посмотри! Поезжай — и посмотри ей в глаза. А потом уже решишь — будешь ли ты после этого мясо есть или нет.

Сам-то Пустомеля ни разу живой коровы не видел, и она ему представлялась, как какое-то расплывчатое рогатое и мохнатое существо с теплым взглядом добрых, зеленых глаз. Не дожидаясь ответа малянца, Пустомеля бросал его котлету в урну, прикалывал к груди несчастного вегетарианский значок и выдавал ему бесплатную пиццу в картонной коробке.

— На вот. Ешь! Ощути разницу! Твоя мерзкая котлета — вон она, еще из мусорного ведра торчит — или чистая, прекрасная пицца. Приготовленная без убийств. — С этими словами Пустомеля отчаливал — искать новую жертву.

А Никтошка к этому времени уже выздоровел, и ему разрешили выходить на улицу. Вернувшись из своего ужасного путешествия, в котором он едва не погиб, Никтошка долго болел, и вот, наконец, его болезнь прошла. На бульваре Гладиолусов как раз недавно построили новую площадку. В аллее Ромашек никогда очереди на качели не дождешься, а здесь поставили тридцать пять качелей в ряд. Вдоль целого длиннющего дома пятиподъездного. И не низеньких, а высоченных, так что если как следует раскачаешься — будешь долетать до третьего этажа. Никтошка весь день теперь проводил на качелях. Как приходил сюда в двенадцать утра — сразу после завтрака — тут же на них садился. Да так и качался до вечера, пока не стемнеет. Он даже обедать научился на качелях. Брал с собой бутерброд и ел, раскачиваясь. И голубей с качелей кормил. Батолами. Он с собой полный рюкзак хлебных батончиков приносил — для голубей. Качался с этим рюкзаком и — то одному голубю полбатона кинет, то другому. Хотя одному бросишь — слетается сразу целая стая: пять, шесть, а то и пятнадцать огромных птиц. Для людишек голубь — примерно как для нас страус, только летающий и очень толстый, и эти толстые страусы заполняли собой весь бульвар. Никтошка старался кормить голубей, когда никто не видит, потому что многим это не нравилось и прохожие ругались. Еще бы, когда на тебя сверху пикирует целый косяк этих огромных птиц — можно испугаться. Хотя, конечно, голуби — абсолютно безобидные существа.

На бульваре Гладиолусов старинные дома. Подъезды с колоннами, а балконы поддерживают статуи малянок — кариатиды. Наверху мансарды. Многим малянкам нравится жить в мансардах, потому что из окна можно вылезти прямо на крышу. А в центре Цветограда дома стоят так близко друг к другу, что, когда играешь в салки, можно перепрыгивать с одной крыши на другую, не опасаясь, что соскользнешь вниз.

Качаясь, Никтошка всё представлял себе, что он может вот так с качелей слететь — и прямо вон на тот балкон напротив, где малянка в зеленой косынке поливает землянику. Или полетит еще выше и повиснет на гладиолусе, который качается над крышей. Он закрывал глаза, и ему казалось, что он туда уже летит.

Некоторые могут подумать, что это скучно — качаться весь день. Но Никтошке скучно не было. Качели высоко взлетают, столько всего с них видно. Он с высоты наблюдал за всем бульваром Гладиолусов. Никтошка заметил, что впереди, ближе к перекрестку с улицей Пастушьей сумки всё время толпятся людишки, и им там раздают надувные игрушки. Никтошке тоже хотелось получить игрушку, но не хотелось портить себе настроение. Потому что всегда, как встанешь в очередь — обязательно тебя кто-нибудь оттолкнет или, если уже отстоишь половину, скажут вдруг, что ты здесь не стоял. Или внезапно кто-нибудь придет да и встанет впереди тебя, как будто он тут с самого начала был. А это очень обидно, и после этого уже не хочется в очереди стоять.

— Буду еще себе настроение портить, — думал Никтошка. — И без игрушки как-нибудь обойдусь.

Поэтому он так и не встретился с Бабаягой, которую когда-то спас от смерти.

А Бабаяга тоже иногда вспоминала Никтошку. Когда она думала о том, что могло бы быть, если бы этот малянец не подоспел вовремя, ей становилось не по себе. А ведь она даже не успела его тогда поблагодарить. Когда Бабаяга пришла в себя, малянца в синем шарфике уже и след простыл, а она даже не спросила, как его зовут.

— Может быть, он подойдет ко мне, пока я тут стою, — думала иностранка, — и я скажу ему: «Спасибо». Нет, я ему пожму крепко руку и скажу: «Большое спасибо!» И не только, — думала она. — Я приглашу его к себе домой пить чай. «Я вас тогда не успела поблагодарить, — скажу я. — Я бы очень хотела пригласить вас к себе домой выпить чашку чая с пирожными».

Бабаяга представляла, как она бы испекла одни очень вкусные мерюкрякские пирожные. Она ни разу не видела, чтобы в Цветограде продавали такие. И он придет. Бабаяге страшно хотелось узнать, кто же он всё-таки такой. «Может, объявление вывесить? — думала она. — Ну как же так? Малянец спас меня от смерти, и об этом никто даже не узнал! Всем надо об этом сказать!»

Но сказать всем Бабаяге было неудобно. Она была очень стеснительная. И она рассказала про малянца в синем шарфике только Кнопочке, но Кнопочка так и не вспомнила, кто в Цветограде носит синий шарфик. А теперь вегетарианские дела отвлекли Бабаягу от мыслей о нём, и она забыла, что хотела вывесить объявление. А ведь если бы она его вывесила, Никтошка обязательно бы это объявление прочел. Потому что он читал вообще всё, что ему попадалось на глаза. Он прочитывал на улицах все объявления. Но все равно из этого ничего бы не вышло. Потому что, увидев Бабаягино объявление, он ни за что бы на него не откликнулся. Такой уж был у него характер.

МЯСОЕДЫ НЕ ДРЕМЛЮТ

Усилиями членок и членов ЗВЕРЖа в Цветограде становилось все больше вегетарианцев. Но и мясоеды не дремали. То есть, вначале они именно что дремали. Но потом вдруг проснулись.

— Это что же такое получается? — сказал сам себе Гнобик, когда выйдя однажды утром на балкон, увидел внизу Кнопочку, окруженную толпой желающих вступить в вегетарианство и просто сочувствующих. — Эдак через пару месяцев в городе не останется ни одного нормального людишки, кроме меня! А потом скажут, что и растения с грибами нельзя кушать. Что у подберезовика тоже мама есть, которая его любит!

Вернувшись в гостиную, Гнобик снял теплый халат, потому что в доме было жарко натоплено, и раскурил безникотиновую сигару. Сидя в огромном кресле, обитом красным плюшем, он раздумывал над тем, что же это дальше-то будет. Гнобик любил красивые вещи. В углу у него стояла огромная китайская ваза. На стене висела картина «Купающиеся русалки».

— А может, — рассуждал Гнобик, обращаясь к стоявшим на камине гипсовым часам в виде лошади, — а может быть, кому-нибудь покажется нечестным, что мы берем у коров молоко, а у кур яйца, не отдавая ничего взамен? И придется курам и коровам платить зарплату, установить для них восьмичасовой рабочий день! Потом еще оплачивать отпуска и давать бесплатные путевки в коровий санаторий для поправления здоровья...

Нет, ему просто необходимо с кем-нибудь всё это обсудить!

— Эй, вы, козлы! — крикнул он вегетарианцам с балкона, но никто его не слушал.

Гнобик с досадой бросил в них огрызком сигары и захлопнул балконную дверь. Его трясло.

— В конце концов, — сказал он бронзовой статуе Дианы, богини охоты, которая с собаками и луком охотилась в гостиной Гнобика на неведомого оленя. — В конце концов, хоть мы и берем у них мясо или, там, молоко с яйцами, но мы ведь их за это кормим! Мы им жильё строим, пасем их... на лугах! Охраняем от волков... а если они птицы, то от всяких там коршунов! Если им от нас еще что-нибудь надо — пусть сами открыто заявляют. А если они молчат — значит, они всем довольны!

И плюнув в балконную дверь, обессиленный повалился на диван. «Эх, нужно всё это обязательно с кем-нибудь обсудить!» — думал Гнобик. Он не выдержал и позвонил художнику Мальберту, с которым они были в хороших отношениях.

— Приходи сейчас ко мне. Дело есть!

— Я как раз сел писать одну картину... — начал было Мальберг.

— Не волнуйся, у меня ты штук десять напишешь картин, не меньше. Не забудь краски, холсты, — в общем, всё что надо!

— Но, Гнобик, я не могу, передо мной тут уже на стуле натурщица сидит...

— Так дай ей почитать журнал мод, а сам срочно беги ко мне!

— Действительно ли это так срочно?

— Дело жизни и смерти! — крикнул Гнобик и бросил трубку.

В ожидании Мальберта, Гнобик нервно ходил из угла в угол своей гостиной и курил безникотиновые сигары вперемешку с сигаретами — одну за другой. Пепельница несколько раз переполнялась, и он с наслаждением опорожнял ее на головы вегетарианцам, толпившимся под окнами.

ОБЩАЯ КВАРТИРА

Гнобик жил один. Надо сказать, что в отличие от известных нам малянцев с улицы Незабудок, которые все жили в одном доме и вместе вели хозяйство, Гнобик терпеть не мог общественной жизни. Он хотел жить сам, в своей собственной квартире, и чтобы в спальне у него стояла только его собственная кровать, а не десяток кроватей каких-то там других личностей, а в кухне — только его собственная тарелка и чашка. Знайка, доктор Таблеткин и другие, наоборот, хотели жить именно так, как они и живут: коммуной. То есть — когда всё общее. Нет, ну понятно, что, например, зубная щетка или штаны не могут быть общими. Но книги, лыжи, всякие там кастрюли на кухне или швабра для мытья полов — почему бы не пользоваться всем этим вместе или хотя бы по очереди? Зачем, например, каждому людишке отдельная стиральная машина или отдельный пылесос? (Кстати сказать, пылесосить никто из них не любил).

А жить в одном доме гораздо интересней, чем жить порознь. Можно вместе играть в разные игры, рассказывать друг другу страшные истории на ночь, да и вообще всегда есть, с кем поболтать. А еще — очень удобно, когда кто-то один варит на всех обед, другой убирает дом, третий поливает цветы, а не так, что каждый должен и обед варить, и цветы поливать, и пол подметать. В общем, вместе и веселее жить, и проще — каждый, кто только над этим задумается, сразу поймет, что это так.

Многим малянкам и малянкам нравилось бывать в коммуне на улице Незабудок, и они искренне восхищались таким способом ведения хозяйства. И при этом, так чтоб всем вместе, сообща — в Цветограде мало кто жил. Кроме знаменитого пятнадцатого дома, в городе было еще два похожих дома и несколько десятков коммунальных квартир. Остальные людишки проживали в отдельных домах или квартирах, в зависимости от характера: по двое, по трое или в одиночку. А из общих квартир, где обитало по десять, а то и по двадцать малянок и малянцев, все так и норовили сбежать куда подальше.

— Почему это вы все время ссоритесь? — спрашивал доктор Таблеткин, когда они со слесарем Напильником и музыкантом Роялем делали ежемесячный обход общих квартир, чтобы узнать, как их обитателям живется и предложить, в случае чего, братскую помощь.

— Почему мы ссоримся? — переспрашивала босая малянка в резиновом передничке по имени Бигудинка. Когда малянцы позвонили, она как раз мыла в коридоре пол. Вылив на линолеум ведро воды, Бигудинка гнала ее шваброй в кухню, к водостоку. — Почему мы ссоримся? А потому что, вы видите, мне тут всё самой приходится делать, и хоть бы одна зараза палец о палец ударила, чтобы помочь?

— Так установите график дежурств! — предложил доктор, которого хоть и покорило от грубого слова, но он не подал вида.

Из кухни выскочила малянка с намыленной тарелкой в руках. Ее звали Сошка.

— А у нас график есть! — крикнула она.

— Только кое-кто его не выполняет, — злобно буркнула Бигудинка.

В это время из дальнего конца коридора послышалась песня:

Как я люблю наших соседок!

Как они ловко моют пол!

В четверг, во вторник или в среду

Готовят что-нибудь к обеду,

О этот милый слабый пол!

И на велосипеде выехал поэт Пёрышкин, который, как и другие деятели искусств, любил общую жизнь.

— Привет, друзья! — крикнул он, затормозив у входной двери, обдав малянцев грязными брызгами. — Простите, что немного облил вас, я, честно говоря, не ожидал, что здесь на полу вода. Знаете, я так рад, что живу в одной квартире с этими замечательными малянками — Бигудинкой, Сошкой, Швабринкой, Вытиринкой, Посудо... как там ее?

Тут он заметил Бигудинку, заменявшую сегодня приболевшую Швабринку.

— О! — воскликнул Пёрышкин. — Какие у вас прелестные бигуди, дорогая. Вы в них такая воздушная, такая...

Но договорить Пёрышкин не успел, потому что Бигудинка ткнула его мокрым веником в лицо.

— Фу-ты, — пробормотал Пёрышкин, выплевывая липкую пыль. — Такое хорошее настроение было...

— Так его! — снова выскочила из кухни Сошка с кастрюлей в руках, наполовину наполненной чем-то малиново-красным. — Вместо того чтоб... — Но закончить фразу ей не удалось, потому что она поскользнулась и полетела на пол.

— Ах! — ахнул музыкант Рояль.

— Жаль костюм! — посочувствовал Пёрышкин, все еще отплевываясь. — Новый? — спросил он Рояля.

Рояль разводил руками.

— Д...да... мне сегодня на выступление... вот... одел, чтобы немного разносить... а то, если не разносить, под мышками пиджак давит... когда смычком...

Напильник бросился поднимать малянку с пола.

— Вы не ушиблись?

— Простите... — сказала Сошка Роялю. — Рассольник легко отстирывается. Хотите, я ваш костюм постираю?

Внезапно из туалета выбежал незнакомый малянец. Он кричал, размахивая руками:

— А зачем мы должны ваш дурацкий график выполнять, если мы пока еще с ума не сошли?!

Это он имел в виду тот самый график дежурств, про который Бигудинка сказала, что его не выполняют.

— Вот именно! — вышел из ванной другой, тоже незнакомый. — Сами свой график выполняйте!

— Закрой дверь в туалет! — топнула ногой Бигудинка.

— Сама закрой!

Тут множество ведущих в коридор дверей начало отворяться, и из них выбегали всё новые обитатели квартиры. Стало шумно.

— Как вам не стыдно?! — сказал Таблеткин, возвысив голос и обращаясь к малянцам, которые отрицали график дежурств. — Они за вас всё убирают и полы моют, а вы бездельничаете?

— Мы согласны мыть полы! Только не три раза в день! — возмущенно топнул первый малянец.

— Три раза в день??? — поразился Напильник.

— А сколько же? — ехидно спросила Бигудинка, опершись на швабру. — Посмотри на свои ботинки! — ткнула она веником в стоящие у двери ботинки, на которые налипли огромные комья грязи. — Ты каждый раз с улицы приходишь и шлепаешь в этих ботинках в спальню!

— И правда, — удивился Напильник. — Где ты столько грязи нашел?

— Да у нас за домом, на пустыре...

— Сейчас на улице полно грязи, — подтвердил доктор Таблеткин. — А от грязи всякие болезни...

Музыкант Рояль уже смирился с испорченным костюмом. Морщась от криков, он тоскливо оглядывал длинный коридор, который вел куда-то вглубь, в мрачное нутро огромной квартиры. Потолки здесь были такие высокие, что обои наклеивали на стены только до половины — дальше шла крашеная в

темно-зеленый цвет стена. Высоко, под самым потолком, к стенам крепилось множество разных полок, с которых выглядывали старые самовары, кастрюли, банки с консервами, вареньем, квашеной капустой. Полки были кривые, а многие банки, словно нарочно, были поставлены с самого краю — того и гляди соскользнут и разобьются вдребезги. С потолка свисали крюки, на которых держалось множество разных вещей. Над головой болтались чьи-то роликовые коньки, клюшки, двух- и трехколесные велосипеды, чемоданы. По коридору время от времени кто-нибудь пробегал. Роялю почему-то казалось, что сейчас один из этих велосипедов или чемоданов свалится на голову бегущему и убьет его. «И зачем я сюда пришел?» — печально думал музыкант.

— Нет! — слышалось возле самого его уха. — У всего должен быть разумный предел! Мыть пол три раза в день — это слишком!

— Ничего не слишком! Для таких свиней и этого мало!

— Вот видите? — закричали из глубины коридора. — Они хотят мыть пол три раза в день — пусть моют! Мы им этого не запрещаем!

— Но ведь вы не помогаете! — отозвалась Бигудинка.

— Подождите! — остановил их доктор Таблеткин. — Знайка говорит, что надо всё решать демократично. На квартирном собрании!

— Не хотим квартирному собранию! — закричали вновь подошедшие малянцы Вилик и Плювакин.

Таблеткин поморщился.

— Это почему же?

— А я вам сейчас всё объясню, — выступил вперед низенький малянец по имени Питёнок.

— Как же, объяснит он! Слушай его больше! — кричали малянки Гулька и Будилка.

— А ты — нечего каждое утро будильник на семь заводить!

— Буду!

— Тихо! — хлопнул в ладоши доктор Таблеткин. — Дайте тому сказать! Который хочет всё объяснить!

Обитатели огромной квартиры еще некоторое время пошумели, но все же наконец затихли.

— Дело вот в чем, — начал Питёнок. — На всех голосованиях почему-то всегда так получается, что если что-то предложила малянка, то все малянки голосуют всегда «за»...

— Неправда! — закричали малянки, но доктор Таблеткин попросил не перебивать.

— В нашей квартире шестнадцать комнат, — продолжал Питёнок. — И до недавнего времени в ней жило шестнадцать людишек: восемь малянок и восемь малянцев. И даже если все малянки голосовали за какое-нибудь дурацкое предло...

— Сам дурак!

— Это у вас, малянцев, дурацкие предложения! Нет, доктор, вы только послушайте, что за предложение они предложили вчера на собрании: устроить подушечную войну — малянки против малянцев!

— Ну и что такого? — спросил Вилик. — Классно же, драться подушками, везде перья!

— А то, что малянки слабее малянцев и драться с малянками не честно!

— Но вас ведь больше!

Незнакомый малянец — тот самый, что вышел из туалета — разбежался по мокрому полу и, резко затормозив у кухни, облил всех грязными брызгами.

— Да чтоб тебя! — вцепилась ему в волосы Бигудинка, которую с трудом потом удалось оттащить.

— Товарищи! — надрывался доктор Таблеткин. Он уже едва владел собой. — Братья и сестры! Нельзя же так. Ведь вы же цивилизованные людишки! Дайте же наконец сказать вашему товарищу, который хочет всё объяснить!

— Не дадим! — кричали малянки.

— Он нам не товарищ!

— Если бы нас было поровну, вы бы нас вообще заклевали! — кричала Будилка.

— Ага! Вот вы и подселили трех дополнительных малянок незаконно!

— Всё законно! — возражала Сошка. — Мы их не в ваши комнаты подселили, а в свои, и поэтому это наше дело!

— Еще бы не хватало, чтоб в наши! — орал Плювакин. — Если бы тебя подселили в мою комнату, да я бы тебя так... — замахнулся он.

— Как? — подступила к нему Сошка.

Волосы у Сошки были мокрые, и, тряхнув ими, малянка обдала Плювакина мокрыми брызгами. Она уперлась в Плювакина животом. Хоть Сошка и была очень мелкая — на голову меньше других — но ее все боялись.

— Ну, как? — вызывающе спросила она.

— Да отстань! Никак...

— То-то! И нечего тут кулаками размахивать.

И Сошка поднесла к носу Плювакина свой маленький кулачок.

— Вот, понюхай! Понял, чем пахнет?

ЩИ

В это время из кухни донесся такой густой запах вареных щей, что бедному музыканту Роялю, который не выносил капусту, пришлось зажать нос. Пахло так сильно, что спорящие людишки на время умолкли.

— Ой, что это? — спросил Напильник в наступивший тишине.

— Это наши щи готовы, — пояснила Сошка.

— А почему они такие... крепкие?

— Потому что их очень много, — сказала Бигудинка.

Людишки по-разному реагировали на запах. Одни шмыгали носом, с удовольствием его вдыхая, другие кривились и морщились.

— Вы вообще видели кастрюлю, в которой они эти свои щи варят? — простонал Плювакин. — В нее же пять людишек свободно помещаются!

— Ну так что? Мы на неделю суп варим, а потом каждый день разогреваем! Вас тут двадцать человек, на такую ораву как раз получается.

— А как же у вас такая кастрюля в холодильник влезает? — удивился Напильник.

— Неделю щам холодильник не нужен, они могут и так постоять.

— Теперь понятно, откуда такой запах, — пробормотал доктор Таблеткин.

— Мы ваши щи больше есть не намерены, так и знайте! — сказал Плювакин и плюнул на пол.

— Ты что? — топнула на него Бигудинка, — плевать вздумал на пол, который я за тебя тут мою?

— Не за меня вовсе, и потом ты его еще не вымыла, а только воду разлила. Кому такое мытьё вообще нужно? Вода заливается под диваны, всё что на полу лежит из-за тебя промокает!

— А нечего свои носки под диваны швырять!

— А я всё равно буду!

— Еще раз швырнешь — я тебе такое устрою — век помнить будешь!

— А мне ПЛЮВАТЬ!

(За это-то Плювакина и прозвали Плювакиным, что он на всё отвечал «мне плювать»).

— Тебе плювать? Еще раз носок под диваном найду — выкину, останешься без носков!

— А мне ПЛЮ-ВАТЬ!

— Да я залью их клеем! Сунешь ногу — вытащить не сможешь!

— А мне ПЛЮ-ВАТЬ!

— Кажется, нам пора, — заторопился вдруг доктор Таблеткин. — Нам нужно еще несколько квартир посетить, а мы что-то здесь слишком засиделись. Точнее, застоялись.

А ведь гостей так и не пригласили пройти в комнату или хотя бы присесть на какой-нибудь стул или скамейку.

— Нет, куда же вы? — схватила его за руку Бигудинка. — Мы вас сейчас щами накормим!

— О нет, что вы, не стоит беспокоиться. Мы перед уходом из дома очень плотно поели.

— Это кто тут наши щи есть не хочет? — угрожающе проговорила Сошка, выходя из кухни. В руках у нее был огромный половник, наполненный почти до краев. — Неуважение к труду?

— Ой, фу... — прошептал Напильник.

— Мама! — сказал музыкант Рояль, спрятав лицо в носовой платок.

— Что вы, что вы? Мы ваш труд очень даже уважаем, — заверил доктор Таблеткин.

— Ну тогда, хорошие гости, попробуйте супчик?

— Видите ли... — начал доктор Таблеткин. — Мы настолько сыты, что суп может вызвать нежелательную реакцию...

— Одна тарелка ничего не вызовет!

— Не можем же мы вас отпустить, не накормив?

— Мы вообще-то очень спешим...

— Это не займет много времени. Только попробуйте...

— Да чего там! Ну-ка Пуделька и Гулька — не пускайте их к дверям, и мы их сейчас всех накормим! Не пропадать же щам!

Малянки двинулись на доктора Таблеткина и остальных.

— Эй, эй! — отпрянул Напильник. — Вы чего?

Неизвестно, чем бы всё это кончилось, если бы с улицы вдруг не донеслись громкие крики и выстрелы. Обитатели общей квартиры очень любили разные происшествия, которые помогали скрасить их скучную жизнь. Они бросились в комнаты и высунулись из окон, а доктор Таблеткин, слесарь Напильник и музыкант Рояль, воспользовавшись замешательством, выскочили на лестничную клетку и скорее побежали вниз.

— О-ох! — выдохнул Рояль, разжав наконец пальцы, которыми он зажимал нос.

— Повезло, а то пришлось бы тухлые щи есть.

— Не понимаю, как они их едят, — сказал Таблеткин. — Отравления капустой очень опасны.

Это был тот самый подъезд, в котором этажом выше жил Гнобик. Только у подъезда было два входа: парадный, выходивший на улицу Орхидей, и черный — на улицу Маргариток. А в квартирах в этом доме было две входные двери: одна возле кухни, ведущая на черную лестницу, а другая — парадная, в противоположном конце квартиры. Гнобик всегда пользовался только парадным входом, а в общей квартире под ним — наоборот — парадная дверь была загорожена шкафом, в котором хранились банки с квашеной капустой. Поэтому Бигудинка и другие жильцы ходили по лестнице черного хода.

Как я уже говорил, Гнобик не выносил совместного проживания и поэтому жил один. Когда-то давно в его квартире тоже обитало человек пятнадцать людишек. Но после того, как там появился Гнобик, оказалось, что никто не может с ним ужиться под одной крышей. Кончилось тем, что все они куда-то переехали. И Гнобик остался один. Конечно, нехорошо быть таким, что с тобой никто не может ужиться. Но нельзя же обвинять человека в том, что у него плохой характер. Характер ведь не выбирают. В общем, теперь Гнобик жил самостоятельно.

Незадолго до стрельбы и криков, потрясших улицу Орхидей, Гнобик надел халат и вышел на балкон, чтобы вытряхнуть переполненную пепельницу. Как мы уже знаем, прямо под его окнами Кнопочка вот уже целую неделю с утра до вечера, со своими брошюрами, плакатами и листовками, уговаривала цветоградцев вступить в вегетарианское общество ЗВЕРЖ.

А сегодня кому-то из активистов этого самого общества пришлось в голову привезти из деревни живую курицу. Возвышаясь над толпой, словно фонарный столб, она гордо шествовала по улице, таща за собой на привязи двенадцать цыплят. На курице и цыплятах были короны из серебряной бумаги с золотыми буквами ЗВЕРЖ. Гнобик терпеть не мог животных, и птиц в особенности. Круглые цыплята были похожи на воздушные шары, плавающие над тротуаром.

— Какая гадость! — возмутился Гнобик и с отвращением вытряхнул пепел на желтого цыпленка, который потом долго отряхивался.

Малянки обнимали цыплят, фотографировались с ними и вообще были в таком восторге, что даже простили хулиганскую выходку мотоциклисту Врубикю, попытавшемуся вскочить верхом на цыпленка.

— Н-но! — вскричал Врубик, но мама-курица без посторонней помощи расправилась с безобразником. Возвысившись над людишкой, словно подъемный кран, она клюнула его в голову. И если бы на голове у бедняги не оказалось мотоциклетного шлема, который он по счастливой случайности не успел снять, — в Цветограде появилась бы первая жертва вегетарианства. А так — шлем раскололся вдребезги, но голова осталась цела.

— Ничего себе! — присвистнул Гнобик. — Это кого от кого охранять надо — их от нас или нас от них? Чудовище его чуть не убило!

Одна малянка поцеловала цыпленка в желтую щеку, другая гладила курицу, а Кнопочка тем временем раздавала всем вегетарианские значки и брошюры. Глядя на всё это безобразие, Гнобик твердо уверился в своем намерении поднять мясоедов на борьбу. Почему-то ему захотелось перейти к активным действиям как раз в тот момент, когда из квартиры второго этажа повалил густой запах разогреваемых щей.

— О-ох! — простонал Гнобик. — Какая гадость!

— Какие же они приятные, какие миленькие, да разве можно таких убивать, а потом еще и есть? — раздавалось в толпе.

— Ага, конечно! — заорал им сверху Гнобик. — Посмотрите на этих монстров! Если не мы их съедем — так они нас!

Но его не слушали.

— Ах чтоб вам! — злился Гнобик всё больше, задыхаясь от супового запаха.

Когда куриное шествие повернуло за угол, Гнобик возвратился в комнату, закрыв за собой балконную дверь. Тут он немного успокоился — отчасти потому, что сюда почти не проникал щаной дух. Он сел на диван и налил себе из кофейника остывший кофе. «Ничего, сейчас Мальберт придет, — утешал себя Гнобик. — Мальберт нам придумает такие плакаты, что эти...»

Кажется, все же аромат кислых щей понемногу просочился и в его квартиру... Гнобик вскочил на ноги и повел носом, подходя к окну. Но увидев на улице толпу вегетарианцев с надувными поросятами, он снова забыл о щях.

— Нет, всего этого нельзя допустить! — бормотал Гнобик, шагая по роскошному ковру из одного угла своей огромной гостиной в другой. — Пора немногим оставшимся в городе здравомыслящим людишкам начать бороться за свои права! У каждого есть право есть и пить то, что он хочет, и у каждого есть право, чтобы ему не морочили голову! Может быть, свиньи страдают, но не могу же я посвятить всю свою жизнь решению их проблем? Сами-то они и не чешутся!

Гнобик топнул ногой по ковру, отчего ковер сдвинулся и Гнобик едва успел подхватить начавшую падать ему на голову статую Дианы. Поставив богиню на место, Гнобик подскочил к

фортепиано и с треском взял несколько ужасающих аккордов. Потом хлопнул фортепианной крышкой так, что загудел пол. А щами пахло всё сильнее...

— Что-то мне не приходилось встречать свинью или барана, выразивших намерение бороться за свои права! — кричал Гнобик, свирепея. — А раз им самим на себя наплевать — почему мы, людишки, должны расшибаться для них в лепешку?

И он пнул попавшуюся ему под ноги банку с мальками в томатном соусе, разлетевшимися в разные стороны.

— Чёрт! Томатный соус попал на обои! Досадно...

Но тут же забыл об этом. Нет, его положительно раздражала однобокость дураков, которые представляют всех поголовно животных такими бедными овечками! Почему это никто не вспомнит людишек, забоданных коровами? Укушенных свиньями, клюнутых курами, ущипнутых гусями? Ведь известно, что коровы бодаются, куры клюются и так далее — и наверняка у них были жертвы!

Ему хотелось что-нибудь сломать, но под рукой не было подходящего предмета.

«Откуда во мне столько злости?» — неожиданно подумалось ему.

Ба! Вон оно что! Вентиляционная решетка под потолком не задвинута — через нее-то и доносится сюда эта мерзкая вонь! В мгновение Гнобик пришел в дикое бешенство. Это всё из-за подлых вегетарианцев! Он в ярости сжал кулаки, оглядываясь — что бы такое сломать или выкинуть в окно вместе с осколками разбитого стекла. Но тут до него донеслись те самые громкие крики, выстрелы, цыплячий писк и дикое кудахтанье, благодаря которым доктору Таблеткину и его товарищам удалось вырваться из общей квартиры этажом ниже. Дом Гнобика был угловой, окна спален выходили на улицу Маргариток. Кинувшись туда, он вскочил с ногами на неубранную кровать и распахнул окно.

ОХОТНИК ПАТРОН

Но отвлечемся на некоторое время от Гнобика и других свидетелей безобразия на улице Маргариток и расскажем про малянца, которого мы пока мало знаем: охотника Патрона. Охотник Патрон носил пышные усы и никогда не расставался со своим ружьем. Оно всегда было у него за спиной, а если охотник садился за стол, то на коленях. За обедом никто не хотел сидеть рядом с Патроном: справа прикладом по ноге получишь, слева — дулом в живот. Ночью ружье спало возле стенки, а Патрон всегда укладывался с краю. И только когда купался, поручал его ненадолго кому-нибудь из малянцев.

Это прекрасное ружье смастерил для охотника монтёр Молоток — помощник слесаря Напильника. Но хоть Молоток и был всего лишь помощником, некоторые вещи у него выходили лучше, чем у самого слесаря, особенно когда дело касалось мелкой и кропотливой работы. А это совсем не так просто — сделать ружье с его сложным внутренним механизмом, который должен быть точным, как у часов, и даже еще точнее. Потому что если часы покажут не то, что надо — это еще полбеды, а вот если ружье выстрелит не туда, куда надо — может выйти и настоящая беда. Молоток, в отличие от Напильника, не только умел строгать и пилить, но и был немного художником. Кроме замечательно-точного внутреннего устройства ружья он позаботился и о его внешнем виде, украсив деревянный приклад прекрасной резьбой, изображавшей разные сцены охоты. В дерево Молоток вставил кусочки серебра — получилась инкрустация. На правой стороне деревянного приклада — людишки с ружьями окружили медведя. Они целятся в него, а медведь понял, что ему некуда деться, стоит, подняв лапы, — сдается. На левой стороне — охота на птиц. Серебряные пули летят в серебряных птиц, но, кажется, все мимо.

Патрон любил чистить свое ружье. Утром, как только выгуляет и накормит бультерьера Булька — сразу за эту чистку принимается. Разберет ружье, разложит детали на промасленной бумаге, потом каждую аккуратно почистит, смажет — и собирает всё обратно. В общем, Патрон в этом ружье души не чаял и однажды даже рисковал жизнью, чтобы его спасти, когда, убегая от медведя, уронил его в болото. Ружье, а не медведя, разумеется. Патрон не раздумывая нырнул за ружьем и спас его, выкинув его на берег. А вот самому Патрону пришлось туго. Его засосало болото, и, если бы не одна лягушка, пожалевшая охотника, это могло кончиться очень даже плохо.

Больше всего на свете Патрон любил стрелять. Это была его страсть. Иногда он просыпался среди ночи с криком «Хочу стрелять!» Почему он это кричал — охотник и сам не знал. Точнее, не помнил. Что-то снилось такое во сне, от чего ему начинало безумно хотеться стрелять, а что ночью снилось — он потом всегда забывал.

Патрон тренировался каждый день. Во дворе у него были развешены мишени, и охотник палил по ним из положения «лежа», «сидя», «вполоборота», «из-под ноги», «с локтя», «через голову» и даже «вниз головой между ног» — то есть, широко расставив ноги, нагибался до земли и, стрелял, глядя на всё вверх ногами. Другим малянцам, живущим с Патроном в одном доме, не очень-то нравилась эта

забава. Они пробовали запретить Патрону совершать его упражнения, но оправдывало охотника то, что он исправно поставлял людишкам мясо, добывая его на охоте.

— Надо же мне тренироваться! — боролся за свои права Патрон, когда утром, в выходной, разбуженные стрельбой людишки высывались из окон и на чем свет стоит ругали охотника.

— Да зачем тебе тренироваться! — пытался перекричать выстрелы музыкант Рояль. — Ты и так уже хорошо стреляешь!

— Стрельба требует постоянных упражнений! — отвечал охотник, всаживая очередную пулю в середину нарисованного на мишени медведя. — Ты что, хочешь, чтобы я разучился стрелять и меня на охоте медведь загрыз?

— Так иди в лес — там и тренируйся!

— Так в лесу надо не тренироваться, а уже по-настоящему стрелять, а то дикие звери так на тебя и накинутся!

— Что-то на других они не накидываются!

— Конечно! Они же знают, что я охотник, — вот и не любят меня. А если не я — кто вам будет мясо приносить?

— Да не нужно мне твое мясо, у меня сейчас голова лопнет!

— Так я тебе специальные ушные затычки сейчас дам!

Патрон доставал из кармана запасные затычки и бросал Роялю, но тот, с криком «Чтоб тебя самого заткнуло!» захлопывал окно и бросался на кровать, зарыв голову в подушку. Впрочем, часто, чтобы не сердить людишек, Патрон действительно уходил стрелять куда-нибудь подальше, куда-нибудь в поле. Но иногда до поля не было времени дойти, а выстрелить очень хотелось. В такие моменты Патрон прицеливался во что-нибудь из своего ружья и кричал «Пых!» или «Пах!» а потом издавал звук, который должен был бы раздаться, если бы пуля попала туда, куда он целился.

Частенько желание попалить застигало Патрона где-нибудь на улице. Особенно в старой части города, где на крышах стояли статуи, а на тоненьких шпилях над башенками торчали золотые флюгера и петушки. Иногда, в каком-нибудь пустынном переулке, Патрону вдруг невыносимо начинало хотеться во что-нибудь попасть. Он оглядывался по сторонам и, прицелившись, выпаливал в цветочный горшок на чьем-нибудь балконе или в кончик стрелки башенных часов, или в крутящийся серебряный флюгер, который показывает направление ветра. Один раз его здорово наказали — за то, что он пробил ногу у золотого петушка на крыше одного красивого и очень старинного дома. Петушок свалился на землю, и монтеру Молотку пришлось лезть вверх и припаивать его обратно. А у Патрона, как он ни плакал и ни клялся, что больше не будет, на неделю отобрали ружье. Намучившись целую неделю без своего любимого ружья, он стал гораздо осторожнее и стрелял только в то, что не имело большой ценности.

А второй страстью Патрона была охота. Долго стрелять без перерыва нельзя — патроны быстро кончатся. А охотиться можно с раннего утра и до позднего вечера — пока не упадешь. Охотиться Патрон мог на любого зверя. Это тоже зависело от настроения — иногда было желание поймать что-нибудь маленькое, типа колибри, а иной раз ему, наоборот, хотелось крупной дичи: зубра или кабана. В своем деле Патрон был профессионал. «Дайте мне хоть слона — я и слона завалю», — говорил он, и людишки верили, что это не простое хвастовство — он мог бы.

— Жаль, динозавры вымерли, — заявил как-то Патрон слесарю Напильнику, — я бы им показал.

— Повезло им, — ответил Напильник.

— Почему это?

— Потому что, чем встречаться с тобой — лучше им было вымереть заблаговременно.

— Их счастье, — согласился охотник, не заметив иронии.

С чувством юмора у Патрона, надо сказать, было не очень. Может, это из-за постоянной опасности, которой он себя подвергал?

В тот день у охотника было особенно охотничье настроение. Он, правда, встал не слишком рано, зато здорово выспался. После нескольких дождливых осенних дней наступило бабье лето, и в окна светило солнышко. С улицы доносились крики летящих к югу журавлей. «В лесу хорошо!» — подумал Патрон и представил, как он идет по тропинке, вдыхая свежий осенний воздух и любуясь пестрыми одеялами кленовых листьев. Наскоро проглотив омлет с ветчиной и куском соленого огурца, Патрон выскочил на улицу, захватив с собой Булька.

— Ну, Булёк, — радостно закричал охотник, прыгая с крыльца, — вперед! На охоту! Хоть на зайца, хоть на утку, хоть на лося — кому повезет, потому что у меня сегодня прекрасное настроение!

И, быстро оглядевшись по сторонам, пальнул в фарфоровый изолятор на столбе.

— Надо же! — свистнул от досады охотник. — Не попал!

Он прицелился было еще, но тут в двух шагах вдребезги разлетелся цветочный горшок, ударившись об асфальт, а затем откуда-то сверху послышались весьма неприятные ругательства. Патрон поднял голову, чтобы выяснить, к кому они относятся, и узнал малянку Булочку, замахвающуюся еще одним цветочным горшком. Охотник быстро схватил Булька за ошейник и повернул за угол.

НЕУДАВШАЯСЯ ОХОТА

Патрон весело шагал по проспекту Герани и время от времени прицеливался во что-нибудь. Очень уж хотелось начать охотиться, но пока не на что было. С проспекта Герани охотник повернул на улицу Маргариток. Со стороны улицы Орхидей на улицу Маргариток повернула курица.

— Вот она, дичь, сама в руки идет! — радостно подумал Патрон.

Он залег за клумбу и прицелился.

— Пусть подойдет чуточку поближе, чтобы наверняка, — пробормотал охотник. — Ого! Она с целым выводком! Эх, сейчас классненько поохотимся — и в лес ходить не надо!

Патрон открыл огонь, когда курица с цыплятами приблизились шагов на тридцать. А ружье его было самозарядным карабином. Монтёр Молоток, который его сконструировал, придумал так, чтобы охотнику не нужно было после каждого выстрела ружье перезаряжать, а чтобы оно заряжалось само, автоматически. Как известно, пулю толкают раскаленные газы, образующиеся, когда в патроне взрывается порох. Эти газы расширяются со страшной силой, разгоняя пулю до бешеной скорости. Но ружья, которыми людишки пользовались раньше, после каждого выстрела нужно было заряжать новым патроном и заново взводить курок. Молоток придумал устроить в конце ствола маленькую боковую трубочку, по которой уходила часть раскаленных газов. Эти газы толкали поршень, который перезаряжал ружье, получая следующий патрон из «магазина» — железной коробочки, в которой лежат патроны. Поршень нажимал на кнопку, и патрон выталкивался специальной пружинкой, попадая в ствол ружья. Так что, выстрелив один раз, можно было стрелять еще и еще — и ничего заряжать не надо.

Бедная курица! Только что она и ее цыплята были такими счастливыми — их все любили, ласкали, с ними даже фотографировались! И вдруг такое...

Малянки, шедшие за курицей, завизжали и попадали на тротуар. У многих разбились фотоаппараты. Ото всюду слышались крики: «Помогите!» Кнопочка, которая раздавала листовки на улице Орхидей, услышав крики и выстрелы, бросилась на помощь. Выскочив из-за угла, она мужественно кинулась к птицам, заслонив их своим телом. «Но, кажется, уже поздно», — только и успела подумать храбрая малянка.

Произведя с десяток выстрелов по курице и цыплятам, охотник отдал команду: «Булёк, апорт!» — и Булёк бросился за добычей. Он был обучен разыскивать и приносить дичь, которую подстрелил хозяин. Ведь в лесу полно зарослей, и дичь в них легко может затеряться. А «апорт» по-иностранному значит: принеси — собакам всегда командуют на иностранном языке, чтобы никто, кроме них, не понял.

Но случилось непредвиденное. Булёк, кинувшись к курице со всех ног (или, вернее, со всех лап), нашел ее в полном здравии. Пули не задели ни ее, ни цыплят. Булёк был озадачен. Хозяин всегда стрелял очень метко, и бультерьер привык, что дичь обычно бывает убита или, в крайнем случае, ранена. А тут...

А я забыл рассказать, что в это утро, еще перед уходом Патрона, когда он только собирался на охоту, Знайка удивился: чего это охотник такой возбужденный. Обычно Патрон перед охотой бывал сосредоточенный и молчаливый, а когда возвращался, настреляв дичи, наоборот — прыгал, радовался и пел. А тут с самого утра веселье — как-то подозрительно...

Патрон носился по дому, собирая свои охотничьи вещи, напевал веселую охотничью песенку, вертел над головой ружьё, подкидывал свою охотничью сумку-ягдташ — в общем, был полон энергии. А возбуждение его взялось вот откуда. Накануне Патрон услышал, что в городе появились вегетарианцы, которые хотят запретить убивать животных.

— А на что же они еще нужны? — спросил удивленный Патрон Пустомеля, который принес эту странную новость. Хотя охотник был очень доверчивый, но все же, после того как Пустомеля неоднократно дурил ему голову, Патрон засомневался: — Что же еще с ними делать, если не стрелять?

— Как это что? — возмутился Пустомеля. — Оставить их в покое! Почему это с животными вообще надо что-то делать? Они, что, твоя собственность?

— Нет, но... это же мясо. Мясо-то откуда брать?

— А ты ешь овощи!

— Овощи?

— Да! Без мяса можно спокойно обойтись. Кушай творог, яйца, фасоль... вот я на завтрак полфасолины съедаю — мне до обеда хватает.

— Хорошо, — согласился охотник, — допустим, я перестану есть мясо. Но как же... если ты идешь по лесу с заряженным ружьем, и на тебя набрасывается бешеный кабан — тогда что же? Не стрелять, что ли, и ждать, пока он тебя....

— Нет, ну в таких крайних случаях, конечно, можно.

— А у меня всегда крайний случай. Я всегда, когда на охоту иду — так раздраживаю кабана или лося, или медведя, что он на меня набрасывается. Тут я его...

— А ты не дразни.

— Как это так?

— А вот так!

И тут Патрон почему-то рассердился. Он никак не мог понять, почему это ему нельзя поддразнить кабана, если хочется.

— И чего эти вигирьянцы раскомандовались? — сердито сказал он. — Подумаешь? Я и сам знаю, кого мне можно дразнить, а кого нет!

В общем, Патрон с Пустомелей поссорились. Пустомеля побоялся драться с охотником, потому что тот был сильнее. Он только как следует его обзвал, а потом убежал подальше, так как знал, что у Патрона очень вспыльчивый характер. В общем, Патрон еще со вчерашнего вечера был крайне возбужден и решил назло всяким там, как он их нарочно стал неправильно называть: «вигирьянцам» показать, где раки зимуют, и настрелять столько дичи, чтобы у них «челюсть отвисла».

И вот на следующее утро благоразумного Знайку очень встревожило странное настроение Патрона. «Как бы он какой беды не наделал», — подумал ученый. И, когда охотник с гуталином и щеткой удалился в туалет, чтобы начистить до блеска свои охотничьи сапоги, Знайка взял плоскогубцы, достал потихоньку из охотничьей сумки магазины с патронами и из каждого патрона вытащил пулю. Потом вставил патроны обратно в магазины, а магазины спрятал в сумку. Таким образом, охотник Патрон вышел в то утро на охоту с холостыми патронами. Это-то и спасло курицу с цыплятами от верной смерти, а охотника Патрона — от справедливого возмездия «вигирьянцев». Неизвестно, что они сделали бы с охотником, если бы патроны оказались боевыми, а так — они только как следует оттаскали его за волосы, а Булька за хвост — и отпустили.

— Оставьте мои волосы в покое! — кричал бедный охотник, пытаясь отбиться от вцепившихся в него вегетарианок.

— Так его, так его, гаденьша! — приговаривала кудрявая малянка, размахивая фотоаппаратом на веревочке и норовя заехать охотнику по голове.

Хорошо, что помог Гнобик. Всё это происходило прямо под его окнами, и после того, как противник овощеведения вылил на головы активисток несколько полных ведер воды, промокшие малянки отстали наконец от охотника.

— Мы еще с вами встретимся! — крикнул им вдогонку Патрон, размазывая кровь по исцарапанному вегетарианками лицу.

В это время из подъезда выскочили доктор Таблеткин, слесарь Напильник и музыкант Рояль, которые так счастливо избежали предложенного некстати обеда.

— Что здесь случилось? — закричали они в один голос.

Но курица с цыплятами, испугавшись выстрелов, убежала обратно на улицу Орхидей, а мокрые малянки-вегетарианки последовали за птицами, так что на улице, кроме охотника Патрона, никого не осталось. Хоть наступила уже осень, но на клумбах возле домов еще возвышались, покачиваясь, тонкие стволы маргариток. Тротуар был засыпан их розовыми лепестками.

Напильник помог охотнику встать.

— Кто это тебя так? — спросил музыкант Рояль.

— А это его малянки отлупили! — язвительно выкрикнула из окна Бигудинка и чуть не полетела вниз головой на мостовую.

Хорошо, что Сошка с Будилкой в последний момент схватили кудрявую товарку за ноги и втащили в комнату.

— Мы видели! — крикнул сверху Питёнок. — На него набросилась целая стая малянок!

— Они были очень агрессивные! — протискиваясь к окну, сообщил Вилик.

— А ты откуда знаешь? — накинулась на него Сошка, хватая за воротник и пытаясь душить. — Ты только что к окну подошел!

— Я слышал их голоса, — прохрипел Вилик. — Они были абсолютно зверские.

Плювакин плюнул на мостовую.

— Вилик прав, — сказал он. — Они били его фотоаппаратами по голове.

— Раз били — значит, было за что! — не унималась Сошка. — Малянки просто так драться не станут — это вам не малянцы!

— А кто стрелял? — перебил Напильник.

— И почему ты весь мокрый? — поинтересовался доктор.

Патрон не отвечал. Он всё оглядывался, ища глазами Булька, и громко сопел носом. Но когда охотник увидел, что стало с его любимым ружьем, он уже был не в силах сдерживаться и горько заплакал.

— Они раз... раз... били... карабин! — плакал он. — Ударили его об стену!

— И-иии! — плюнул из окна Плювакин. — Плакса-вакса! Нюни распустил! А еще охотник.

— Ни... ни... никакие не ню... ню... ни! — ревел Патрон. — Моё лю... лю... любимое ружьё! Ты бы то... то... тоже ревел...

— А мне на всё плювать! — сказал Плювакин и снова плюнул вниз.

— Посмотри: ствол погнулся, — плакал Патрон. — Приклад... всё!.. резной приклад поломали. Это же искусство! Дикие стерв... стервятницы!

— Нда... — сказал Напильник, осматривая ружье. — Это ведь Молоток делал?

— Ммм... Ммм... Ммо-ло-то-о-ок, — протянул Патрон.

— Ну ладно, не плачь. Починим твое ружье.

— Тебя чем били? — спросил Таблеткин охотника.

— Всем, — всхлипнул Патрон, хромая.

— Что, и фотоаппаратами?

Патрон кивнул.

— Тогда не исключена возможность перелома. Ну-ка... не смей идти сам! Давайте! Несите его!

Напильник с Роялем попытались поднять тяжелого охотника.

— Куда же мы его понесем?

— Надо ему немедленно раны промыть, — сказал Таблеткин. — Здесь полно пыли, и не исключена возможность заражения столбняком.

В это время из-за угла показался Гнобик, который спустился по парадной лестнице и вышел из подъезда на улице Орхидей.

— Заносите ко мне! — распорядился Гнобик, взяв переднюю часть охотника. Напильник с Роялем поддерживали ноги. — Вход там, за углом, — сказал Гнобик.

— Эх, всё интересное кончилось! — разочарованно протянул Питёнок, отходя от окна.

— Погода хорошая, я пошел гулять, — сказал Плювакин.

Убежавшая было на кухню Сошка, услышав, что Плювакин собрался на улицу, тут же прибежала обратно.

— Никаких гулянок, сперва обед! Третий раз щи разогреваю!

— Не хочу обед.

— Не хотим!

— Будете!!

— Нет!

— Бигудинка, запри дверь!

— А мне плювать!

Что было дальше, охотник Патрон не слышал, потому что его занесли за угол. Малянцы повернули на улицу Орхидей, где возвратившаяся на свой пост Кнопочка уже снова принялась за

агитацию. Напильник с Роялем хотели обойти малянку, но Гнобик, едва сдерживая бешенство, потащил охотника прямо на нее. Кнопочка едва успела отскочить в сторону и сдвинуть свой рекламный стенд.

Не глядя на вегетарианку, Гнобик прошел в подъезд. Булёк, которому чуть не оторвали хвост (слава богу, что он у бультерьеров такой крепкий), хромал сзади, зализывая раны. Гнобик передал ношу Напильнику с доктором, пропустив их вперед. Придерживая дверь, он обернулся и, указав на побитого бультерьера, крикнул:

— *Он* не животное? *Надо* было на него накидываться, как орлам на ягненка, и избивать беззащитное существо?

И прежде, чем Кнопочка успела ответить, изо всех сил хлопнул дверью подъезда.

СПЛОЧЕНИЕ МЯСОЕДОВ

— Ну, ничего страшного нет, — сказал Таблеткин, осмотрев побитого.

Того положили на стоявший в гостиной диван с персиковой обивкой.

— А она мне на голову не свалится? — спросил охотник, покосившись на статую Дианы с огромным бронзовым луком и борзыми собаками.

— Нет, что ты! — сказал Гнобик. — Это же Диана, богиня охоты. Самое тебе место под ней лежать!

Охотнику промыли царапины и заклеили их пластырем.

— Голова не болит? — спросил Таблеткин.

— Болит, — пробурчал Патрон.

Доктор постучал его молотком по коленкам — обе ноги отлично лягались.

— Рефлексы в норме. Тошнит, говоришь?

— Угу.

— Небольшое сотрясение мозга. Он может тут полежать до вечера?

— Конечно! — заверил Гнобик.

— А вечером мы за ним машину пришлем.

Гнобик укрыл пострадавшего пледом. Булёк улегся на ковер рядом с хозяином.

— Ну, нам пора идти, — сказал доктор. — Присмотришь за ним? — попросил он Гнобика.

— Можете на меня рассчитывать, как на самого себя, доктор!

Таблеткин пожал Гнобику руку, и людишки удалились. Гнобик ушел на кухню.

— Чай будешь? — послышалось оттуда.

— Да! С сахаром! И с конфетой!

Надо сказать, что Патрон очень любил сладкое.

— Значит, ты тоже против вегетарианства? — спросил Гнобик, входя в комнату с подносом.

На подносе стояли стаканы с чаем, вазочка с шоколадными конфетами и сахарница.

— А при чем тут оно? — не понял охотник.

— Ну как же... на тебя ведь напали разъяренные вегетарианки.

Патрон вытаращил глаза.

— Что, правда?! Ах, вон оно что!

— А ты что думал?

— Ну... думал, просто жительницы этой улицы. Которым моя стрельба помешала.

Он потрогал повязку на голове и болезненно поморщился.

— Я, признаться, иногда не могу сдержаться, в городе палю. Возьму — да в какой-нибудь флюгер на крыше и стрельну. Некоторым это не нравится.

— Сигару будешь?

— Давай. Здорово тут у тебя. Сигары... У нас Таблеткин не то что сигары — папироску выкурить не дает.

Лежа на диване, Патрон пил чай и раскуривал сигару. Нечаянно втянув дым в легкие, охотник закашлялся.

— Хорошие у тебя сигары, — похвалил он. — Крепкие.

— Я только самые крепкие курю, — сказал Гнобик.

Он тоже закурил.

— А сегодня у меня с самого утра прямо руки чесались — так хотелось пострелять! Я же на охоту шел. А тут дичь сама идет в руки. Ну как было не всадить ей? Только я не понял: как это я ни в кого не попал? Я ведь очень метко стреляю. Ну, я могу, конечно, иногда промазать по летящей птице. Если очень высоко летит. И очень быстро. Но чтобы с такого близкого расстояния, шестнадцать выстрелов и всё мимо... какая-то мистика...

Гнобик сощурился на светящее сквозь тюль занавесок солнце.

— А у тебя сколько в магазин помещается патронов? — поинтересовался он.

— Шестнадцать.

Гнобик задумался.

— У тебя только один магазин был? — сказал он наконец.

— Нет, там еще есть, — Патрон махнул рукой в угол, где лежала его охотничья сумка.

Гнобик принес ему сумку, и Патрон вынул оттуда еще четыре магазина с патронами.

— Ой, что это?! — воскликнул охотник.

— Что?

— Да тут же... смотри, у всех патронов пуля вытащена. Но я же не вытаскивал пулю, я это точно помню!

— Кто-то это сделал за тебя.

— Ну, слава богу!

— Почему это слава богу?

— Потому что я уж было подумал, что я вдруг стрелять разучился.

— А где эти магазины были до того, как ты пошел на охоту?

— У нас дома, на улице Незабудок.

— Всё ясно! — сказал Гнобик. — Кто-то на улице Незабудок предатель. Он-то и вытащил из твоих патронов пули, чтобы ты на охоте никого не смог убить.

— Да ты что?? — сообразил наконец Патрон. — А ведь правда! Кто бы это мог быть?

— Очевидно, в вашем доме завелись вегетарианцы. Кто еще на такое способен? Значит, и к вам эта зараза уже проникла.

— Точно, они! — разозлился Патрон. — Вот гады! Мало того, что пули вытащили, так еще и избили до полусмерти. А ведь знали, черти, что у меня пуль нету!

— Не расстраивайся, — сказал Гнобик. Он встал со своего кресла и прошелся по гостиной. — Мы с ними посчитаемся.

— Да уж, я очень хочу с ними посчитаться. Так за волосы этих вигирьянских стерв отгаскаю!

Гнобик остановил его.

— Мы с ними посчитаемся, — повторил он. — Но только другим способом.

— Это каким же?

— Я понял: насилием тут ничего не добьешься.

— Почему? — удивился Патрон.

— Времена не те.

— А-а-а... — протянул охотник. — Что же делать?

— Есть у меня одна мысль...

Квартира уже проветрилась, и щами больше не воняло. Гнобик чувствовал себя намного лучше. Несмотря на припадки бешенства, когда он мог швырнуть в кого-нибудь подсвечником или табуреткой, Гнобик в целом был рассудительным людишкой.

— Понимаешь, Патрон, — сказал он. — Не надо кипятиться. Надоест им это всё.

— Ты о ком?

— Ну, об этих вегетарианцах несчастных.

— Ничего себе несчастные... накинудись, чуть не убили...

— Это они потому накинудись, что голодные.

— Чего это они голодные? Забыли позавтракать, что ли?

Гнобик достал из серванта бутылку безалкогольного коньяка.

— А? — спросил он Патрона, потрянув бутылкой.

— Давай.

— За нас! — сказал Гнобик, налив себе и охотнику.

— И за дичь, — добавил Патрон.

— Нет, они позавтракать не забыли, — сказал Гнобик, выпив свою рюмку. — А только *что* им, бедненьким, на завтрак-то есть? Салатик да кашку и на обед кашку, и на ужин — и так изо дня в день уже две недели подряд. Ни миллиграмма мяса. Так и озвереть можно!

Патрон немного подумал.

— Слушай, а ты ведь прав! Если бы я две недели мяса не ел, я бы не то что с кулаками и фотоаппаратами — с пулеметом накинудись бы.

— Вот видишь... так что они ни в чем не виноваты.

— А кто же виноват?

— Да никто.

— Но что же тогда делать?

— Нужно их всех... накормить как следует.

Охотник поднял брови:

— Накормить?

— Накормить мясом.

— Так ведь они его не едят.

— Это им только кажется.

— Кажется? — поднял брови охотник.

Гнобик сходил на кухню и принес еще чаю и шоколада. Чай был очень крепкий, Патрон как раз такой любил. И шоколад он тоже очень сильно любил. А в чай он налил коньяк. Хоть коньяк и был безалкогольный, но на людишек даже такой коньяк сильно действует. Ведь они очень маленькие...

Погрузив зубы в шоколад и отпив чаю, Патрон почувствовал, что настроение его улучшается. И синяк под глазом болел намного меньше.

— Фдорово, — похвалил охотник сквозь шоколад. — Фколько у фебя фуф фоколада! Еф — фколько фофеф.

— А у тебя, что, шоколада, что ли, нет? Так ты купи...

— Фто фы? Фаблефкин офбереф фейфаф же.

Доктор Таблеткин никому в доме не разрешал много шоколада есть.

— Шоколад — один из самых вредных продуктов, — не уставал повторять он. — Мало того, что зубы от него превращаются фактически в песок. Мало того, что малянцы — и особенно малянки! — наевшись шоколада, так возбуждаются, что становятся неуправляемыми. Так ведь к нему еще и привыкание есть! Людишка, который привык ежедневно потреблять шоколад, уже не может без него обойтись. И если по какой-нибудь причине шоколад вдруг пропадет, людишка может стать совершенно бешеным! Чтобы добыть порцию шоколада он пойдет на всё! На воровство, на грабеж, даже на драку. А малянка и вовсе потеряет голову и пойдет чёрт знает на что!

Таблеткин очень следил, чтобы дома не было неучтенного шоколада. Если кто-нибудь приносил упаковку — Таблеткин тут же отбирал ее:

— Будешь получать порциями. Раз в день.

Таблеткин часто устраивал обыск, и, если находил вредное лакомство, выписывал нарушителю порядка горькое лекарство, а мог и укол — когда был не в духе.

В дверь позвонили, и Гнобик пошел открывать. Пришел художник Мальберт. Он принес коробку с красками и кистями, несколько свернутых холстов, а также один из своих переносных мольбертов.

— Привет! Что это у тебя тут стряслось?

— Они под моими окнами агитацию устроили. Вон, смотри!

И Гнобик вывел художника на балкон, откуда тот увидел толпу вегетарианцев, окружавших Кнопочку.

— Здравомыслящие людишки города, — сказал Гнобик, — должны объединиться на борьбу с этим сумасшествием!

Мальберт не совсем понял, но, когда Гнобик объяснил ему, что собирается поднять всех «нормальных» горожан на борьбу с вегетарианством, он даже присвистнул. Ведь он же сам, своими собственными кистями и красками написал агитационные плакаты и лозунги для вегетарианцев! Хорошо, что художники под плакатами и лозунгами не подписываются — это ведь не картины. А то бы Гнобик увидел, что всё это дело рук Мальберта. Честно говоря, мясоеды были Мальберту ближе по духу, чем вегетарианцы. Положа руку на сердце, художник не мог себе представить, как бы он жил без мяса. Мальберт ел его три раза в день: на завтрак, на обед и на ужин, да еще и перед сном съедал небольшой бутерброд с ветчиной.

Но эта малянка! Эта самая иностранка — Бабаяга. Она такая необыкновенная... Ее красота божественна, она сразила художника наповал — в тот самый момент, когда он ее увидел. Как он мог этой малянке отказать? Вот Мальберт и расписал все их лозунги и плакаты.

— Без тебя мы пропали, — уговаривал Гнобик. — Никто другой не сможет сделать визуальную рекламу такого качества.

Мальберт раздумывал. «Честно ли это будет по отношению к Бабаяге? — спрашивал он себя. — С другой стороны, я не обещал ей, что не буду писать плакаты для мясоедов. Она и не просила меня ничего такого обещать. Она даже не предлагала мне сделаться вегетарианцем».

— Я согласен, — сказал наконец Мальберт. — Но зачем же ты вытряхиваешь мусор из окна? — воскликнул он, увидев, как Гнобик опорожняет пепельницу на головы вегетарианцев. — Ведь ты же этим пеплом загрязняешь окружающую среду!

— А они! — вскричал Гнобик. — Они своим вегетарианством не загрязняют наши мозги, что гораздо хуже?! Может быть, ты с ними заодно?

Но художник поспешно заверил разъяренного приятеля, что как раз он — обеими руками против.

ДОМА У БАРВИНКИ

Прошла неделя. Вечером, после целого долгого дня, насыщенного вегетарианской работой, малянки собрались у Барвинки. Они были голодные! Овощной салатик на завтрак — вот всё, что они сегодня ели. Обедать было некогда — время расписано по часам! Да к тому же вот уже несколько ночей они очень мало спали. По ночам составляли планы агитации, делали плакаты, придумывали лозунги. Ведь теперь, когда мясоеды развернули против вегетарианцев настоящую агитационную войну, работать стало намного сложнее! Оказалось, что художник Мальберт и поэт Пёрышкин, сделавшие рекламу вегетарианцам, помогли и мясоедам. Какие же они все-таки предатели! По всему городу пестрели плакаты: одни против мяса, другие — за. Мясоеды во главе с Гнобиком и охотником Патроном тоже теперь стояли на улицах. Они уговаривали людишек ни за что не отречься от мяса. Нужно было опередить их и объяснить всем, что мясоеды все-таки заблуждаются.

Погода стояла теплая, и подружки уселись на веранде. Из сада доносились осенние запахи. Пахло желтыми листьями, лепестками опавших цветов и спелыми фруктами.

— Сколько звезд, — задумчиво проговорила Бабаяга.

— Да, — сказала Кнопочка. — Знайка рассказывал, что на этих звездах есть планеты, и там тоже могут жить людишки. Или какие-нибудь другие, совсем неведомые существа.

— С восемью руками и десятью ногами? — спросила Барвинка.

— Всё может быть.

— Неужели и на этих планетах людишки едят животных?

— На некоторых едят, на других не едят, — сказала Кнопочка. — Те, которые еще не очень развитые, как мы — едят. А те, кто уже понял, что есть животных нехорошо — давно перешли на растительную пищу.

— Безобразие, что наши людишки никак не могут понять: животные тоже хотят жить!

— Некоторые понимают, — возразила Кнопочка. — По крайней мере, повар Кастрюля отнесся к нам с пониманием.

— К нам-то да. Но ведь мы не животные...

— Ученые считают, что людишки — это тоже животные, только разумные.

— Да нет, я не про то, — сказала Барвинка. — Кастрюля перед всеми заискивает. Боится лишиться клиентов. Вот он для нас и устроил целый отдельный зал.

— Вот видишь, какой он хороший!

— Вовсе нет! Животных он по-прежнему убивает, жарит и подает на стол. Только в другом зале. Что? Не так?

— Да, ты права, — согласилась Кнопочка. — Только ужасно есть хочется.

— Я заказала пиццу.

— Давно?

— За десять минут до того, как вы пришли.

— Значит, скоро принесут. А ты где заказала?

— Не помню. У меня какой-то телефон на холодильнике висит — позвонила и заказала. Вы уж извините, я готовить не умею.

— Ничего-ничего. Подождем. А ты сколько заказала?

— Две большие пиццы. Одну с грибом, другую с маслиной и кукурузой.

— Ничего, подождем. Тут свежий воздух. Appetit как раз нагуляем.

— Мой аппетит уже нагулялся, — сказала Бабаяга.

— Мой, вообще-то, тоже, — сказала Кнопочка. — Мы же весь день на улице простояли.

Бабаяга потянула носом воздух. У нее было хорошо развито обоняние, и там, где большинство людей чувствовали только один запах, иностранка улавливала пять или шесть. Но если Бабаяга была голодная — сотни ароматов начинали звучать в ее голове, словно симфония, исполняемая невидимым оркестром. Поведя носом вправо и влево, малянка в точности определяла, с какой стороны чем пахнет. Сад утопал в благоухании переспелой земляники, которую Барвинке было лень убирать. Пахло осенними листьями, занесенными ветром из леса, влажным мхом и грибами. За садом до самого проспекта Пионов тянулись огороды, и Бабаяга чувствовала смешанный запах земли и зрелой моркови. Проспект был далеко, но из закусочной «Хрю» доносился такой яркий аромат жарящихся сосисок, что у Бабаяги слегка покружилась голова. Ее нос улавливал пирожные-корзиночки с заварным кремом в кондитерской «Сладкая малянка», а принюхавшись, и аромат шоколадных эклеров и кофе — видимо, из какого-нибудь далекого кафе на улице Ландышей.

— О, мой бог! Как есть хочется, — прошептала Бабаяга, потрянув головой. — Кажется, целого слона бы сейчас поела.

Но, увидев, как смотрят на нее малянки, она сообразила, что сказала что-то не то.

— То есть, я хотела сказать, целого арбуза бы поела, — поправилась Бабаяга. — Это просто такая разговорка. Когда человек голодный, он говорит: «Я бы поел слона».

— Не разговорка, а поговорка, — сказала Кнопочка.

— Ну да, поговорка, я ее имела в виду.

— Когда мы победим и людишки откажутся от мяса, нужно будет все эти поговорки и пословицы отменить, — сказала Барвинка.

— Как же без пословиц?

— Вместо них надо придумать новые. К этому подключим Пёрышкина.

— Мы и сами можем придумать вегетарианские пословицы. Вместо мясоедских.

— А разве есть мясоедские пословицы? — спросила Бабаяга.

— Ну вот ты же сказала: «Такая голодная, что съела бы слона». А есть еще такая: «Ни рыба ни мясо».

— А что это значит?

— Ну, это... когда ни то, ни сё.

— А что такое сё?

Кнопочка раскачивалась в кресле-качалке.

— «Ни гриб ни овощ», — сказала она.

— Причем здесь «ни гриб ни овощ»? — спросила Барвинка.

— Вместо «ни рыба ни мясо» надо говорить «ни гриб ни овощ» — тогда это не будет оскорбительным для животных.

— Правильно! — похвалила Барвинка. — Ну ты прямо талант.

— Да чего уж там...

Но Кнопочка все же обрадовалась. Ей нравилось, когда ее хвалили.

— Хотите, покажу, как я на ногах научилась висеть? — спросила она и, не дожидаясь ответа, выбежала в сад.

Подтянувшись на железной перекладине для выбивания ковров, Кнопочка закинула наверх ноги и повисла вниз головой. Ее тоненькие косички доставали до земли.

— Ну как? — донеслось из сада.

— Круто! — ответила Барвинка. — Я тоже так хочу.

— Иди, научу!

— Я сперва поем.

— Тогда из тебя вся пища обратно полезет, когда будешь висеть вниз головой.

Спрыгнув на землю, Кнопочка шлепнулась в грязь.

— Вот я балда!

— Ничего, высохнешь, — сказала Барвинка.

Грязная Кнопочка вернулась на веранду и снова уселась за стол. Откуда-то совсем издалека донеслась приятная музыка. Там, наверное, танцевали. Вечер был такой теплый, а вокруг фонаря на потолке вилась мошкара, значит, завтра будет совсем жарко. Для людишек мошки — как для нас птицы. Мелкая мошка им — что нам воробей, а ночная бабочка — как целый аист. И все эти «воробьи» и «аисты» кружились вокруг светящегося фонаря, толкаясь крыльями и хлопая ими о его стеклянную поверхность. К аромату жарящихся сосисок, доносящемуся с проспекта Пионов, добавился запах аджики и черного перца.

«Ох, они поперчили сосиски, — подумала про себя Бабаяга. — И поаджичили...»

БЕРЕНЕЛЛА

Барвинка с Кнопочкой ничего не замечали. У Барвинки был заложен нос — она вторую неделю подряд страдала от насморка. А Кнопочкина голова была слишком занята мыслями об агитации, и ей было не до того, чем и откуда пахнет. Бабаяга спохватилась, что думает о мясе, и постаралась подумать о чем-нибудь другом. Иностранке вспомнился ее родной город. Все-таки, как жаль, что в Цветограде нету моря! Она вспомнила, как последний раз купалась в нём. Это было в апреле, накануне праздника по случаю отлета дирижабля. Дирижабль прилетел в Мерюкряк полгода назад из неведомой страны. Провожать иностранных гостей вышло полно народу. В начале апреля в Мерюкряке уже жарко. Малянки вышли на улицы в купальниках, с распущенными волосами, перевязанными сверху лепестком розы или тюльпана. В руках они несли огромные букеты незабудок. По-мерюкрякски незабудка будет небазутка, но обозначает это слово то же самое. Поэтому людишки всегда дарят эти цветы тем, кто отправляется в дорогу — чтоб не забывали.

У себя на родине Бабаяга вовсе не считалась красивой. Живущие на юге мерюкрякцы смуглые, и им нравятся черноглазые, черноволосые малянки с шоколадной кожей. Бабаяга была единственной рыжей на весь город. Мерюкрякцы ее за это дразнили, но не обидно, а можно даже сказать, любя.

Кожа у Бабаяги была светлая, и она быстро сгорала на солнце. Поэтому Бабаяга всегда ходила в длинной юбке и в рубашке с длинными рукавами, а на голове носила широкополую шляпу. Чтобы не обгорали пальцы рук, она пользовалась тонкими капроновыми перчатками. И никогда не покидала дома без темных очков. Видимо, когда-то давно, в прошлом, Бабаяга приехала в Мерюкряндию из какой-то северной страны. Это было так давно, что она ничего о той стране не помнила.

Мерюкрякцы дразнили Бабаягу Ыржиком, что по-мерюкрякски значит «рыжик», и смеялись над ее нарядом.

— Вон Ыржик закутанный идет, — говорили мерюкрякцы.

Сами-то они никогда не сгорали на солнце, потому что были очень смуглые. Поэтому им незачем было париться в длинных одеждах, как Бабаяге. Весной и летом малянки ходили в купальниках, а малянцы — в плавках, и только зимой надевали на себя еще что-нибудь.

Наплававшись в прохладных морских волнах, она вытерлась махровым полотенцем и надела свою длинную юбку, блузку, шляпу, перчатки и очки. Одевшись, Бабаяга вышла на улицу Бамбили и сразу же оказалась на городском рынке.

— Привет, Беренелла! — окликнули ее.

Малянка обернулась. Настоящее-то ее имя было Беренелла.

— Привет, Фына, — поздоровалась она с кудрявой малянкой в раздельном желтом купальнике, черные глаза которой горели, как угольки.

— Что, опять купалась? — прокричала малянка. — Волосы мокрые!

— Купалась, да.

— Новых устриц наловили. Пошли, покажу! — крикнула Фына, увлекая Беренеллу за собой.

Малянка разговаривала ужасно громко, можно сказать, кричала. Но в Мерюкряке это бы никого не удивило, потому что так здесь разговаривали все. Только у Бабаяги, которую на самом-то деле звали Беренелла, был тихий голос, и поэтому ее никому не было слышно. Если она что-нибудь говорила, ее всегда переспрашивали. А чаще просто не слушали. Потому что в Мерюкряке — когда в одном месте собирается больше одного людишки, то стоит страшный шум, и для того, чтобы на тебя обратили внимание, нужно кричать.

До чего же весело было на Мерюкрякском рынке! Ведь там не только скопились тысячи людишек, но одни, надрывая глотки, расхваливали свой товар: «Горох! Зеленый! Зрелый! Вот-вот лопнет! Попробуй кусочек, ах, какой спелый!» — а другие, пытаясь перекричать продавцов, спрашивали, сколько стоит. Третьи торговались, сбивая цену, и для этого, наоборот, ругали продукцию.

— Горох у тебя червивый! — кричал покупатель.

— Сам ты червивый! — отвечал продавец.

Прилавки трещали от наваленных огромными горами фруктов. Чего тут только не было! Малина, смородина, виноград, вырезанные круги груш, яблок и бананов, сложенные высоченными штабелями апельсиновые и лимонные дольки, финики, кубики абрикосовой мякоти. Несмотря на то, что был солнечный день, над лотками горели десятки электрических ламп, и от этого было еще веселее. На рынке всегда было полно народу, приходилось продираться через толпу. Идти нужно было осторожно — каменные плиты пола были залиты соком, стекающим с разрезанных фруктов.

— Чёрт! — крикнула Фына. — На разбитое яйцо наступила!

Она брыкнула ногой, и от сандалии полетели яичные брызги.

— Бе!

— Давай вытру, — предложила Беренелла. — У меня салфетка есть.

— А, чёрт с ним, пошли!

Под ноги то и дело попадался укатившийся откуда-нибудь помидор-черри или скользкий кусок персика. Запах овощей и фруктов смешивался с запахом свежего мяса, которое продавали в лотках напротив, и с дикими ароматами жидких сыров из молочного ряда. Фына потащила подругу к рыбным рядам. Там они чуть не столкнулись с двумя людишками, которые, обливаясь потом, несли живую

шпроту. Один держал за хвост, другой — за голову. Шпрота извивалась, и людишки уже два раза грохнулись на скользкий пол, но каждый раз ловко вскакивали на ноги, не выпуская при этом рыбину, и продолжали свой путь.

— Ой, не так быстро! — взмолилась Беренелла. — Я устала.

— Чего это ты устала?

— После моря... всегда устаю. Жарко, дышать нечем. И есть хочется.

— Сейчас отдохнём, перекусим! — закричала Фына. — Смотри!

Они остановились возле ярко освещенных прилавков с морепродуктами. Тут стоял такой сильный рыбный дух, что Беренелле пришлось заткнуть мизинцами ноздри и дышать через рот.

— Какая вкуснятина! — крикнула Фына, показывая на извивающиеся щупальца огромного кальмара. Выгибались креветки, шевелились в своих раковинах устрицы. — Я тоже страшно голодная! — кричала Фына. — Купим устрицу! Ее даже готовить не надо — только в кипяток бросить на две минуты! А потом полить лимоном — и можно есть!

— Эй, Бабаяга! Бабаяга! Ты что, не слышишь?!

Бабаяга тряхнула головой и очнулась от своих мыслей. Она даже не сразу поняла, что обращаются к ней, потому что забыла, что она уже давно Бабаяга, а не Беренелла. Ее трясла за плечо, о чем-то спрашивая, Барвинка.

ПОДЛОЕ КОВАРСТВО МЯСОЕДОВ

— Ты чего это, красавица? Уснула, что ли?

— Да... кажется, уснула.

— Мы тут с Кнопочкой пытаемся придумать, что делать, а ты не участвуешь.

— А что надо делать?

— Что-то надо делать. Я сегодня полдня по городу ходила, видела, что происходит. Эти два негодяя, Гнобик и охотник Патрон, повсюду расставили мангалы. Жарят бедных животных и раздают шашлыки направо и налево! А ведь когда-то этот подлец был моим другом!

Это Барвинка сказала про охотника Патрона. Став вегетарианкой, Барвинка возненавидела охотника, и он из друга превратился в ярого врага. У Барвинки так часто бывало: друг мог внезапно стать врагом, а враг — наоборот, другом.

— Жарят животных и бесплатно кормят их мясом весь город!

— Это нехорошо, — согласилась Бабаяга.

— Это не просто нехорошо, это губительно для нас! Я сама видела, как многие малянцы со значком ЗВЕРЖа подходили и ели шашлык!

— Да как они могли?! — возмутилась Кнопочка.

— А вот так! Этот Гнобик им говорит: «Вы свободные людишки и имеете право поступать так, как вам хочется».

— Но я сегодня приколола точно сто десять значков, — сказала Бабаяга, — все, что имела. И надутых гусей и куриц всех отдала...

— Да что эти значки теперь значат? — сказала Барвинка.

— Как, что значат? — возразила Кнопочка. — Ведь они подписались под тем, что не будут больше есть мясо!

— А едят, — вздохнула Барвинка. — Этот Гнобик — хитрая бестия. Подкарауливает малянцев. Стоит со своим мангалом в обеденное время на площади Путешественников. А малянцы-то только вчера или позавчера стали вегетарианцами, еще не привыкли к растительной пище. Ходят голодные. Он их и останавливает. У бедняжек нет сил сопротивляться. Этот мясоед-то сыт, у него-то полно сил. Он их хватает — и кормит мясом.

— А они? Неужели едят?

— Да я сама вчера видела, как он это делает. Останавливает вегетарианца с нашим значком и говорит: «Животное уже все равно убито. Если ты это мясо не съешь — оно попадет в мусорное ведро». И у него уже рядом это ведро стоит. Он берет мясо и показывает, как он его сейчас выбросит. «Мне, говорит, не жалко, сейчас брошу. Только не важно, выброшу я этот шашлык в мусор, или ты его съешь — для животного не будет никакой разницы. Оно уже рассталось с жизнью». А людишка голодный, у него аж слюнки текут.

— Ну и дальше что? — спросила Кнопочка и тоже сглотнула слюну.

У нее почему-то разыгралось воображение. Она вдруг так ясно представила себя этим голодным малянцем, который стоит перед Гнобиком с его мангалом. Ей даже почудилось, будто она ощущает тепло углей и слышит запах жарящейся свинины. А может, это из закуской «Хрю»?

— Дальше-то что? — поторопила Кнопочка.

— А что дальше? Гнобик этот — хитрец. «Не хочешь есть, — говорит, — не надо! Я слышал, вас заставили подписать какую-то бумажку. Что вы будто бы даете слово не есть мясо».

Малянец кивает.

«Что ж. Нарушать обещание нехорошо. Но понюхать-то можно! Ты ведь не подписывался под тем, что не будешь нюхать шашлык, правда?»

Малянец опять кивает. А у самого слюнки еще сильнее текут.

«Разве запрещено вегетарианцам жареное мясо нюхать?» — спрашивает Гнобик. Малянец мотает головой. Ну, этот мясоед и подсовывает ему дымящийся шашлык под самый нос.

Барвинка помолчала.

— Дальше! — закричала Кнопочка. — Дальше!

Она вдруг почувствовала, что ужасно разозлилась. «Что это со мной? — подумала малянка. — Кажется, еще минута — и озверею».

— Ну вот, — продолжала Барвинка. — Бедняга вдыхает запах... глаза у него закрыты. От голода, видимо, голова совсем не соображает. Да еще и кружится — сейчас упадет.

— Кто кружится?

— Да голова! Голова у него от голода кружится!

— А... ну и дальше что?

— А что? Раскрывает он рот, чтобы глотнуть воздуха — тут Гнобик ему и втыкает шашлык в рот. Вот как эти негодяи работают. Играют на низменных чувствах!

— На каких низменных чувствах? — вскочила с кресла-качалки Кнопочка и топнула ногой.

Этого ей показалось недостаточно, и она взяла — и двинула как следует стол, так что тот жалобно заскрипел кривыми ножками по полу.

— На чувстве голода... — испуганно пробормотала Барвинка. — А ты чего, а?

— Я! — закричала Кнопочка.

— Ты чего кричишь?

Кнопочка сама не знала. Она смахнула волосы со лба.

— Правда, чего это я? Извините... разозлилась чего-то.

Барвинка высморкала нос и спрятала бумажную салфетку в карман.

— Да уж. Я и сама тогда на этого негодяя Гнобика разозлилась. Хотела подойти и надеть мангал ему на голову. Но потом спохватилась. Решила, что нельзя вот так, на скорую руку. Что-то придумать надо.

ХАШМУКА

Пока Барвинка рассказывала, Бабаяга вспомнила, как они с Фыной купили, наконец, на рынке устрицу и принесли ее в рюкзаке домой, и как она потом пицала, когда ее поливали лимонным соком. Бабаяга так и не смогла эту устрицу есть, а Фына ела с большим аппетитом. Бабаяга почувствовала, что у нее кружится голова.

— Можно я вам пригтовлю что-нибудь вегетаринское? — осторожно спросила она. — У нас в Мерюкряке готовят такое блюдо, называется хашмука. В нём вообще нет мяса.

— А из чего же его готовят?

— Ну... из разного чего. У тебя есть какой-нибудь гриб, Барвинка?

— Кажется, был, посмотри в холодильнике.

— Нужна шляпа.

— Какая еще шляпа?

— Ну как какая? Грибная, конечно.

— Грибная шляпа?

— Она имеет в виду шляпку гриба, — подсказала Кнопочка. — Эту самую бармуку нельзя готовить из ножки, а можно только из шляпки — верно?

Голод на время утих, и Кнопочка немного успокоилась.

— Верно, — засмеялась Бабаяга, — только не бармука, а хашмука. Бармука — это по-мерюкрякски будет лодка, на которой плавают. А хашмука — вкусное блюдо.

И заколов свои длинные волосы, иностранка отправилась на кухню готовить вегетарианское блюдо. А у Барвинки, несмотря на голод, было сегодня хорошее настроение. Прошло всего несколько дней, а столько вегетарианской работы уже проделано! Барвинка почувствовала, что она уже совсем привыкла к Бабаяге и даже больше не злится на эту красотку. Кроме того, у Барвинки был насморк, и запахи из закуской «Хрю» не волновали ее.

Далекая танцевальная музыка стала тише и наконец смолкла.

— Фю-фю-фю, — засвистела Барвинка, свернув губки баранкой. — Знаешь такую песенку?

— Не-а, — отозвалась Кнопочка. — Такую не знаю. Я знаю другую, похожую.

И она засвистела, сложив губы ниточкой:

— Си-си-си-си...

— Ну, эту каждый малянец знает!

И подружки засвистели вдвоем:

— Фю-фю-фю-фю! Си-си-си-си!

А в кухне суетилась Бабаяга. Она гремела сковородками, стучала тарелками, звенела вилками и что-то терла на тёрке.

— Я бы сейчас поела, — вздохнула Кнопочка. — Что это она там готовит?

— Кажется, бамбуку?

— Нет, мамбуку.

— Сейчас поедим...

— Хорошо, что не мясо.

Подруги помолчали.

— Слава богу, мы больше не людоеды, — сказала наконец Барвинка. — Подумать только, ведь всего две недели назад...

— Да-да, я знаю, — перебила Кнопочка.

— Всего две недели назад, — продолжала Барвинка, — мы жарили убитых куриц... а их несчастные дети...

— О, пожалуйста, не надо! — взмолилась Кнопочка.

— Вообще! — сказала Барвинка. — Само слово «мясо» оскорбительно для животных.

— Это почему? У нас мясо тоже есть.

— Как есть? У меня нет! Я его всё выкинула.

— Да нет! Я имею в виду не то мясо, что в холодильнике. А то, что у тебя вот тут. — Кнопочка ткнула подругу в бок. — Вон там, внутри!

— Да ты что?? У меня внутри никакого мяса нет! Я уже целую неделю мяса не ем!

— Да не еда мясо, балда!

— Сама балда!

Кнопочка легонько постучала подругу по голове.

— Ты сделана из мяса. Мускулы там всякие, понятно?

— Мускулы?

— Ну да! Ты думаешь, из чего мускулы сделаны?

— Так мускулы же у малянцев.

— У малянок тоже. Как мы, по-твоему, руками или ногами двигаем?

— Ну... как?

Кнопочка стала объяснять. Внутри рук есть кости. К костям прикреплены мышцы. Если мы хотим взять, например, чашку, то наш мозг посылает по нервам сигнал к мышце руки. Мышца сокращается, и рука берет чашку.

Барвинка молча слушала, соображая.

— Надо же, — сказала она наконец. — Вот всегда так. Начнешь чем-то заниматься — всё тебе просто и ясно. Но чем дольше ты это делаешь, тем сложнее и запутаннее оно становится.

— А ты думала, *что* мы у животных едим?

— Как едим?? Я не ем!

— Да не *мы с тобой* едим, а вообще, другие людишки, которые еще не стали вегетарианцами. Что они едят?

— Ну... что эти негодяи едят? Куриц, свиней, коров...

— Да нет... я имею в виду, не кого, а что — то есть, мясо. Они едят мясо куриц и свиней, правильно?

— Да.

— А мясо — это и есть мускулы. Или по-другому мышцы. То есть, мы едим у животных мышцы. Понятно?

— Погоди. Ты что-то меня совсем запутала. Даже голова закружилась.

Барвинка попыталась встать, но ее — видимо, от голода — так шатало, что она тут же снова плюхнулась на стул.

— Погоди. Ты что имеешь в виду, что мышцы и мускулы это одно и то же?

— Конечно! И это еще и одно и то же, что мясо. То есть, мышцы и мускулы сделаны из мяса.

— А-а! — хлопнула себя по лбу Барвинка. — Теперь, кажется, картина проясняется. А я уж было подумала, что всё — так запутались, что уже не выпутаемся. Короче, как я поняла, мясо, мышцы, мускулы — не важно, это всё одно и то же.

— Вот именно. Синонимы!

— Подожди! Не надо никаких симомингов. Достаточно уже мяса и мышц.

— Мыщ.

— Ну да. И этих других, как их там?

— Мускулов.

— Точно. А симомингов не надо.

— Ну не надо — так не надо, — согласилась Кнопочка.

Снова слышались звуки далекого танго, но Барвинка не обратила внимания.

— На чем это я остановилась?

— На том, что мясо оскорбляет животных.

— Вот именно! Пусть будут мышцы и мускулы, а мясо надо отменить!

— Тогда давай переделаем все пословицы, в которых есть мясо.

— Одна уже есть: ни гриб, ни овощ.

— А еще?

— Еще?

— Ну да, еще! Что, одна только пословица про мясо?

— Чего ты орешь, как резаная свинья?

Барвинку поразила внезапная грубость подруги:

— Кто? Я?!

— Да не ты... поговорка такая: «Чего орешь, как резаная свинья».

— А... точно! Давай ее переделывать.

ВЕГЕТАРИАНСКИЙ УЖИН

Из кухни донесся такой восхитительный запах — не то жареной картошки, не то тушеной фасоли, а может, чего-то грибного? — что у Барвинки пробило заложенный нос.

— Господи, как пахнет-то! — промычала она. — Умираю, есть хочу.

В это время иностранка торжественно внесла поднос, на котором возвышалось какое-то удивительное, совершенно незнакомое цветочным малянкам блюдо. От него шел такой поразительно вкусный аромат, что Кнопочке — всего только на одно мгновение — показалось, будто душа ее вот прямо сейчас может заплакать и выйти из тела, пролететь сквозь стену и заросли земляники в саду и унести в далекое ночное пространство. Туда, где танцуют танго.

— Это, наверно... — прошептала Барвинка.

— Хашмука! — радостно возвестила Бабаяга.

И заметив, что малянки на грани обморока, моментально сервировала стол, налила в принесенные бокалы яблочный сок, положила каждой по приличному куску хашмуки, не забыв и себя. Ужин начался.

Хашмука оказалось восхитительной.

— У-уу, как вкусно! — радовалась Барвинка, набивая рот питательным блюдом.

— В жизни ничего подобного не ела! — хвалила Кнопочка, уплетая за двоих.

Она даже позабыла о приличиях и ела руками — такая была голодная.

— Удивительно... это вкуснее жареных сосисок.

— И свиной отбивной.

— И утиной ноги, тушеной в мёде с изюмом.

— И бараньих котлет.

— Просто кулинарный шедевр какой-то!

Кнопочка энергично жевала. Каждый раз, когда она смыкала челюсти, ей чудилось, будто за окном, в темном небе вспыхивает какой-то цветной салют.

— Ты уверена, что здесь нет мяса? — спросила Барвинка.

— В хашмуку мясо не кладут, — сказала Бабаяга. — И где бы я его взяла, если у тебя его нет в доме? — добавила она.

— Вот что значит уметь готовить!

— Настоящая малянка из ничего может сделать прекрасную еду!

— Нет, что вы. Это не я... в Мерюкряке каждый умеет приготоивть хашмуку. Хотите, я вас научу?

— Погодите, а как же пицца? — вспомнила Барвинка. — Ее же вот-вот принесут!

— А вдруг нет? — насмешливо спросила Кнопочка.

— А вдруг да??

— Ну так и что? Мы и ее съедим, и мармуку!

— Ну уж нет, пока мармука не кончится, я к пицце не притронусь.

— И я.

— Только не мармука, а хашмука. Мармука — это по-мерюкрякски туфелька.

— Надо же... ха-ха-ха! туфелька!

На веранде было очень весело. Малянки хохотали и чокались бокалами с яблочным соком.

— Я поднимаю тост за Бабаягу! — сказала Кнопочка.

— Сначала выпьем за Бабаягу, а потом отдельно за бармуку!

Выпили за иностранку.

— Ты всё-таки такая удивительная! — сказала Барвинка. — И почему только тебя зовут Баба... Баба... можно я тебя поцелую?

— Можно, — смущенно позволила Бабаяга.

— И я хочу поцеловать, — сказала Кнопочка.

— А я тебя тоже хочу поцеловать, — сказала Барвинка.

— Кого, меня?

— Нет, ее.

— А меня как же?

— И тебя. По очереди. Сначала ее, а в первую очередь тебя. Или наоборот: сперва тебя, а вначале ее. У меня ведь одни губы!

— Не одни, а две!

Барвинка в растерянности тряхнула головой, посмотрев в разные стороны своими огромными черными глазами.

— Но не могу же я одной губой целовать ее и одновременно другой губой целовать тебя?

— Ты совершенно права, — согласилась Кнопочка, немного подумав. — Это сколько же надо... это как же надо исхитриться, чтобы...

— Ндаааа....

— В общем, ты пока ее целуй, а я хочу выпить за Мерюкряк. Если бы не он, то не было бы Бабаяги и машмуки.

Они уже были совсем пьяные. Ведь малянки пьянеют даже от простого яблочного сока.

— Нет, — сказала Барвинка. — Ну, я просто уверена... что в Цве... цве...

Она икала.

— Цветоргаде? — подсказала Бабаяга.

— Правильно! В Цветоргаде! Ни один малаколянка... не может! Не-ик... приготовить такое, — высказалась наконец Барвинка.

— Кроме нее, — указала Кнопочка на иностранку куском хашмуки.

— Да если мясоеды попробуют это блюдо...

Барвинка вдруг задумалась.

— Если бы можно было бы...

Она замолчала.

— Если бы можно было бы что?

— Если бы можно было бы бы...

Барвинка снова задумалась и посмотрела одним глазом под стол.

— Если бы что?

— Если бы можно...

— Да не говори ты все время «если бы можно»! Это мы уже слышали. Говори сразу, что потом. А то ты... а то ты... так никогда недогово... недогово...

— Недоговоришь, — подсказала Бабаяга.

Она из них была самая непьяная.

— Если... как-нибудь сделать мясные блюда невкусными, — выговорила наконец свою мысль Барвинка.

— Как... как это?

— Ну... если бы ресторан «Патиссон» был наш... мы бы нарочно плевали в шашлык.

— Фу!

— То есть, нет... я хотела сказать — не плевали, а... а сыпали.

— Что сыпали? Куда сыпали?

Казалось, Барвинка собирается с мыслями.

— В шашлык, — прошептала она. — Слишком много соли. Туда. — Барвинка взяла солонку и стала показывать, как она бы сыпала. — Или перца. — Она снова икнула. — Так что есть невозможно. И тогда все бы плавно... плавно... переместились в вегетарианский зал.

Тут наконец Кнопочка поняла.

— Ах вот ты что задумала! — сказала Кнопочка.

— Да! Это самое задумала.

— А давайте откроем свой рестроан, — предложила Бабаяга. — Будем подавать там очень соленое мясо и очень перечные котлеты.

— Кто же тогда в наш ресторан пойдет? — возразила Барвинка. — И потом... мы ведь вообще против мяса, как же мы его будем подавать? Давайте лучше откроем вегетарианский ресторан. И будем там готовить хашмуку...

— Никто не придет, — сказала Кнопочка. — Ресторан «Патиссон» — Кастрюлин. Повар Кастрюля известный, а мы нет.

— А что, если... а что, если Кастрюля начнет подавать пересоленное мясо? — предположила Барвинка. — И тухлые котлеты?

— Ну, ты совсем яблочного сока опилась, — сказала Кнопочка. — Или обпилась. А как правильно, я вас спрашиваю?

— Об... обнапилась. Вот.

— Бабаяга! Не наливай ей больше! — сказала Кнопочка.

Бабаяга отодвинула от Барвинки стакан.

— Да Кастрюля... — сказала Кнопочка. — Да Кастрюля в жизни на такое не пойдет, чтобы пересоливать... то есть, пересолять мясо. Он мой друг! Я его хорошо знаю!

Барвинка хитро посмотрела на нее правым глазом.

— А что, если он сам не будет знать?

Все замолчали. Кнопочка подняла стакан и долго рассматривала подругу сквозь желтый яблочный сок.

— Ты предлагаешь... — сказала она наконец.

— Вот именно! Только смотрите. — Барвинка оглянулась по сторонам. — Если об этом узнают... конец всему вегетарианству.

— Да еще и побьют, — поежилась Кнопочка.

Яблочный сок при этом выплеснулся ей на коленки.

— Неужели побьют? — прошептала Бабаяга.

— Охотник Патрон *так* за волосы оттаскает. Своих не узнаешь.

Яблочный сок кончился. В черном небе мигали звезды. Кнопочке почему-то казалось, что их в два раза больше, чем нужно. Малянки долго так сидели на веранде, и каждая раздумывала над предложением Барвинки. И сама Барвинка раздумывала над своим предложением. Она уже немного протрезвела и думала теперь гораздо лучше. А Бабаяга вдруг почувствовала, что не улавливает больше запах заварного крема и эклеров с улицы Ландышей. Она вздохнула.

Барвинка жестом подозвала обеих малянок поближе. Вегетарианки придвинулись головами к Барвинке и друг к другу. Оглядевшись по сторонам, Барвинка понизила голос до шепота и посвятила подруг в свой план. Нужно, чтобы у них в «Патиссоне» был свой человек. А кто это может быть? Дело то очень опасное и поэтому очень секретное. Кроме них троих, никому нельзя доверить. Нужен кто-то, кого повар Кастрюля возьмет к себе на работу поваром.

— Зачем? — спросила Бабаяга.

Барвинка еще раз огляделась по сторонам, наклонилась к самому Бабаягиному уху и прошептала:

— Будет готовить плохое мясо.

Бабаяга задумалась.

— Я думаю, — сказала она наконец. — Я думаю, что эта работа как раз подходит для Кнопочки. Она у нас самая рассудительная и... и... организаторная.

— Организованная, — поправила Кнопочка. — Только Кастрюля меня к себе ни за что не возьмет. Он знает, что я готовить не умею.

— Придумала! — воскликнула иностранка. — Барвинка, она же такая энергичная, она вегетарьянизм придумала. Если она будет поваришкой у Катрюли, там всё мясо сразу будет плохое!

Барвинка покачала головой.

— Кастрюля не такой дурак. Он же знает, что я борюсь против мясоедов. Наоборот, он меня сразу заподозрит, и тогда уж ничего не исправишь.

— Тогда... кто же?... — пролепетала Бабаяга. — Я?

Малянки кивнули.

— На тебя одна надежда.

— Но я... нет-нет-нет... я же не могу. Как я туда пойду?

— Очень просто! Во-первых, Кастрюля с тобой не знаком. Придешь и скажешь, что ищешь работу поваром. А если попросит продемонстрировать поварское искусство — приготовишь ему свою кашмуху...

— Точно! — согласилась Кнопочка. — Кастрюля ведь гурман. Он, как только хашмуку отведаст — сразу ее возьмет.

— Да и к тому же... ты только посмотри на нее...

— Что? — не поняла иностранка. — У меня что-то не так?

— Вот именно, что у тебя ВСЁ так. Даже очень так. Кастрюля тебя как только увидит — сразу растает. Будет делать, что ты скажешь.

— Но... я так стесняюсь...

— Ты и Мальберта стесняси... тьфу! стеснялась. И Пёрышкина. А теперь смотри, как они нам помогли. И Кастрюля поможет.

— Но... а что я должна буду делать?

— Составим план. Нельзя сразу сильно пересолить все мясные блюда — это быстро раскроется. Надо постепенно...

— Точно! Составим план, — поддержала Кнопочка.

На губах ее играла задорная улыбка.

— Но ведь это же... обманство. Разве хорошо обманывать и врать? — спросила Бабаяга.

— Обманство, — передразнила Барвинка. — А что, по-твоему, лучше: обманство или убийство?

— Убийство? Это, что ли, когда убивают?

Малянки кивнули.

— Ну, конечно же, убивать лучше, — сказала Бабаяга.

— Что??

— То есть, тьпфу! Я хотела сказать, обмануть лучше.

— Ну, то-то. Вот ты и будешь обманывать для того, чтобы перестали убивать. Понятно?

— По... понятно. Я попробую... а если поймают?

— Тогда ты пострадаешь за правое дело.

— Попадешь, как кур в ощиц, — сказала Барвинка.

— Куда-куда? — переспросила Бабаяга.

— В ощиц.

— А что это?

— Это такая поговорка. Куриц ведь перед тем, как приготовить, ощипывают. Ну... отрывают у них перья. Нельзя же есть с перьями — подавиться можно... вот и говорят: попал ты, как кур в ощиц — значит, плохи твои дела.

Кнопочка закрыла лицо руками.

— Какой ужас! Надо эту поговорку срочно отменить.

Тут раздался звонок в дверь. Барвинка пошла открывать. Принесли пиццу. На веранду пришла одна из четырех кошек, которые жили у Барвинки дома. Бабаяга боязливо забилась в угол, но Барвинка сказала:

— Не бойся! Она же совсем ручная!

Кошка положила свою огромную морду на стол и хотела уже было полакомиться хашмукой, но Барвинка взяла ее обеими руками за уши и притянула к себе:

— Это что еще за дела? Кто тебе позволил на стол лезть? Я тебе и так дам!

Она положила кошке на отдельной тарелочке хашмуку и поставила на пол.

— Вон там и ешь!

А сама, погрузив пальцы в глубокую кошкину шерсть, принялась чесать ей бок. Кошка замурлыкала. Из сада впрыгнула в окно еще одна кошка — и прямо на стол, который едва на сломался под ее огромным весом. На пол упала бутылка из-под сока, но не разбилась.

— Сколько их ни учи — всё бесполезно! — пожаловалась Барвинка.

— А кошки не поддаются дрессировке, — сказала Кнопочка. — Вот собаки — да, а кошки — нет.

Еще две кошки проникли на веранду, и стало так тесно, что малянки сочли за лучшее перебраться в салон, закрыв за собой дверь. Барвинка успела прихватить одну коробку с пищей. Никого не стесняясь, кошки принялись за хашмуку и вторую пиццу, хватая их лапами прямо со стола и громко мурлыча.

— Не понимаю, как ты это терпишь, — сказала Кнопочка. — Я бы их давно уже на улицу выставила.

— Тебе не понять, ты не любишь животных так, как я, — отвечала Барвинка.

НЕПРОСТОЕ РЕШЕНИЕ

Наевшись хашмуки, а потом и пиццы, всё еще не до конца протрезвевшие от яблочного сока Барвинка с Кнопочкой завалились спать. Так часто бывает, если малянка долго сидит голодная, а потом до отвала наестся каким-нибудь очень вкусным блюдом. Силы покидают ее, и она не может даже дотащиться до кровати. Пришлось Бабаяге нести их по очереди — сначала Кнопочку, а потом Барвинку — на широкий диван, стоявший в другом конце столовой. Укрыв подруг пледом, иностранка выключила свет и тоже прилегла на кушетку возле окна. Но спать не хотелось.

В доме было тихо. Сожрав всю еду, кошки покинули веранду и, перепрыгнув забор, отправились на улицу. Бабаяга прислушивалась к сонному дыханию малянок и к шороху муравьев, прокладывающих дорожку к барвинкиному сахару, который хранился на кухне, в буфете. Наконец Бабаяга встала и потихоньку вышла в сад. Осенний воздух окутал ее, как легкое одеяло в свежевывстиранном прохладном пододеяльнике. Она стояла босиком на влажной земле. Справа возвышались стебли ландышей. Слева, прямо возле лица малянки, качались на тонких ногах спелые ягоды земляники. Бабаяга взяла ягоду обеими руками и, прижавшись к ней носом, вдохнула нежный земляничный аромат.

Небо было усыпано звездами.

— Как в Мерюкряке, — подумала иностранка.

И тут же вспомнила, что ей предстоит стать шпионкой. Она должна будет обманом проникнуть в ресторан этого малянца, Кастрюли. Устроиться на работу. Кастрюля будет ей доверять, а она, она...

— Это подло, подло сыпать в еду соль, — шептала Бабаяга. — Я стану подлецом. То есть, не подлецом, а подлюкой. Нет, я не могу это делать. Я откажусь.

И малянка представила себе, как она завтра утром подойдет к Барвинке и скажет:

— Знаешь... извини, но я не могу.

Или нет. Лучше она подойдет к Кнопочке. А Кнопочка ей скажет:

— Конечно, ты имеешь право отказаться. Каждый решает сам за себя.

Тут появится Барвинка и спросит, в чем дело. Кнопочка ей объяснит. И Барвинка посмотрит ей, Бабаяге, в глаза.

— Ну и что?! — топнула вдруг малянка сама на себя ногой. — Пусть она смотрит куда хочет, хоть в глаза, хоть в уши! Нечего за меня решать! Тут решаю я!

Бабаяга подняла глаза к звездному небу. Звезд было ужасно много.

— Неужели на каждой такой точке живут людишки? — подумала она. — А может, они вовсе не людишки, а ЛЮДИЦИ — целые огромные великаны? С гору. Или, наоборот, размером с тлю. Они, наверно, совсем не похожи на нас. Наверно, у них по пять рук и по десять ног, а может быть, даже по три головы или еще чего-нибудь, что мы даже не знаем, как называется... а может быть, одно из них сейчас так же, как и я... подняло голову и смотрит на небо. Выходит, мы смотрим друг на друга? Только не видим? Слишком далеко, — вздохнула малянка. — А вдруг на этой, вон на той желтенькой, такой яркой, звездочке какое-нибудь существо уже знает о нашей Земле? И готовится прилететь к нам. Всё может быть. Может быть, оно глядит на нас в свой огромный телескоп, и, может быть, оно нашло нас вполне аппетитными для себя. Кто знает? И вот оно снаряжает космический корабль, чтобы прилететь сюда. И полакомиться. Мало ли, где может приземлиться этот корабль? Может, в Мерюкряке, а может, и в Цветограде. Но другое существо, может быть, его сейчас отговаривает. Оно говорит ему: «Не надо. Ведь они тоже хотят жить». Но, если я посолю чью-нибудь котлету — этим я, может быть, спасу какое-нибудь живое существо. Котлетёнка. То есть, тьфу, поросенка. Я сделаю это. Пусть я буду рисковать, пусть меня поймают и охотник Патрон надерет меня за волосы. Хотя издали он мне показался таким милым людишкой, но ведь я с ним ни разу не разговаривала. Кто знает, может быть, в гневе он ужасен и не контролирует себя. Зато я кого-нибудь спасу. Я даже не знаю, кто это будет. Цыпленок, курица или свинья — мать множества поросят.

УСПОКОИТЕЛЬНИЦЫ

Мне грустно об этом писать, но борьба вегетарианцев с мясоедами дошла до того, что малянцы стали бить друг друга на улицах. Появились раненые. Пришлось прибегнуть к срочной помощи специальных успокоительных отрядов, которые существовали в Цветограде как раз для таких случаев. Отряды состояли из малянок. Малянки в красивых платьях, с цветами и лентами в волосах, обступали дерущихся и успокаивали их.

— Ну что вы, миленький Пустомелюшка, — ласково просила драчуна прекрасная белокурая малянка, которую так и звали: Успокоина. — Пожалуйста, не машите кулаками, а послушайте!

— Остановитесь хотя бы на минуточку! — умоляла кареглазая Нежинна с длинными, до пояса, волосами. — Всё можно решить словами, дорогой!

— Какими там словами! — отмахивался Пустомеля, стараясь попасть своему бывшему другу, а теперь ярому мясоеду, Шмуньке кулаком в нос или хотя бы в ухо.

— Давай, давай словами, — кричал Шмунька, — у меня для него уже такие слова припасены — уши завянут! Ах ты...

И не переставая молотить врага, Шмунька пускал в оборот все приличествующие данному случаю неприличные выражения и слова. Уши красавиц-малянок, слава богу, завять не успели, но прелестные лепестки гортензии, вплетенные в волосы актрисы Лилечки, не выдержали такого потока ругательств — сморщились, попадали на пол.

— Вы же на самом деле такой добрый, — пыталась обнять Пустомелю Успокоина. — Не деритесь! Послушайте, что скажет ваш друг. Может быть, вам удастся найти с ним общий язык?

От Успокоины исходил такой нежный аромат лаванды, что Пустомеля на минуту остановился, но тут же пропустил удар Шмунькиного кулака, пришедшийся ему как раз по лбу.

— Общий язык?! — завопил Пустомеля, хватаясь за лоб. — Сейчас я ему покажу язык. Я не хуже его языком работать умею!

И Пустомеля обрушил на врага такой водопад плохих слов, что малянки не выдержали. Им пришлось отступить, заткнув уши пальчиками. Воспользовавшись моментом, Пустомеля со Шмунькой сблизилась и схватила друг друга за руки.

— Я тя тресну! — сопел Пустомеля, пытаясь боднуть Шмуньку головой в нос, но тот каждый раз ловко отдергивал голову.

— Это я тя тресну! — скрежетал зубами Шмунька, лягая Пустомелины коленки.

Пустомеля морщился от боли, но терпел, вцепляясь в бывшего друга всё сильнее. Но тут малянки решились на отчаянный штурм и со всех сторон бросились на дерущихся. Трое успокоительниц, пахнувших разнообразными цветами, обняли Шмуньку, четверо других — его противника. Самая смелая из всех — актриса Лилечка — обхватила Пустомелю за талию. Успокоина ласково держала за руки, Нежинна обвила длинными волосами шею, а Крептолина — своими тонкими, пахнущими шалфеем, пальцами — прикрыла драчуну глаза. Пустомеля дернулся было, пробуя сопротивляться, но от запаха цветов у него так закружилась голова, что он вынужден был присесть на лавочку. Лилечка вытащила из сумки влажную салфетку и осторожно вытерла кровь с Пустомелиной разбитой губы. Крептолина ласково расчесывала ему гребешком волосы, а Успокоина накапала в серебряную ложечку двадцать капель валерьянки, влила в Пустомелю и сразу же дала запить сладким гранатовым соком. Нежинна запихнула ему в рот шоколадную конфету, в которой содержалась значительная доза успокоина — того самого лекарства, которое доктор Таблеткин в свое время выписал врану Вруше, чтобы тот немного успокоился и врал не так усердно.

— Ну к чему вам все эти драки? — успокаивала Пустомелю Нежинна, стоя позади скамейки и на всякий случай крепко обнимая забияку за плечи. — Вместо того, чтоб махать кулаками, лучше почаще давать работу серому веществу, которого у вас так много в голове. Вы ведь такой умный!

От густых волос Нежинны, падавших ему на лицо, так ласково пахло апельсином, что Пустомеля совершенно перестал соображать. Он закрыл глаза и сказал:

— А может, вы правы? Ну съест этот Шмунька две лишние котлеты, ну и что? Корова-то огромная, величиной с три дома. И всё равно она уже давно убита и валяется в морозильнике...

— Конечно, милый! Всё надо делать постепенно. Я уверена, что вы прекрасно договоритесь со своим другом.

— Он мне не друг больше, — пробурчал Пустомеля.

— О, вы еще с ним помириться. Вот увидите!

«Какие они всё-таки добрые», — думал Пустомеля, глядя сквозь Нежиннины волосы в огромные глаза актрисы Лилечки. Стоя на коленках, малянка мазала его разбитую губу лечебной мазью.

Трое других успокоительниц обступили скамейку, стоявшую напротив, и занимались Шмунькой. Успокоительные отряды в Цветограде были такие многочисленные, что на каждого дерущегося приходилось по четыре, а то и по восемь успокоительниц.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ПУТЬ

— Надо что-то придумать, — сказал доктор Таблеткин, входя в Знайкин кабинет.

Ученый оторвался от компьютерного экрана, на котором он чертил какой-то сложный аппарат, а может быть, агрегат.

— Ты это о чем? — рассеянно спросил он.

— Как это о чем? Посмотри, что на улицах делается!

— А что там делается?

— Ты что, ничего не знаешь?

— Да я тут... последние две недели так занят, что, честно говоря, даже из комнаты не выхожу. Повар Кастрюля мне еду сюда приносит.

— Вегетарианцы с мясоедами дерутся, — сказал доктор. — Одни кричат, что нельзя мясо есть. Хотят запретить разводить куриц и коров, и чтобы мясо не продавалось. И чтобы его не готовили и не ели.

Знайка покачал головой.

— Так прямо и запретить, чтоб не готовили и не ели?

— Вот так прямо и запретить. Чтобы никакого мяса ни в магазинах, ни в ресторанах — нигде.

— Что ж? Животных жаль, конечно, спору нет. Хотя, на мой взгляд, это крутая мера.

— Еще бы крутая. Без мяса витаминов не будет хватать. Придется серьезно следить за питанием людишек, чтобы каждый соблюдал сбалансированную диету. Потреблял достаточно жиров, белков и углеводов. Нужно будет кормить всех фасолью, орехами, растительным маслом — а попробуй запихни, например, в Пустомелю растительное масло? А если не есть мясо и растительное масло не пить, то в крови повысится холестерин, начнут скрипеть суставы...

Знайка зашел в Интернет и набрал там «болезни вегетарианцев».

— Ого! Целый список огромный. Гуманное отношение к животным может нам дорого стоить.

— Вот именно! И нам, и нашим организмам.

Таблеткин снял свою белую докторскую шапочку с красным крестиком и отер пот со лба.

— Прямо не знаю, что делать.

— Ну, а что же мясоеды?

— А мясоеды? Посылают вегетарианцев подальше. Говорят им, что у нас свободная страна, каждый волен есть, что ему вздумается, и нечего заглядывать в чужой рот. Как говорится, на чужой роток не накидывай платок.

— Что ж. Они в чем-то правы.

— А когда Шмунька Пустомеле это же самое сказал, Пустомеля ему и говорит: «А я накину платок! Еще как накину! Не просто накину, а заткну твой... — тут Таблеткин пропустил ругательство, — заткну твой рот. Не платком, — говорит, — а вот этой половой тряпкой». Платка под рукой не оказалось. Ну, ясно, драка началась.

— Да уж. Пустомеля этот...

— А мясоеды еще говорят, что самих животных такое положение вещей вполне устраивает. Свиньи ни разу не жаловались. Коровы и курицы тоже.

— Ха-ха...

— Ничего смешного! Как наиболее продвинутые людишки города, мы должны что-то предпринять.

— Ты так думаешь?

— Да.

Знайка откинулся на спинку стула.

— А я считаю, что всё должно решиться само собой. Демократическим путём.

— Это называется демократический путь? — возмутился Таблеткин. — Да они друг другу головы поотшибают!

— Что, до этого уже дошло?

— Представь себе, да. Мне уже пришлось мобилизовать два отряда успокоительниц.

— Полезное изобретение, правда? — улыбнулся Знайка.

— Да уж. Ты, конечно, молодец, слов нет. Здорово ты это придумал. С той знаменитой футбольной драки уже почти год прошел. Если бы тебе тогда не пришло в голову создать успокоительный отряд — такие идиоты, как Пустомеля или Бычок до сих пор бы в гипсе валялись.

— Ну и как успокоительницы?

— Супер. Самых главных дураков успокоили: Пустомелю со Шмунькой, охотника Патрона — хорошо еще, что этому болвану вовремя сломали ружьё. А то бы неизвестно, до чего дошло.

— Да что ты!

Знайка встал из-за стола и прошелся по кабинету.

— Ни за что не поверю, что Патрон может выстрелить в людишку. Быть такого не может!

— В людишку-то нет. А в курицу с цыплятами — еще как!

— В какую такую курицу? — удивился ученый.

— А в такую такую! Вегетарианцы привели ее из деревни на демонстрацию. С цыплятами.

Патрон и пострелял их всех.

— Да ты что? — кинулся к дверям Знайка. — Надо срочно бежать...

— Да погоди ты... не бойся. Птицы остались живы.

Ученый вопросительно посмотрел на доктора.

— Патроны у него, оказывается, холостые были.

Знайка расхохотался.

— Что же тут смешного?

— Да так, ничего...

Знайка рассказал доктору, как вовремя обезвредил охотника.

— Ну, ты... у меня просто нет слов. Памятник тебе надо на центральной площади поставить.

— Уже стоит.

— Ах, правда, я и забыл.

Знайка прошелся по кабинету. Заглянул в микроскоп, подвигал рычажки на электронно-гидродинамической машине. Не удержался от того, чтоб не полюбоваться прекрасной коллекцией муравьиных черепов, которую подарил ему мирмеколог Яша.

— Я думаю, — сказал наконец он, — нужно организовать собрание, на котором дать высказаться каждой стороне. Устроить нечто вроде научного диспута.

Таблеткин почесал свою шапочку.

— Так ведь никто из них ничего не смыслит в науке! — сказал он.

— Ну и что? Людишек нужно приучать к научному мышлению. Пусть каждый выслушает аргументы другого. Пора уже разрешить эту вредную для демократии ситуацию и вернуться к нормальной жизни.

А жизнь в городе, и правда, стала совершенно ненормальной. То и дело вспыхивали скандалы, и почти каждый из них заканчивался дракой. Как известно, вегетарианцы расклеили по всему городу плакаты, призывающие прекратить поедание мяса. На плакатах были изображены несчастные коровы, курицы, свиньи, а также дикие животные, птицы и рыбы, мясо которых употребляли людишки. Но мясоеды в долгу не остались. Они, конечно, поздно спохватились, но Гнобик развил ужасно бурную деятельность. Во-первых, он мобилизовал тех же самых художника Мальберта и поэта Пёрышкина, которые теперь сделали рекламу для мясоедов. На стенах домов, заборах и фонарных столбах рядом с плачущими поросятами появились улыбающиеся поросята, рекламирующие намазанные горчицей или кетчупом аппетитные сосиски. Кроме этого, мясоеды применили запрещенный прием. Они стали воздействовать не на глаза и уши людишек, как делали своими плакатами да уговорами вегетарианцы, а прямо на желудок. А с желудком, как говорится, шутки плохи. Он оказывает на мозг не меньшее влияние, чем уши и глаза, а в некоторых случаях устоять перед его доводами просто невозможно. Даже если утверждения желудка идут наперекор всякой логике.

Окуренные ароматом жарящегося шашлыка, раздраженные запахом аппетитных стейков, ростбифов, отбивных, беконов с яичницей, чебуреков, беляшей, тефтелей, фрикаделек, люля-кебабов, котлет по-киевски и прочей мясной снеди, голодные вегетарианцы становились безвольными и легко отказывались от своих обещаний, данных в письменной форме красавице-агитантке Бабаяге.

Но вегетарианцы и не думали так легко сдаваться! Пустомеля и другие активисты подбегали к мангалам с жарящимся мясом и поливали их специально приготовленным отваром из гнилой крапивы, тухлых яичных желтков и испорченной рыбьей чешуи. Попав на горячие угли, пахучий отвар начинал быстро испаряться, и малянцев, стоящих в очереди за жареной свининой, так тошнило, что ни о какой еде уже не могло быть и речи! Ведь всего только одна чайная ложка этой жидкости, выплеснутая на тротуар, пахнет за несколько кварталов. Надо ли говорить, во что превратился Цветоград, когда это химическое оружие было применено на его улицах?

Вот когда Знайка осознал всю серьезность проблемы и понял, что ему придется, наконец, вмешаться и, как говорится, самому разрулить ситуацию.

ПОДЛОЕ ПОВЕДЕНИЕ БАБАЯГИ

К сожалению, Бабаяга тоже приняла участие в безобразии. Устроившись официанткой в ресторан повара Кастрюли, она стала подсыпать клиентам в пищу соль и перец. Впрочем, это произошло всего за два дня до того, как умный Знайка нашел выход из положения. К тому же бедная вегетарианка страшно боялась и всё никак не могла решиться перевернуть перечницу или солонку в свиное жаркое, которое она подавала какому-нибудь голодному клиенту. В конечном итоге ей удалось пересолить и переперчить обед всего лишь одному посетителю. Зато какому — самому Гнобику, когда глава мясоедов зашел в «Патиссон» отдохнуть и подкрепить растроченные в тяжелой борьбе силы.

Столик Гнобика обслуживал официант Филя — тот самый, который любил жонглировать. Он и на работе не мог удержаться, чтобы не подкинуть в воздух какую-нибудь вилку или нож, или круг огурца, из-за чего пару раз попадал в очень неприятные ситуации. Но на этот раз всё обошлось благополучно. Бабаяга улучила минутку, когда Филя отвернулся, чтобы пожонглировать подвернувшимся под руку сливочным маслом. Сама-то она не решилась бы отнести этому ужасному Гнобику его заказ — огромную тарелку борща с говядиной. Быстро вытряхнув туда половину солонки и целую перечницу, Бабаяга размешала борщ, и тут подскочивший Филя схватил его да понес в зал. Забившись на кухне в угол между плитой и раковиной, Бабаяга с ужасом ждала скандала. Но главный мясоед оказался совершенно нечувствительным к соли и перцу и с аппетитом съел блюдо, казавшееся бедной иностранке безнадежно испорченным.

В общем, Бабаягу так никто и не поймал на том, что она еду портит. Ей в этом очень повезло. Иначе ее репутация навсегда бы погибла. Ну разве можно уважать человека, который подсыпает невесть что другим в еду? Кто его знает, может сейчас он подсыпал соль, а в следующий раз это будет крысиный яд? Конечно же, Бабаяга никогда никому не положила бы крысиного яда — она была в этом уверена! И всё же, хорошо, что никто не узнал. Барвинка с Кнопочкой знали, но очень скоро забыли. А Бабаяга так и не забыла. Ей было очень стыдно, что она это делала. Долго она потом еще свой нехороший поступок вспоминала.

Некоторые считают, что всегда лучше облегчить совесть и рассказать всё кому-нибудь. Но не всё можно рассказать, а стоит ли — это каждому решать за себя. Но я уверен, что нет такого людишки, у кого бы на совести не было хоть самого маленького темного пятнышка, о котором он так и не решился поведать ни одной живой душе. Вот и на совести Бабаяги теперь было такое черное пятнышко. Никогда не стоит что-либо подсыпать кому-нибудь в еду без его ведома. Это один из самых плохих поступков, какой только можно в жизни совершить.

МИТИНГ

В выходной на главной площади Цветограда — площади Свободы — собралась огромная толпа. Надо сказать, что эта площадь представляла собой полное смешение архитектурных стилей. Часть домов вокруг нее были старинные — с резными балкончиками, башенками и скульптурами. Между ними вклинивались высокие здания из стекла и бетона, спроектированные архитекторами из Солнцеграда.

Посредине восточной стороны площади возвышался памятник Свободе. Статуя малянки, которой старинные домики доходили до бедер, правой рукой указывала в небо.левой — малянка обнимала стартующую в космос ракету. Памятник по замыслу Знайки создала скульптор Зубила, когда маляницы вернулись из полета на Луну. Вообще-то Цветоград всегда был свободным, и на него никто никогда не нападал, чтобы эту свободу отнять. Но, побывав на Луне, людишки узнали, как плохо, когда одни порабощают других. Оказалось, что Луна населена ужасными существами, то и дело отнимающими друг у друга свободу. Поэтому Знайка и распорядился построить ей памятник. Чтобы все помнили, какое это счастье, когда она есть.

С южной стороны площади, там, где было больше современных зданий, выстроились вегетарианцы во главе с Барвинкой и Кнопочкой. Они требовали запретить поедание мяса. Члены общества ЗВЕРЖ стояли ровными шеренгами. В руках они держали транспаранты:

ПРЕКРАТИТЬ СТРАДАНИЯ БЕДНЫХ ЖИВОТНЫХ!

ДОЛОЙ ЛЮДОЕДСТВО!

ГАДЫ — КТО ЕСТ МЯСО!

А также более умеренные, такие как:

ДАЙТЕ СВИНЬЯМ ЖИТЬ

и

МОЖНО ОБОЙТИСЬ И БЕЗ МЯСА — СТОИТ ТОЛЬКО ЗАХОТЕТЬ

Многие стояли с плакатами, на которых были нарисованы страдающие животные. Другие держали огромные фотографии кур, коров и свиней. Над рядами вегетарианцев парила надутая корова, размером с трехэтажный дом. Под глазами у нее липкой лентой были приклеены надувные слезы. На белом боку коровы крупными красными буквами было написано: «ЗА ЧТО?»

Напротив вегетарианцев, перед старинными домиками на южной стороне площади, бушевала толпа мясоедов. Они не были так хорошо организованы, как вегетарианцы. Зато настроены были не менее решительно. Они не хотели менять свою жизнь! Видно было, что мясоеды ненавидят

вегетарианцев лютой ненавистью. Это подтверждалось время от времени вылетающим из их лагеря тухлым яйцом колибри или помидором черри, который, проделав в воздухе дугу, приземлялся в стане врагов. Мясоеды держали в руках — кто шампур с шашлыком, кто котлету на вилке, кто отбивную. В их тылу стояло множество мангалов, на которых они жарили мясо, и это мясо передавалось передним рядам. От мангалов тянулись вверх вкусно пахнущие дымки. Мясоеды демонстративно ели свои шашлыки и отбивные, аппетитно причмокивая и нахваливая. «Ах, какая вкуснятинка! Что за сочное мяско!» — только и слышалось от них.

— Эй, вегеташка голодная, попробуй отбивную! — надрывался Натурик, размахивая жареным мясом. — Изголодалась, в натуре, совсем!

— Смотри не подавись! — отвечала ему малянка Галочка. В руках она держала воздушный шарик с фотографией плачущего поросенка.

У мясоедов тоже были свои лозунги:

ЧТОБ ВЫ ПОДАВИЛИСЬ СВОИМИ ОВОЦАМИ!

Я БУДУ ЕСТЬ МЯСО!

ХВАТИТ МОРОЧИТЬ ГОЛОВУ!

КАЖДЫЙ ИМЕЕТ ПРАВО ЕСТЬ, ЧТО ХОЧЕТ!

ПУСТЬ СВИНЬИ САМИ РЕШАЮТ СВОИ ПРОБЛЕМЫ!

и даже такой:

ДЕЛО ПОМОЩИ ЖИВОТНЫМ — ДЕЛО РУК САМИХ ЖИВОТНЫХ, А МЫ ТУТ НИ ПРИ ЧЁМ!

А еще мясоеды держали большое количество плакатов с нарисованными отбивными, котлетами, сосисками, жареными куриными ногами, копченой колбасой и прочей мясной снедью. Друг Натурика и Конкретика малянец Филя жонглировал палками копченой колбасы. Правда, пока он еще как следует жонглировать не научился, и время от времени кому-нибудь из мясоедов попадало этой колбасой по голове.

С западной стороны площади, напротив памятника Свободе, людишки соорудили сцену, на которой сегодня должны были выступить сторонники, а также враги вегетарианства. На сцене стояла трибуна. К ней был проведен микрофон, а по бокам сцены поставили мощные динамики, чтобы слышно было на всю площадь. Пока что никто не говорил, и из динамиков лилась приятная успокаивающая музыка.

На крышах домов сидели операторы с видеокамерами. К этому времени в Цветограде уже появилось телевидение. Правда, телевизоры были пока не в каждом доме, но всё уже к тому шло.

Цветоградцы стремительно раскупали телевизоры в магазине, открытом фирмой электроники из Солнцеграда. Этот магазин назывался Электросолнечный.

По просьбе ЗВЕРЖа фермеры Правдюша и Вруша пригнали в Цветоград двух из своих пяти коров: Ласточку и Мышуню. Не просто, конечно, было провести этих огромных животных по улицам города. Опытный инженер, с длинным именем Штангель Циркуль, вызвался помочь вегетарианцам и распланировал операцию привода коров на митинг. Штангель Циркуль начертил для них на карте маршрут, который проходил, по возможности, по самым широким улицам. В центре это, однако, было неосуществимо. Здесь Ласточка с Мышуней могли передвигаться только перешагивая через дома. В каждом месте, где коровам нужно было перешагивать, Штангель Циркуль поставил на карте кружочек — отдельный для каждого копыта. В местах таких кружочков инженер распорядился положить на улицах специальные стальные круги — чтобы коровы нечаянно не проломили асфальт. Ввели их рано утром, когда только рассвело и все людишки еще спали, — специально, чтобы никого не напугать и избежать паники.

— Господи, какие же они все-таки гигантские! — поразились Кнопочка, когда в день митинга, рано утром они с Барвинкой наблюдали прохождение коров через город.

Барвинка была тоже поражена. Она, конечно, представляла себе, что коровы, которых защищает ЗВЕРЖ, большие. Но все-таки, чтоб такие огромные... Нет — этого Барвинка не ожидала.

— Тем лучше, что они такие громадины, — сказала она, когда первый испуг прошел.

Подруги стояли на проспекте Пионов, а путь коров пролегал через другую широкую улицу: бульвар Хризантем, который отсюда был довольно далеко. В просвете между мансардами домов показалось вымя Мышуни.

— Больше, чем Знайкин дирижабль, — сказала Барвинка. — Сколько же в нем молока?

— Думаю, миллион литров, — сказала Кнопочка. — Только зачем тебе всё это нужно? Неужели недостаточно было кур с цыплятами и поросенка?

— Мы должны поразить их, — сказала Барвинка. — Ни один из них в жизни не видел живой коровы. Пусть знают в лицо, кого они едят.

Мышуня с Ласточкой были очень умные и аккуратные коровы и прибыли на площадь, ничего не поломав. Правда, в одном месте Штангель Циркуль допустил ошибку в расчете высоты Ласточкиного живота над землей. Ласточка была ниже Мышуни и, перешагивая через крышу библиотеки, слегка задела выменем золотого гнома на башенке. Гном немного погнулся — только и всего.

Коровы расположились в двух проходах, выходящих на площадь как раз справа и слева от сцены. В юго-западном встала Ласточка, а в северо-западном — Мышуня. Таким образом два из четырех входов на площадь были заблокированы, но двух других — по обеим сторонам памятника Свободе — было вполне достаточно. Перед Мышуней и Ласточкой поставили по деревянной бадье с сеном. Эти

бадьи, каждая из которых доходила до третьего этажа, привез на тракторе Вруша. А всё это происходило еще до того, как Знайка переименовал братьев в Матроса и Пионера, и Вруша был еще самым что ни на есть врушей — врал на чем свет стоит. Поэтому он не постеснялся на Мышуниной бадье написать большими буквами: «Ласточка», а на Ласточкиной — «Мышуня». Высунувшись мордами между угловых домов и пережевывая сено, коровы спокойно наблюдали, как площадь заполняется народом.

В десять часов утра на трибуну взшел доктор Таблеткин. Одет он был, как всегда, в белый халат и докторскую шапочку с красным крестом, только по случаю митинга халат и шапочка были свежестырированные. Таблеткин взял микрофон и сказал на всю площадь:

— Уважаемые малянки и малянцы! Совсем недавно в нашем городе появилось новое явление — вегетарианство.

Из рядов мясоедов послышались свист и улюлюканье. Доктор поднял руку и, дождавшись тишины, продолжал:

— Как многие, наверное, знают, вегетарианцы сознательно отказались от поедания мяса. Они утверждают, что есть мясо плохо, потому что для этого нужно убивать животных. Противники вегетарианцев считают, что животные, из которых делают мясо, — коровы, свиньи и курицы — всё равно ничего не понимают и можно продолжать их убивать.

Но не успел Таблеткин закончить последней фразы, как поднялся страшный шум.

— Животные всё понимают! — кричали вегетарианцы. — Это мясоеды не понимают ничего!

— Есть мясо не плохо, а хорошо! — кричали мясоеды. — Без мяса мы все умрем!

— Бессовестные! — отвечали им вегетарианцы. — Ничего вы не умрете! Думаете только о себе!

— Это вы думаете только о себе! Не хотите есть мясо — не ешьте, зачем других насиловать? Ни стыда ни совести! Долой ЗВЕРЖ! Весь город своим звержением перебаламутили!

Шум нарастал. Вегетарианцы свистели и топали ногами. А мясоеды били железными шампурами в сковородки. Вегетарианцы сердились еще больше. Они начали стрелять картофельным пюре. Правой рукой держали ложку с пюре, а левой оттягивали ее и потом отпускали. Пюре летело в мясоедов, попадая им в лицо и на одежду.

Мясоеды от этого раздражались. Они отвечали вегетарианцам котлетами, яйцами и помидорной мякотью. Яйцо колибри хлопнулось у ног доктора Таблеткина, забрызгав его чистый халат. Надо сказать, что людишки, кроме куриных, едят еще и яйца колибри, которые они называют колибриные. Говорить «колибриные яйца» неправильно, но Пустомеля, который, как известно, любит коверкать слова, еще давно придумал их так называть, а от него и все остальные научились. В Цветограде было несколько колибриных ферм. Мясо колибри имеет специфический запах, и поэтому его есть невозможно. Но, как не странно, яйца этих птиц даже вкуснее куриных. Поэтому людишки разводили колибри исключительно для того, чтобы те несли яйца. Колибриное яичко людишки любили есть

жиденьким, поставив его в специальную рюмочку в форме петушка. Они разбивали ложечкой скорлупу и отколупывали только небольшой кружочек сверху. Потом окунали кончик ложки в соль и въедались в яйцо, постепенно углубляясь всё больше, пока не доходили до дна. Из выеденных яиц малянки делали разные красивые поделки, которые украшали их комнаты. Куриные же яйца людишки тоже использовали, но в основном для готовки — на тесто для пирогов. Куриное яйцо, понятно, ложечкой выедать невозможно. Для этого людишкам понадобилась бы лестница-стремянка, а вместо ложки — совковая лопата.

Так вот, после того, как ему колибриным яйцом забрызгало халат, а пюре налипло на красный крестик на шапочке, доктор Таблеткин тоже рассердился. Стоявший позади трибуны слесарь Напильник подал доктору специальный щит на палочке. За этим щитом можно было укрываться от яиц и прочих снарядов. Поняв, что безобразие само по себе не прекратится, доктор сделал знак фермеру Правдоше, стоявшему неподалеку. (На самом-то деле это был Вруша, но Таблеткин этого не знал). Заложив руки в карманы своих брюк клеш, Вруша пронзительно свистнул. В ответ на это обе коровы: Мышуня и Ласточка издали такой мощный гудок, что от него вылетели несколько стекол в доме Свободы, а половина людишек полегла на землю.

Глава двадцать третья с половиной

БОРЬБА ЗА КОМПРОМИСС

Доктор Таблеткин, по возможности, старался проводить митинг так, как ему советовал Знайка. А у них был по этому поводу накануне разговор.

— Главное, чтобы мы всё делали цивилизованным, демократическим путем, — сказал доктору ученый. — Никаких оскорблений, никакого насилия. Людишки должны научиться уважать чужую точку зрения — какая бы она ни была. Надо учесть мнение всех и каждого. Самое важное в нашем деле — это компромисс.

— А как же ты? — спросил Таблеткин. — Ты сам разве не хочешь возглавить митинг?

— Знаешь... у меня сейчас как-то мысли направлены совсем на другое. Я, может, подъеду, со стороны посмотрю. Ну, если уж моя помощь будет совсем необходима — тогда вмешаюсь.

— Прямо не знаю, как я со всем этим управлюсь, — сомневался Таблеткин. — Больно они стали дикие. Дерутся, кидаются, а уж от ругани — уши вянут.

— Я в тебя верю. — Знайка похлопал друга по плечу.

И вот теперь доктору Таблеткину приходилось отдуваться. «Что же делать? — думал он. — Должен же хоть кто-нибудь отвечать за всё, что тут происходит?»

Ошарашенные коровьей сиреной людишки на время замолчали. Сам-то доктор уже слышал, как мычат коровы, когда ездил на ферму искать Никтошку. Так что он несколько не испугался и даже успел вовремя зажать уши. Воспользовавшись паузой, Таблеткин продолжил прерванную речь.

— Людишки! Ведите себя нормально, а не то придется снова прибегнуть к коровам. Так вот. Мы решили организовать этот митинг, чтобы каждая свинья... то есть, тьфу, каждая сторона могла высказаться. Пусть вегетарианцы и мясоеды выступят и объяснят, почему они считают себя правыми. Только давайте будем разговаривать, а не кричать, не бросаться едой, а также не драться! Слово предоставляю Барвинке — председателю общества вегетарианцев.

Опять поднялся шум.

— Почему Барвинку?! — кричали мясоеды. — Дайте нам высказаться!

Снова полетели яйца.

— Потому Барвинку, — прокричал в микрофон Таблеткин, прячась за щит, — что вегетарианство — вещь новая, а мясоедство всегда было! Пусть вначале вегетарианцы объяснят всем, чего они хотят.

— Это нечестно! — крикнул Гнобик, стоящий впереди всех мясоедов. — Мы тоже хотим выступать!

— Мы не хотим ждать!

— Давайте выступать по очереди! — предложил охотник Патрон.

— Правильно! Один вегетарианец — один мясоед. Это по справедливости!

— Ладно! — согласился Таблеткин. — Пусть сначала выступит Барвинка, а потом предоставим слово Гнобику.

— А как же те, кто ни те и не другие? — послышался из толпы голос историка Герадокла. — Мне бы тоже хотелось высказаться, но я не отношу себя ни к вегетарианцам, ни к мясоедам.

— Такого не бывает!! — закричали одновременно Шмунька с Пустомелей с противоположных концов площади. — Либо ты мясо ешь, либо нет!

— Одну минуточку! — остановил их историк. Он приблизился к сцене и взял у Таблеткина микрофон.

А Таблеткин два дня назад проиграл Герадоклу деньги. Они играли на деньги в поддавки. А денег Таблеткин до сих пор не отдал. Ему было стыдно перед Герадоклом, и поэтому пришлось дать ему микрофон. Герадокл взошел на трибуну. Историк всегда одевался скромно. Вот и сейчас на нем были

потертые шорты и застиранная майка. Волосы у него были всклокоченные, словно перед тем, как прийти сюда, профессор специально их долго всклокочивал.

— Ну вот, сейчас эта зануда целый час нам будет тут втирать, — послышалось справа от Герадокла.

— А ведь какое солнышко! — отозвались слева.

И правда: солнце, выглянув из-за огромной коленки бронзовой Свободы, осветило своими утренними розовыми лучами сцену, так что Таблеткин с Герадоклом невольно зажмурились. Несмотря на разгорающиеся страсти, над площадью нежно пахло цветами, особенно с южной стороны, которая не была так задымлена мангалами. Некоторые людишки досадовали, что пришли.

— Плюнуть, что ли, на всё — да и пойти за город, на речку, — сказал рыболов Мормышкин. — Убивать — не убивать! Надоела болтовня эта! Под мостом сейчас, небось, такой клёв... и река осенью такая живописная, когда по ней желтые листья плывут...

— Ага, живописная! Тоже мне, поэт. Ему клёв, а у бедной рыбы, которую он поймает, это последний день в ее жизни. А потом ее изжарят на сковородке.

— Да помолчите вы, дайте же послушать! — зашипели на них сзади.

А Герадокл, утвердившись на трибуне, протер очки, поправил бороду и начал так, словно и вправду собирался произнести часовую лекцию. Многие приуныли.

— *Вегетарианец* людишка, или он *мясоед* — это философский вопрос, — сказал Герадокл, откашлявшись в микрофон. — По-настоящему считать мясоедом можно только того, кто ест мясо в данный момент. Если же людишка сейчас ест не мясо, а, например, какой-нибудь овощ, или если он вообще ничего не ест, то, строго говоря, нельзя понять — мясоед он или вегетарианец.

— Что за ерунда! — крикнул Пустомеля. — Мы же знаем, ел он мясо раньше или нет, значит мы знаем, кто он!

— Не совсем так! — с улыбкой возразил Герадокл, щурия на солнце глаза. — Ведь вегетарианцы появились в нашем городе совсем недавно, а до этого все мы ели мясо. По вашей логике, уважаемый Пустомеля, каждый из здесь присутствующих является мясоедом.

— Да нет, — поправился Пустомеля. — Я совсем не то хотел сказать! Я хотел сказать, что вегетарианец — это тот, кто больше не будет есть мясо.

Герадокл выдержал паузу и спросил:

— А как можно в данный момент определить: будет он есть мясо или не будет? Может быть, уважаемая Барвинка через год возьмет — да и съест куриную ногу, а может быть, она сделает это даже сегодня вечером? Никаких доказательств у нас нет!

— Вот что! — закричала разгневанная Барвинка, отнимая у историка микрофон.

Герадокл и не заметил, как она приблизилась к трибуне. Барвинка еще раньше вышла на сцену и дожидалась момента, чтобы изгнать злосчастного профессора. — Пошел отсюда! — прикрыв микрофон, зашипела она на Герадокла и незаметно наступила каблуком на палец его большой ноги. Бедный историк, круглый год носивший сандалии, из которых торчали длинные пальцы его ног, скрючился от боли. Барвинка заняла наконец его место.

— Это всё болтовня одна! — крикнула она в микрофон. — Вегетарианец — не тот, кто ел или не ел, а тот, кто против убийства животных и против мясоедства!

— Правильно! — зааплодировали вегетарианцы.

Барвинка приободрилась. Она не ожидала, что невесть откуда вылезший философ вдруг возьмет да и утянет внимание людишек в сторону от вегетарианства, заморочив им головы своими глупыми рассуждениями. У нее прямо затряслись руки, и она готова уже была добавить Герадоклу «на орехи» микрофоном по голове. Но все же Барвинка поняла, что ей надо срочно успокоиться — иначе всё пойдет насмарку. Стоит только треснуть его как следует по лысине, как такое начнется...

И малянка усилием воли заставила себя не думать о Герадокле. Взяла себя в руки, выпрямилась, глубоко вздохнула. Откинула со лба волосы...

— Людишки! — сказала Барвинка, подняв на них свои огромные черные глаза. — Я понимаю, что мясо — вещь очень вкусная...

— Ну так чего ж ты его не ешь?! — раздалось из толпы.

— Сейчас я вам объясню, почему.

Она подошла к краю сцены, где были ступеньки вниз. Вегетарианцы тем временем подвели туда курицу — ту самую, на жизнь которой так неудачно покушался охотник Патрон. Ступеньки оказались ей не нужны — птица вспрыгнула прямо на сцену и подошла к трибуне. Барвинка едва доставала ей до колен. Она видела, что мясоеды уже держат наготове тухлые овощи и помазанные горчицей сосиски, чтобы оказать курице достойный прием. Малянка потянулась к стоявшему у трибуны щиту, которым до нее укрывался Таблеткин. Но курица неожиданно наклонилась и сказала в микрофон:

— Ко-ко!

Это восклицание рассмешило толпу людишек. Большинство из них ни разу в жизни не видело живой курицы и не слышало, как она кудахчет. А надо сказать, что это была очень красивая курица. Кончики ее коричневых, с белым кружевным узором перьев слегка подрагивали на ветру. Сама она была стройная, держалась прямо и грациозно, высоко подняв пушистый хвост, в котором даже виднелось одно изумрудно-зеленое перо.

— Она совсем не страшная, — сказала голубоглазая малянка по имени Облачко своей соседке, которую звали Тучка.

— Это мы для нее страшные, — ответила Тучка. — Потому что не она нас ест, а мы ее.

— Посмотрите на это существо! — сказала в микрофон Барвинка своим звонким голосом. — Сделало ли оно кому-нибудь из вас что-нибудь плохое? Причинило ли оно вам какой-нибудь вред? Помешало ли чем-нибудь?

И подождав немного, спросила:

— Тогда за что же вы собираетесь его убить?

Но никто ей не ответил. Мясоеды, кажется, решили подождать и не кидать пока свои сосиски. Барвинка глубоко вздохнула. На сцену вошли четыре цыпленка и выстроились в ряд, взяв друг друга под крылья. Барвинка ничего больше не говорила. Она по очереди поднесла микрофон к каждому цыпленку, и каждый сказал: «Ко-ко».

Потом Кнопочка вывела на сцену розового поросенка с закрученным хвостиком. Барвинка поднесла ему микрофон, и поросенок хрюкнул. В толпе вегетарианцев засмеялись, а кто-то из мясоедов крикнул: «Подумаешь!». Людишки, у которых были бинокли, разглядывали в них животных. Репортер Болтуня навел на поросенка телеобъектив своего фотоаппарата и сделал снимок. Барвинка сказала:

— Как я уже говорила, я знаю, что мясо — вкусная вещь. Всего три недели назад я его ела так же, как и все вы...

Она запнулась и покраснела. Но никто ее не перебил, и Барвинка продолжала:

— Мне бы только...

Ее звонкий голос, отраженный множеством зданий, разносился по площади.

— Мне бы только хотелось познакомить вас с теми, кто вам это мясо дает.

Барвинка погладила стоящего возле нее цыпленка.

— Из этой самой курицы, из этих цыплят и из этого поросенка очень скоро сделают жаркое, отбивные, котлеты, колбасу и прочую еду... которую повар Кастрюля подаст вам в своем ресторане «Патиссон». Или которую вы сами себе приготовите дома. Я вижу, — тут Барвинка повернулась к северной стороне площади, — я вижу, что и сюда многие пришли со своими жаровнями и сковородками. Очевидно, они боятся проголодаться за время митинга. Я их очень хорошо понимаю. Голод не тетка!

Подойдя к поросенку, Барвинка поднялась на цыпочки, вытянула кверху руку и погладила микрофоном его розовый, щетинистый живот.

— Чтобы не проголодаться, на своих мангалах и сковородках они теперь жарят мясо вот таких куриц, порсят и цыплят. И многие, я вижу, жуют сочный шашлычок и даже бесплатно предлагают другим.

Барвинка помолчала.

— Но вот только мало кто из вас был в деревне и видел, каким образом из животных добывается мясо. И специально для этой цели мы пригласили фермера Правдюшу. На его ферме живут и курицы, и свиньи, и даже коровы. Правдюша нам охотно продемонстрирует — вот на этих самых домашних животных — как из них получается мясо.

И на сцену вышел хорошо нам знакомый Правдюша, который на самом деле был Врушей. (У Правдюши-то в начале митинга заболел живот, и ему пришлось удалиться. Бедняга не привык еще к вегетарианской еде, которой его накормили малянки). А Вруша потихоньку угостился у мясоедов шашлыком и чувствовал себя вполне сносно. Поверх матросской тельняшки и брюк он надел белый халат. Но очутившись на сцене, вдруг засмутился. Барвинка ткнула ему под нос микрофон.

— Здравствуйте! — выдавил из себя Вруша и ужасно покраснел.

— Правдюша нам расскажет и покажет, как из куриц и свиней делается мясо. Кстати! Правдюша, как вы уже, наверно, догадались, всегда говорит и показывает только правду. Он привез с собой все необходимые инструменты. Они там, в машине, — махнула Барвинка рукой. — Кнопочка, попроси, чтобы принесли.

Затем Барвинка повернулась к мясоедам и сказала:

— Поднимите руки те, кому хочется, чтобы Правдюша показал, как делают мясо!

Площадь ответила гробовым молчанием. Никто не проронил ни слова, и даже самые ярые мясоеды перестали жевать. В наступившей тишине послышался чей-то тоненький голосок:

— Что, из них прямо сейчас мясо сделают?

РАЗРЫВ

Бабаяга не попала на митинг. Она с самого начала не хотела на него идти, потому что не любила большого скопления народу. В ночь накануне они с Кнопочкой ночевали у Барвинки, но спали очень мало. Кнопочка записывала план вывода на сцену животных и кто когда должен выступить. Барвинка писала речь, а потом тренировалась ее произносить перед зеркалом.

— Только посмотрите в глаза этому несчастному цыпленку! — выкрикивала она перед зеркалом так, что Бабаяга каждый раз вздрагивала. — Только посмотрите в глаза!

Легли далеко за полночь, но тут выяснилось, что Барвинка храпит. Кнопочка на это не обратила внимания и мгновенно уснула. А вот Бабаяга обратила и почти всю ночь не сомкнула глаз. Будильник зазвонил, когда было еще темно. Бабаяга с перепугу никак не могла понять, где она находится.

— Карокого чего? Карокого чего? — бормотала она спросонья по-мерюкрякски. — Козерулики?

— Вставать пора, козерулики! — передразнила Барвинка. — На митинг.

Бабаяга села на кровати.

— А можно мне не идти? — попросила она. — Я так устала.

Бедная иностранка спала в ночной рубашке Барвинки, которая была ей мала на два размера. У нее болело всё тело.

— Все должны идти, — сказала Барвинка.

— Это ведь другой конец города. Я не дойду.

— На метро поедem.

— А что, в Цветограде уже есть метро? — зевнула Кнопочка, выползая из-под одеяла. — Я думала, оно только в Солнцеграде...

— Что ты, конечно, есть, — сказала Барвинка. — Неделю назад проложили.

Кнопочка стала натягивать платье и спросонок застряла в нем.

— То-то я вижу, всё копают да копают, — донеслось из платья. — И возле площади Путешественников, и на улице Хризантем...

Кнопочке казалось, что она делает всё как надо, но на самом деле она пыталась залезть головой в рукав. Вот почему ничего не выходило.

— Эти инженеры из Солнцеграда просто какие-то бестии! — сказала Барвинка, натягивая носок. — Хлебом не корми — дай что-нибудь построить или прокопать. Правда, говорят, в этот раз им Знайкино изобретение помогло.

— Но как они так быстро?

— Я слышала, что Знайка вывел особую породу червей. Каких-то очень жирных.

— При чем тут черви?

— Они всё метро и прокопали.

— Откуда они знали, куда копать? Ай!

Кнопочке надоело в душном платье, и она сделала отчаянную попытку высвободиться. Но коврик, на котором стояла малянка, сдвинулся, и Кнопочка полетела головой в цветочный горшок. А Бабаяга всё никак не могла разомкнуть сонные глаза. Она поползла к Кнопочке на четвереньках, чтобы помочь подруге.

— Больно?

— Угу, — промычала Кнопочка. — И платье землей запачкала.

Помогая друг другу, обе подруги наконец встали. Бабаяга вытащила Кнопочку из платья, и та, разозлившись, отшвырнула его в угол. А иностранка, с трудом открыв глаза, стала расплетать свои косы. Она всегда волосы на ночь заплетала, чтобы не спутывались. Уж очень они были длинные и густые — потом не расчешешь.

— Слушай, Баба... Бабаяга, — сказала Барвинка. — Приготовь нам чего-нибудь на завтрак.

Барвинка сильно не выспалась, и эта красотка с бархатными ресницами начинала ее злить. «И как это она делает, что щеки у нее розовые, а губы красные, даже когда только с кровати встанет? Под подушкой, что ли, помаду с румянами прячет?» Но вслух она ничего не сказала — сдержалась.

За окнами еще было совсем темно. Дрожа от холода, Бабаяга стала спускаться по лестнице. Ночью она замерзла, потому что у нее было очень тонкое одеяло. На первом этаже было еще холоднее. Обхватив себя руками за плечи, малянка бегала по кухне, чтобы хоть как-то согреться. А наверху Барвинка с Кнопочкой уже принялись за дело. Барвинка снова стала повторять речь, а Кнопочка позвонила шоферу Торопыге, чтоб ехал за животными, и Правдюше, чтобы гнал коров.

— Только посмотрите ему в глаза! — доносилось сверху.

Наверное, от холода, а может, от того, что ночью совсем не спала, Бабаяга напутала что-то с едой.

— Это что такое?! — закричала Барвинка, вскакивая со стула, когда малянки, умытые и причесанные, сидели на первом этаже в гостиной и ели приготовленную Бабаягой яичницу. — Что это?!

На вилке вызывающе торчал одетый в яичневую юбку кружок копченой колбасы.

— Я... я, — пролепетала иностранка. — В холодильнике...

Но Барвинке, которая заводилась, как говорится, с пол-оборота, уже нельзя было ничего объяснить. Если бы она была не такая невыспавшаяся, она бы себя, наверное, остановила. Надо ведь вначале во всем разобраться, да и вообще, нельзя, ну нельзя же злиться на малянку только за то, что у нее красивые волосы или глаза! Но Барвинка сегодня с утра плохо соображала. К тому же она как назло взяла и взглянула в эти самые Бабаягины глаза с длинными ресницами. И теперь уже не владела собой. Ей потом было очень стыдно за свой поступок. Барвинка всё никак не могла понять — как она вообще могла такое сделать? Да это не она сама, это ее руки! Как будто их на минуту кто-то одолжил, совершил свое черное дело — её, Барвинкиными, руками — и снова отдал руки ей.

Схватив Бабаягу за рыжие волосы, эти самые руки пригнули ее головой к столу и ткнули лицом в тарелку. И Барвинкин рот словно тоже одолжили — наверно, тот же самый кто-то!

— Я тебе покажу, как нас дурачить! — закричал Барвинкин рот.

Высоко, пронзительно — да разве у Барвинки такой голос? Голос-то явно чужой...

— Выдает себя за вегетарианку! — взвизгивал рот. — А сама — издеваться!

Барвинка хоть была маленькая, но очень сильная.

— погоди, — пробовала остановить подругу Кнопочка, но та разошлась не на шутку.

— Да я же уже целых две недели держусь, мясо не ем! — бушевала она. — И тут *эта* мне за секунду всё разрушила, всё! Я же сразу не заметила, что она с яичницей натворила! Она же нарочно запекла эту колбасу внутрь, замаскировала. И где она ее только выкопала? Отродясь у меня колбасы не было. Из-за неё я съела мясо бедного... бедного поросенка!

— И жеребенка, наверно, тоже, — подлила масла в огонь Кнопочка. — В колбасу конину добавляют, — сказала она, но тут же подумала: «И зачем я это говорю? Нехорошо как-то. Подруга все-таки».

Вцепившись в длинные густые волосы иностранки, Барвинкины руки мотали ее вправо и влево, стараясь стукнуть головой то об шкаф, то об вешалку, и если бы не Кнопочка, набили бы бедняжке на голове кучу шишек.

— Не надо меня бить! — плакала Бабаяга. — Мне же больно!

— А у меня, может быть, душа болит! — мрачно отвечала Барвинка. — Это намного больше!

— Подожди! — пыталась вклиниться между ними Кнопочка. — Да отпусти ее!

Она каждый раз вставала между Бабаягой и стенкой или Бабаягой и вешалкой, чтобы иностранка не ударялась головой. Наконец Кнопочке удалось оторвать от нее Барвинку.

— Ну, хватит! Хватит вам, — сказала Кнопочка.

— Правда. Хватит с нее.

Барвинка разжала пальцы, выпустив наконец волосы иностранки. Та откинула их со лба, выпрямилась и посмотрела на своих, теперь уже бывших, подруг. В первую секунду она еще ничего не почувствовала. Только больно было из-за того, что за волосы оттаскали. Но через секунду она уже всё почувствовала. И обиделась. Бабаяга вообще-то по натуре была не обидчивая. И если ее кто-нибудь начинал обижать, до нее долго доходило, что ее хотят обидеть. Но когда доходило...

— Можете бить сколько хотите, — сказала Бабаяга, вытерев слезы и успокоившись. — Мясо я всё равно есть буду!

— Ты посмотри на нее! — сказала Барвинка. — Пригрели змею.

— Да, я змея, да! Я специально прикидывалась вегетарьякой. А на самом деле потихоньку ела мясо. Только от вас выйду — сразу хвать будерброд с колбасой в рот. Или хвать сойсиську. Или хвать котлету!

Бабаяга как раз вчера выучила это новое слово — хвать, и теперь была рада, что его можно применить. Так здорово оно звучало: Хвать! Хвать! Хвать! Ей даже стало весело.

— У меня специально в каждом кармане запасная сойсиська, поняли? А дома у меня полный холодильник мяса. Оно оттуда вываливается. Только откроешь дверцу — оно тебе прямо на голову вываливается! И консервов полный шкаф. Полный шкаф консервированных свиней!

Бабаяга всхлипнула. А тут с глаз Барвинки словно какая-то пелена спала. Оказывается, и глаза ее забрали — в этом нет никакого сомнения! А теперь вот вернули вместе со ртом и руками.

— погоди, извини, — прошептала Барвинка, теперь уже снова владея своим ртом.

Но Бабаяга ее не слышала.

— Ну и дуры вы две! — сказала она. — Пошли вы к чёрту! — закричала Бабаяга и топнула на них ногой.

Выбежала в коридор, схватила с вешалки свое драное пальто с пришитой подушкой, вернулась. Хотела им еще что-то сказать, но раздумала. Махнула сначала правой ногой, потом левой — одолженные Барвинкой тапки разлетелись по гостиной. Взяла в руки свои сапоги, один из которых просил манной каши, а другой был непарный. И ушла, изо всех сил хлопнув дверью.

— Пошли отсюда! — крикнула она, бросившись в самую гущу котов и расталкивая их ногами. — Козерулики!

Бабаяга была теперь злая и их не боялась. Коты перестали есть сметану. Они сочувственно смотрели ей вслед. Но на улице она так заплакала! Потому что стало обидно. Ведь она потеряла единственную подругу — Кнопочку. Барвинка не в счет.

ОБИДА

Вот так неожиданно они расстались. А еще вчера вечером занимались общим делом. Строили планы, как организуют за городом свободную куриную ферму, где будут за каждое снесенное яичко платить курицам зарплату — не деньгами, конечно, а вкусными зернышками да разными угощениями.

Бабаяга всё шла и шла куда-то. Она заметила, что идет босиком, только через три квартала, когда забрела в лужу. Вода была ледяная. Но Бабаяга решила не обуваться и продолжала нести сапоги под мышкой.

— Ну и пусть заболею и смертельно простужусь! — шептала она.

Бабаяга уже почти не плакала. Но, когда она вспоминала, как с ней обошлась Барвинка, ей делалось так больно, что слезы просто невозможно было остановить! Они лились ей за воротник и затекали под платье.

— Почему, почему они такие злые?! — шептала Бабаяга. — Я ведь нечаянно... случайно...

Она, и правда, чисто машинально нарезала на сковородку несколько колбасных кружков, когда готовила яичницу. Просто потому, что в холодильнике оставалось всего три колибриных яйца и нужно было в яичницу еще что-нибудь добавить. Надо сказать, что в холодильнике у Барвинки творился страшный беспорядок. Хозяйка сама не знала, что у нее там есть. Разыскивая, чего бы такого кинуть в яичницу, чтобы было сытнее, Бабаяга наткнулась на четверть колбасной палочки и порезала ее вместе с двумя горошинами на сковородку. У нее совершенно вылетело из головы, что колбаса — мясная пища. Так ведь и сама-то Барвинка не сразу заметила, что колбасу жует! Только когда уже проглотила четыре и откусила от пятого кружочка, поняла, что что-то не так.

— Никогда не ела мясо, а теперь буду! — всхлипывала Бабаяга. — Нарочно буду! Вот сейчас приду домой и сразу же начну. Назло им!

По дороге ей встретился философ Герадокл, возвращавшийся с ночной прогулки.

— Боже мой, какой у вас одухотворенный вид! — сказал он, взглянув в заплаканные глаза малянки. — У вас на лице душа написана!

Но Бабаяга была так расстроена, что не обратила на него внимания. Когда она дошла до своего дома, начался рассвет. Небо было чистое — ни облачка. День обещал быть замечательным. Скоро на площади Свободы начнется митинг, и вегетарианцы будут убеждать мясоедов не есть мясо. Но какое Бабаяге до всего этого дело? Она легла на кровать — как была, в шубе с пришитой подушкой — и сейчас же уснула. Подушка была мокрая от слез, но Бабаяге было всё равно.

КАК ДЕЛАЮТ МЯСО

Над площадью Свободы нависла напряженная тишина. Все чувствовали, что попали в очень неприятную ситуацию. Кажется, никому сейчас не хотелось, чтобы фермер Правдюша вот прямо здесь взялся за свое кошмарное дело — получение мяса из курицы, четырех цыплят и поросенка. Уж вегетарианцам-то этого точно не хотелось. Но они думали, что Барвинка знает, что делает, и что таким образом удастся переубедить мясоедов. А мясоеды тоже ужасно боялись, но признаваться, что боятся смотреть, не хотели.

— Итак! — сказала Барвинка в микрофон. — Поднимите руки, кто хочет посмотреть, как делается мясо!

По толпе прошел тихий шелест.

— Какая же она смелая! — прошептала вегетарианка в оранжевой шапочке по имени Морковка.

Кнопочка оглянулась и увидела только одну поднятую руку. Это была рука Гнобика. А ужасный фермер тем временем втащил на сцену длинный черный мешок, в котором гроыхали инструменты. Не спеша приблизился к поросенку и, пройдя у него под брюхом, остановился с подветренной стороны. Поросенок удивленно повернул голову. Секретарь ЗВЕРЖа закрыла ладонями глаза. Другие малянки в ужасе схватились за руки и спрятали голову на груди друг у друга. Фермер засунул руку в мешок. Все ждали, что сейчас совершится нечто ужасное.

Но тут на сцену стремглав выбежал доктор Таблеткин. Он ненадолго отходил и, видно, быстро бежал, потому что, выхватив у Барвинки микрофон, никак не мог ничего сказать — до того запыхался.

— По... по-звольте! — выдохнул наконец доктор, хватая фермера за руку. — Подождите! Я уверен... то есть... для морального здоровья граждан нашего города...

Барвинка отступила на шаг и вопросительно смотрела на доктора.

— В общем, не нужно никаких показов! Это не было запланировано. Я протестую! Если вы хотели что-нибудь демонстрировать, вы должны были согласовать. Подавать нужно заранее. Вы и так привели сюда животных, не спросив разрешения у дирекции.

— Что же в этом такого, если курица и цыплята вышли на сцену? Они имеют такое же право...

— Нет, не имеют! — воскликнул Таблеткин. — Птицы могут переносить заразу. Они непроверенные. У них может быть птичий грипп...

— Как кушать их, — запротестовала Барвинка, — так птичьего гриппа нет, а как на сцену — так, значит, есть?

— Вот именно! — слышалось из рядов вегетарианцев. — Это не демократично!

— Нечего животных ущемлять!

— Куры имеют право голоса!

— Никто их не ущемляет, — сказал Таблеткин. — Им и так позволили выйти на сцену и даже сказать в микрофон... но делать из них мясо вот тут... прямо посреди площади... мы не позволим! Здесь вам не лобное место! И вообще, вегетарианцы уже слишком долго высказываются. Слово предоставляется мясоедам!

И Таблеткин передал микрофон давно ожидающему возле сцены охотнику Патрону.

Что здесь началось!

— Долой! — закричали вегетарианцы.

— Этот людишка убил несметное количество животных!

— Он изверг!

— А сами-то вы их мясо ели! — крикнул им Патрон с трибуны. — Чего же вы тогда ничего не говорили?

— Тогда мы еще не знали!

— Хоть бы ружье постеснялся с собой на сцену брать!

— Может, ты и в нас стрелять начнешь, как недавно в кур?

— Хорошо, хорошо! — согласился Патрон.

Сняв ружье, которое после недавнего нападения ему уже успели починить, передал его стоявшему за трибуной слесарю Напильнику. Пущенный вегетарианцами кусочек пюре попал охотнику на усы.

— Ну зачем же так? — сказал охотник и, вынув из кармана маленькую щеточку, почистил усы.

Надо сказать, что они у него были ненастоящие. У людишек вообще не растут ни усы, ни борода. Но Патрон где-то слышал, что все охотники обязательно должны носить пышные усы. Поэтому он заказал себе в парикмахерской искусственные и носил их на специальной резиночке.

А доктор Таблеткин взял микрофон и сказал:

— Попрошу вегетарианцев все-таки выслушать точку зрения мясоедов. Всё должно быть по-честному. Барвинку долго слушали и даже позволили высказаться животным. Теперь слово другой стороне. Мы должны решать вопросы демократическим путем.

— Я только вот что хотел сказать, — начал охотник Патрон. — Понимаю, что вы меня не любите, — повернулся он к вегетарианцам. — Хотя совсем недавно вы меня очень даже любили. Потому что все вы ели мясо, а я на это мясо охотился. Но теперь вы решили перестать его есть, чтобы не убивать животных. Ну, так вот. А вы самих-то животных об этом спросили?

— Что? — слышалось из толпы.

— Оставим диких животных. Но вы свиней и коров спросили? Да, их убивают, но ведь, пока их не убьют — они живут! Может быть, им такая жизнь привычна? Свиней хорошо кормят и поят, курам дают отборное зерно, а коровам — отборное сено, их доят, понимаешь ли, специальным доильным автоматом! У них у всех теплые дома. Ну да, конечно, потом их убивают. Но ведь пока не убьют — они хорошо живут! Как сыр в масле катаются. Подумаешь! Дикае лесные свиньи тоже умирают, и не только от охотников, да! Их загрызают волки. Может, у свиньи судьба такая — быть съеденной? Просто, если свинья домашняя, ее съедают людишки, а если дикая — волки и медведи.

— О, как это верно! — пискнул в микрофон выглянувший из-за плеча Патрона профессор Черепок.

Он был ученым-палеонтологом — то есть, исследовал ископаемые находки. Профессор любил мясо главным образом потому, что ему нравилось обглаживать кости. Поэтому он тоже решил выступить в защиту своих прав.

— Не потому ли мясо свиньи такое вкусное, а мясо волка — совсем нет, — пищал Черепок, — что сама эволюция — движущая сила природы — создала свинью на съедение?

Недовольный тем, что его перебили, охотник Патрон отодвинул лысую голову профессора подальше от микрофона. Он хотел еще что-то сказать, но в толпе митингующих слышались крики:

— Какая эволюция, что он несет?

— Все живое на земле создано Богом!

— И не одним, а многими богами!

— Хищников-мясоедов создал дьявол!

— Не несите чепухи! Землю населили людишками инопланетяне. А чтобы они не умерли с голоду, инопланетяне развели коров, кур и свиней, а чтобы и тем было что есть, инопланетяне насадили траву и деревья!

Тут, прошмыгнув мимо стоящих в очереди на выступление, на цену выскочил писатель Бумагомаракин. Бумагомаракину тоже очень хотелось высказаться. Надо сказать, что этот Бумагомаракин измарывал тонны бумаги, прежде чем ему удавалось создать законченное литературное произведение. Он, бывало, одну страницу переписывал по сорок раз. Но хотя людишки сами придумали

писателю это прозвище, им лень было звать его таким длинным именем. И Бумагомаракина обычно сокращали до Бумагина или Маракина — смотря по настроению.

— Дайте, пожалуйста, я скажу, — попросил Бумагомаракин охотника Патрона.

— Но я еще не закончил...

— Но я как раз то же самое хочу сказать, что и вы, только более литературным языком — я же все-таки писатель!

Патрон пожал плечами и отдал Бумагомаракину микрофон.

— Людишки! — начал писатель. — Все мы обеспокоены судьбой нашего общества. Не надо принимать поспешных решений! Нужно хорошенько всё обдумать, а то как бы потом не пришлось кусать локти да рвать на себе волосы! Сильное вмешательство в дела природы может привести к ужасным последствиям! В одном городе людишки стали уничтожать воробьев, потому что те воровали зерно. Но когда уничтожили всех воробьев, там развелось огромное множество гусениц — ведь воробьи их больше не клевали. И эти гусеницы стали подгрызать пшеничные колосья! Людишки в том городе чуть с голоду тогда не умерли — весь урожай хлеба пропал! А в другом городе людишки решили извести всех котов, потому что те, видите ли, своими криками мешали им спать по ночам! Как только исчезли коты, в городе развелось несметное множество крыс, полчища которых наводили ужас на все население! Пришлось в срочном порядке выписывать новых котов из соседнего города. А в одной стране, которая находилась на острове, было очень много травы, но там совсем не водилось кроликов. Людишки решили завезти на остров кроликов, чтобы их там разводить. Но кролики так расплодились, что от них стало некуда деваться! Ведь в той стране не было ни волков, ни лисиц — дело-то было на острове, и они же не могли добраться туда морем! Пришлось в срочном порядке завозить на остров хищников. Но завезенные волки с лисами, кроме кроликов, уничтожили также удивительных животных, водившихся только на этом острове! А это были уникальные животные, которые больше не живут нигде на земле. Покончив с уникальными животными, волки набросились на домашний скот!

— Какая скука, — зевали мясоеды. — Котлетой в него, что ли, запустить?

Услышав это, Бумагомаракин поперхнулся, и ему пришлось сделать небольшую паузу, чтобы покашлять. Он выпил стаканчик воды, который поднес ему доктор Таблеткин.

— Спасибо, — поблагодарил писатель. — Нет, я еще не кончил! — закричал он в ответ на крики из толпы. — К чему я всё это говорю? А к тому, что то же самое, я уверен, произойдет, если Цветоград поголовно перейдет на вегетарианство. Нарушится равновесие в природе, и тогда нас ожидают ужасные катаклизмы. Тут не один вид животных. Тут и свиньи, и овцы, и козы, и коровы, и гуси, и курицы, и рыбы! А некоторые людишки едят лягушек и всяких там улиток...

— Не хотим это слушать! — кричали вегетарианцы.

— Уходи, Бумагин!

— Он просто морочит голову!

— Водит нас за нос!

Глава двадцать шестая с половинкой

ВОЛШЕБНАЯ СИЛА ИСКУССТВА

Надо признаться, многие считали Бумагомаракина страшным занудой. Если писатель, например, слышал, что кто-то неправильно говорит, он прикапывался к нему и долго не отставал. Бумагомаракин часто бывал у своего друга, поэта Пёрышкина, жившего, как мы помним, в коммунальной квартире на улице Маргариток. А жильцы этой квартиры только и делали, что неправильно говорили. Например, Сошка вечно кричала:

— Кто вылил в раковину моё кофе?

И Бумагомаракин, сидевший в комнате поэта, подскакивал на стуле:

— Мой! *Мой* кофе, а не моё! — злился он.

— Да ладно, — успокаивал Пёрышкин. — Подумаешь? Мой, моё...

— А вот и не подумаешь! — стучал писатель по столу своей шариковой ручкой. — Вот и не подумаешь! Тот кто коверкает слова — совершает страшное преступление! Он разрушает наш славный и мощный лесанский язык! Его надо беречь! Наш язык — это сокровище! Это богатство, которое у нас есть! Это просто клад!

— О! — поразился Пёрышкин, услышав про клад. — Это интересная мысль! Ты не возражаешь, дружище, если я ее использую в одной из своих поэм?

Бумагомаракин в ответ только пожал плечами. А особенно его злило, когда говорили мусоропóвод вместо мусоропровод. На лестничной клетке писатель часто наткался на Вилика или Плювакина, обязанностью которых было выбрасывать мусор. Сошка, Бигудинка и другие малянки страшно боялись мусоропровода.

— Во-первых, потому что он такой страшный, а во-вторых, потому что он очень агрессивно пахнет, — говорили они.

— Когда он распахивает свой страшный рот, мне кажется, что я сейчас упаду в обморок! — жаловалась Швабринка.

— А я боюсь — вдруг он меня как-нибудь засосет? — шептала Вытиринка.

Так что выбрасывать мусор могли только самые храбрые. Да и вообще, мусоропровод в их доме почти всегда не работал.

— Вот, мусоропрóвод опять засорился, — жаловался Плювакин поднимающемуся по лестнице Бумагомаракину. (Лифт-то в доме тоже вечно ломался, так что приходилось идти вверх пешком).

— Не мусоропрóвод, а мусоропровóд! — топал ногами писатель. — Неужели так трудно запомнить?!

А у поэта Пёрышкина в это время как раз был, как говорится, творческий застой. Стихи не шли. Рифма не рифмовалась. Целый день в голове крутились одни и те же две строчки:

Из поэта лезет пакля,

Ее склёвывает цапля.

И ничего другое в голову не лезло.

— Какая цапля? Какая пакля?! — злился Пёрышкин. Им овладело плохое настроение.

И тут поэт услышал доносившиеся из коридора крики своего приятеля:

— Мусоропровóд, дубина! Мусоропровóд!

Надо же! Плохое настроение как рукой сняло...

— Не расстраивайся так, старина! — подскочил к Бумагомаракину поэт, принимая у того пальто с енотовым воротником. — Что-нибудь обязательно придумаем! Ты еще не знаешь удивительную силу стихов.

— При чем тут стихи? — отмахивался писатель. — Тут общий уровень интеллекта крайне низок!

Но Пёрышкин уже больше не слушал ворчуна, а сел и написал стихотворение, которое начиналось так:

Мусоропровод раскрыл свой рот,

Мусор просит мусоропровод.

И чудовищу в угоду

Дал я пищу мусоропроводу.

Дальше шло:

Мусоропровод захлопнул рот.

Слопал мусор мусоропровод.

И страшилище сказало:

Благодарно вам я стало,

Только дали вы мне мало...

Засыпай давай, народ,

Мусор в мусоропровод!

Всё пойдет трубе на пользу —

Ты, дружок, мне притащи

Недоеденную кашу,

Недохлёбанные щи,

Понадкусанную пиццу,

Недожаренную птицу...

И подлей помоев в рот —

От сухомятки устал живот.

Мусоропровод разинул рот:

Жажда мучит мусоропровод.

И в утробу сумасброду

Лью помоешную воду...

И так далее, чуть ли не целая поэма, и всё про мусоропровод и про мусор. Поэма восхваляла удивительное изобретение солнцеградских инженеров, благодаря которому не нужно было бегать на

улицу, чтобы выбросить мусор, а можно было это делать прямо из дома. Мусоропровод только возмущался, что ему дают так мало мусора. Ведь, по расчетам инженеров, он мог его принять в десятки раз больше:

Я глубок, как небосвод, —

Молвит мусоропровод. —

Простираюсь — шутка ли? —

Прямо к центру я земли!

Мне, голубчики, на ужин

Свежий мусор очень нужен.

Мои недра пищу ждут,

А ее мне не несут!

Были там и слегка пугающие строки:

Новый мусор поджидая,

Сразу вас предупреждаю:

Тот, кто мало принесет,

Сам за мусор мне сойдёт.

Как свиную колбасу

Его внутрь засосу!

Но в целом стихотвореньице получилось премиленькое. Музыкант Рояль потом сочинил к нему музыку, и песня про мусоропровод стала в городе очень популярна. Особенно после того, как сняли соответствующий клип со знаменитой певицей Жанной Арбузовой. А один из цветogradских журналистов метко окрестил песенку «Мусорным шлягером». Слово «мусоропровод» повторяется в ней

большое число раз, всегда, разумеется, с правильным ударением. Надо ли говорить, что распевая «Мусорный шлягер», цветоградцы научились наконец произносить это слово как надо!

На всякий случай — если кто-нибудь из читательниц или читателей умеет петь по нотам — то вот несколько тактов этой песни, а остальное уже импровизация:

МУСОРНЫЙ ШЛЯГЕР

МУ-СО-РО-ПРО-ВОД РА-ЗИ-МУЛ РОТ

МУ-СОП ПРО-СИТ МУ-СО-РО-ПРО-ВОД,

И ЧУ-ДО-ВИ-ЩУ В У-ГО-ДУ

ДАЛ Я ПИ-ЩУ МУ-СО-РО-ПРО-ВО-ДУ

— Вот видишь? — говорил потом поэт другу. — Искусство — оно всё может!

— Да, теперь я вижу, — отвечал Бумагомаракин. — Сколько сил потрачено, а добился ты того, что правильно ставят ударение лишь в одном слове! А сколько еще таких слов...

Но поэт отвечал ему на это рифмами:

Хоть двадцать тонн стихов дадим, а если надо — сорок!

И удареньями мы всех продолбим очень скоро!

Глава двадцать шестая с половиной и еще четвертью

БЕЗЫМЯННАЯ

Но вернемся к нашим мясным делам. Людишки на площади приуныли. Бумагомаракин разговорился, и толком нельзя было понять, к чему он клонит. К тому же писатель ловко уворачивался от помидоров и котлет. Но внезапно к нему сзади подкатился повар Кастрюля и, пихнув его под локоть, выхватил у писателя микрофон. Кастрюля был очень взволнован, и ему очень хотелось сказать.

— Братишки! — закричал он. — Сестрички! Не надо ссориться! Приходите ко мне в «Патиссон»! Кто вегетарианчик — я тому салатик дам, кто мясоедик — мяско. А чтобы вы не ссорились, у меня теперь два отдельных зала.

Но Кастрюле не дали говорить. Скучающие активисты были рады возможности размять руки. Крупный Кастрюля был отличной мишенью. В шефа ресторана полетели яйца колибри и тухлые огрызки помидоров.

— Значит, для мясного зала продолжать убивать, да? — кричали звержевцы. — Мы не допустим! Закрывай мясной зал! Мы закроем все мясные рестораны и магазины!

В ответ на это наглое заявление мясоеды забросали толпу вегетарианцев котлетами и сосисками с кетчупом. Те отвечали овощами и пюре.

— А мы закроем ваши рестораны! — кричали мясоеды. — Мы вас так отделаем — что вас ваши курицы не узнают!

— Это невозможно! — надрывался кто-то. — Убивать животных — не ци-ви-ли-зо-ва-нно! Мясоеды — дикари!

Малянки запустили в небо два воздушных шарика, с которых свешивался длинный транспарант: «ЕСТЬ СВИНЕЙ — СВИНСТВО».

— Вы сами большие свиньи, чем те, которых едят! — сердито орал Гнобик.

Малянка в ковбойской шляпе влезла на плечи двух своих соратников-мясоедов и пыталась сбить вражеский транспарант палкой от своего плаката «Я БУДУ ЕСТЬ МЯСО». Она никак не могла достать, потому что шарик поднялся уже слишком высоко. Но тут кто-то из мясоедов догадался выстрелить из рогатки и пробил шарик. Под дружное «ура» мясоедов транспарант спустился на землю.

А Швабринка подскочил к микрофону и рявкнула в него:

— Вегетарианцы — бандиты! Они нарушают традиции! Они хотят разрушить наше общество!

Но доктор Таблеткин взял Швабринку под руку и вывел со сцены. В этот момент пущенная кем-то сосиска, густо вымазанная в кетчупе, шлепнулась о плечо доктора.

— Варвары! — не выдержал тот. — Сейчас же перестаньте бросаться!

— Прости, Таблетушка, мы целились не в тебя, а в них! — отвечали ему.

Безобразие набирало обороты. Многих поразила отвратительная выходка Пустомели. Он долго раздумывал, как бы произвести значительный эффект. Наконец положил доску поверх забытой строителями бетонной трубы, которая валялась возле памятника Свободе. На один конец доски с помощью Плювакина, Бычка и Кнутика закатил огромную дыню, а на другой они все вместе прыгнули с высокого пьедестала памятника. Катапультированная таким образом дыня пролетела над головами орущих людишек и грохнулась прямо на сцену, проломив ее в самой середине. Хорошо, что никого не убило. Доктор Таблеткин бросился вылавливать Пустомелю и остальных, чтобы вколоть им двойную дозу успокоительного. Бычок, по ошибке, вместо двойной дозы получил четверную, и пришлось ему в срочном порядке промывать желудок. А Пустомеля с Плювакиным в суматохе улизнули. Таблеткин страшно на них разозлился. Пока он всем этим занимался, на площади началась уже настоящая драка, и больше половины противников имело по одному, а кто и по два синяка. Малянки таскали друг друга за волосы, рвали противницам колготки и размазывали им косметику по лицу. Малянцы молотили кулаками.

— Что же ты стоишь? Что же ты стоишь?! — набросился на Врушу доктор, вернувшись к сцене. — Не видишь, что делается? Свисти!

Вруша, с интересом следивший за дракой — а у него прямо руки чесались в нее ввязаться — сунул два пальца в рот и пронзительно засвистел. Мышуня с Ласточкой и на этот раз сработали безотказно. Дерущиеся попадали вповалку друг на дружку от их страшного перекрестного мычания. Снова посыпались стекла, а у статуи Свободы тонкие бронзовые волосы встали дыбом. (По задумке скульптора, они должны были как бы развеваться на ветру).

Пошатываясь, усталый доктор встал на ноги. На этот раз он не успел заткнуть уши и теперь, как и другие, ничего не слышал.

ЖИВОТНЫЕ В РАБСТВЕ

Солнце клонилось к закату. Его мрачный глаз зловеще отражался в окнах домов, которые поблескивали стеклами своих пенсне. «Господи, зачем мне всё это? — думал Таблеткин, тоскливо оглядываясь на коров. — Положа руку на сердце, разве мне есть какое-нибудь дело до животных? Да хоть бы их всех убили к черту. И съели...»

Оглушенные людишки поднимались с пола, прочищая ухо концом мизинца.

«Может, надо было просто всему городу прописать успокоин? — пришло ему в голову. — Поколоть с недельку — успокоились бы все и не стало бы никакого вегетарианства?»

Все же он объявил в микрофон:

— Слово предоставляется вегетарианцам!

На сцену вышел музыкант Рояль.

— Все тут говорят о том, что нельзя убивать животных, — сказал он. — Я, как музыкант, с этим полностью согласен. Мы обязаны отказаться от этой бессмысленной жестокости! И это уже практически вопрос решенный. Но нельзя останавливаться на достигнутом!

Тут Рояль закашлялся и поднес к глазам носовой платок.

— Как это? Что он имеет в виду? — слышалось из толпы.

Рояль сделал знак, чтобы подождали. Затем высморкался — с таким грохотом, словно захлопнули крышку фортепиано. И наконец сказал:

— Тех животных, которых мы не убиваем, мы безжалостно эксплуатируем!

Снова слышались крики:

— Чего?

— Чего это такое?

— Ничего не понятно, что говорит!

— Мы их эксплуатируем, — пояснил Рояль, — то есть, заставляем работать, отбираем у них всё. Мы держим кур в тесных курятниках, им там негде даже повернуться. Мы отбираем у них яйца, которые они снесли. А задумывались ли вы над тем, что яйца, может быть, нужны, самим курам?

— Да они же тупые, эти куры! Они ж ничего не соображают! — закричал кто-то из мясоедов.

— А может, соображают? — ответил ему кто-то из вегетарианцев. — Ты откуда знаешь?

— Правильно Рояль говорит! — крикнула тоненьким голоском малянка Галочка, у которой была фотография поросенка. — Куры вообще не хотят в курятнике сидеть, а хотят гулять на воле! А их держат взаперти и заставляют работать, как рабов.

— Мы сделали из животных рабов! — продолжал Рояль. — А сами стали рабовладельцами. И совсем этого не стыдимся. Позор!

— Сам ты работорговец, понял? — крикнул ему охотник Патрон. — У меня никаких рабов нет.

— У нас тоже! — закричали Натурик с Конкретиком. — Струны себе в голове подкрути!

Не обращая внимания на эти выпады, Рояль продолжал:

— Вы только подумайте, что мы творим с коровами! Держим в грязном коровнике, а корова, может, хочет гулять свободно в поле? Доим их два раза в день и забираем всё, всё молоко! Ни стаканчика, ни мисочки не оставляем! Свиньи у нас живут в ужасной грязи! Овец стригут почти наголо, а может, они хотят носить длинные волосы?! Охотники лишают лисиц меха для того, чтобы малянки, видите ли, могли себе шить шикарные шубы. А лисице, спрашивается, шуба не нужна? Я вообще предлагаю перестать не только есть, но и использовать всё то, что мы насильно отнимаем у животных! С этого дня обещаю, что не съем ни одного яйца, не выпью ни одного стакана молока, не притронусь к творогу или сыру! Отказываюсь от меховых шуб, дубленок, кожаных курток и вязаных свитеров!

В подтверждение своих слов Рояль зажал между ног микрофон и, стянув через голову шерстяной свитер, бросил его на землю.

— Вот так! — торжественно провозгласил он, сходя со сцены.

В ответ на речь Рояля толпа вегетарианцев разразилась бурей рукоплесканий, в которых потонули возмущенные крики мясоедов. К счастью, все имевшиеся в запасе колибриные яйца уже растеклись по чьим-нибудь брюкам или платью, и запас метательных сосисек и кетчупа, в который их обмакивали, давно вышел. Так что теперь митинг продолжался в более мирной форме. К тому же людишки устали.

Барвинка с Кнопочкой не ожидали такого поворота событий.

— Как мне это сразу в голову не пришло? — сказала Барвинка подруге. — Какой он все-таки молодец. Это же просто замечательно! Подумаешь, убивать! Это само собой разумеется, но как же он все-таки правильно сказал: мы не должны останавливаться на достигнутом! Нужно идти вперед. Полностью освободить животных! Прекратить рабство. Какие прекрасные слова!

— А ты уверена... — начала было Кнопочка, но Барвинка ее тут же перебила:

— О да! Я абсолютно уверена, что мы сможем этого добиться. Нужно только время. И убеждать, убеждать. Усилим агитацию. Выпустим телевизионную передачу.

— А возможно ли... — попыталась вставить Кнопочка, но Барвинка ее снова перебила:

— Да, да, конечно же, да! Я уверена, что Таблеткин или Знайка — кто-то один из них уж точно найдет замену яйцам и молоку. Все те же самые витамины есть в растительной пище.

Доктор Таблеткин был очень недоволен речью Рояля.

— Ты что, не мог, что ли, подождать до следующего митинга? — в сердцах сказал он музыканту.

Доктор очень надеялся на то, что митинг приведет вегетарианцев к компромиссу, к тому, что они поймут друг друга. Но теперь надежды его рухнули. Вегетарианцев речь Рояля воодушевила, они кричали: «Браво, Рояль! Будем бороться за отмену рабства!»

То в одной, то в другой части толпы малянки начинали звонко скандировать: «Долой яйца!» «Долой молоко!» «Долой шерстяные вещи!» И в подтверждение своих слов бросали в воздух свитера, вязаные носки и шапки.

А мясоеды еще больше разошлись.

— Ты что с ума сошел?! — кричали они Роялю. — Что же тогда есть, если молоко, творог, яйца нельзя? Ты что, идиот полный?

— Интересно, как зимой можно прожить без меха? — не стесняясь, выкрикивала какая-то мясоедка. — Голой, что ли, ходить?

— Передаю микрофон мясоедам, — устало сказал Таблеткин.

МЕТРО

Никтошка проснулся в этот день, как всегда, около полудня. Все давно ушли на митинг, а позвать его забыли. Разиня всех звал, но зарывшегося в одеяло Никтошку не заметил. Читая сказку про инопланетян, Никтошка почистил зубы, вымыл лицо и съел ломтик черники, который нащупал в холодильнике. Всё это — не отрывая глаз от книги. Выйдя на улицу, Никтошка, как обычно, наткнулся на столбы и чуть не отдал лапу белой домашней мыши, которая сидела возле чьего-то подъезда в розовом ошейнике и дышала свежим воздухом. Мышь пахла сыром. Никтошка извинился и пошел дальше, задевая за дома. Но книжка наконец кончилась, и Никтошка поднял глаза. Правда, на стене каждого дома ему мерещились желтые инопланетяне, и Никтошка еще с четверть часа бродил по улицам, мысленно разговаривая с ними. Но это скоро прошло, и Никтошка вернулся из книжного мира в нормальный мир. Он сразу же почувствовал, как пахнет грибами и листьями, и увидел высоко в небе перелетных аистов, которые что-то протяжно кричали.

По пустым улицам гулял ветер. Он носил мусор, который никто не убирал — все дворники ушли на митинг. Между домами летали бумажки, лепестки цветов и полиэтиленовые пакеты. Одни пакеты неслись вместе с ветром, другие, зацепившись своими тоненькими ручками за антенну автомобиля или прутья ограды, торчали на одном месте.

— Они как парусники, — кивнул Никтошка на пакеты. — Одни летят, другие стоят на якоре и ждут попутного ветра.

— Так они могут путешествовать по всему городу, куда им захочется, — отозвался Никтошкин мысленный друг Вилка. — Главное — уметь вовремя прицепляться и отцепляться.

Никтошка повернул на улицу Хризантем. Возле сорок пятого дома он увидел круглую арку с большой светящейся буквой М. Под арку вниз уходила широкая мраморная лестница. «Интересно, — подумал Никтошка. — Никогда здесь раньше такой лестницы не было».

— Как ты думаешь, Вилка, куда она ведет?

Никтошкин мысленный друг Вилка проснулся и сказал:

— Наверно, в какой-нибудь погреб. Что еще там может быть, под землей?

Никтошка ожидал, что внизу темнота, но там оказалось очень светло, вдоль всей лестницы горели электрические лампы.

— Какой же это погреб, если там столько света? — сказал Никтошка и стал спускаться вниз по лестнице.

Лестница кончилась, и он попал в большой зал. Пахло каким-то странным, электрическим запахом. Гудели люминесцентные лампы.

— Кажется, мы уже под землей, — сказал Никтошка.

А это было, конечно же, метро, которое только недавно построили. А Никтошка в жизни на метро не ездил. Он про метро в одной книге читал.

— Хотите прокатиться? — услышал он голос и увидел низенького малянца в будочке.

Никтошка очень любил кататься.

— Спускайтесь вниз по эскалатору, — сказал малянец.

Эскалаторов в Цветограде к тому времени было уже полно во всяких торговых центрах. Поэтому эскалатор Никтошку совсем не удивил. Впрочем, нет, все-таки удивил. Такого длинного Никтошка в жизни не видывал.

— Вот это да! — сказал он, глянув вниз. — Ну что, Вилка, прокатимся?

— Прокатимся, конечно, — зевнул Вилка.

Кажется, он еще не совсем проснулся. «Ну, ничего, сейчас проснется», — подумал Никтошка, снимая с гвоздя алюминиевое корыто. Оно даже, скорее, напоминало небольшую ванну. А надо сказать, что в Цветограде эскалаторы были скоростные. То есть, кто не торопится — может ехать обычно, по лестнице. Но для тех, кто спешит — а Никтошка, оказавшись возле эскалатора, почему-то всегда вспоминал, что очень спешит — так вот, для тех, кто спешит, на гвоздике висели специальные ванны скоростного спуска. Сбоку от перил есть свободное пространство, достаточно широкое, чтобы проехала ванна. А там, где эскалатор кончается, внизу находились специальные замедлительные песочницы, куда приземлялись разогнавшиеся ванны со спешащими пассажирами. По всей длине эскалатора висели объявления, запрещающие дополнительный разгон. Несмотря на это, некоторые людишки все же разгонялись, отталкиваясь руками от перил, и тогда вместо песочницы на полном ходу влетали в стену. Но ванны были крепкие и всегда выдерживали удар.

Эх, что это был за эскалатор! Ванна летела почти так же быстро, как Никтошка когда-то падал с дирижабля! Вилка совсем проснулся.

— Э-э-э-э-э-э-э!!! — кричали они с Вилкой.

На середине дороги Никтошка перестал кричать и сказал:

— А вдруг во что-нибудь въедем — и будет лепешка?

— А вдруг нет? — отвечал Вилка.

И они снова закричали. Наконец эскалатор кончился. Они все-таки ни во что не въехали, а, пролетев несколько метров по инерции, приземлились в замедлительный бассейн, подняв тучу брызг. У Никтошки от восторга всё тело ныло.

— Вот это да! — сказал он, вытаскивая из-за пазухи рыбу-гупёшку.

Они с Вилкой все-таки нырнули в теплый бассейн с гупёшками, меченосцами, скаляриями и другими тропическими рыбками. Одна скалярия даже схватила Никтошку за ботинок, но потом отпустила.

— Надеюсь, тут нет пираний, — сказал Никтошка. — Меня один раз пиранья укусила.

— Меня тоже, — сказал Вилка. — Но только я не думаю. Это же инженеры из Солнцеграда спроектировали. А у них всё рассчитано. Если бы тут были пираньи, эскалатором перестали бы пользоваться. А это экономически не выгодно.

— Правда, я об этом не подумал, — сказал Никтошка, надевая спавший ботинок. — Надо же, а она мне ботинок прокусила! — сказал он.

Архитекторы и инженеры из Солнцеграда постарались на славу. Станция была построена по последнему слову техники. Стены сплошь состояли из экранов. На одних показывали рекламу, а другие просто передавали какой-нибудь сплошной цвет, полосы или кружочки. Каждые две минуты освещение на всей станции менялось. То ее заливало зеленым, то розовым, то темно-синим. Колонны только что были круглые и мраморные и вдруг превратились в квадратные и кирпичные. Плывущие по потолку рыбы стали птицами, а потом облаками. Всё это достигалось с помощью большого количества вделанных в стены экранов. Трудно было понять, что тут настоящее, а что показывают.

Народа на станции было совсем немного. Практически никого не было — весь город собрался на площади Свободы. Послышался гул поезда. А надо сказать, что Никтошка и поезда-то никогда не видел. Конечно же, он про поезд сто раз в книжках читал! Но одно дело — читать, а совсем другое — увидеть его собственными глазами, когда до этого ни разу не видел. В Цветограде, кстати, уже три месяца назад построили вокзал, из которого ходили поезда в Солнцеград, Травоград и Шоколадгород. Но вокзал был в другом конце города, и Никтошка туда еще пока не забредал.

Он стоял и любовался поездом. Вот до чего наука дошла! Какую прекрасную вещь сделали! «Как это я до сих пор ни разу не прокатился на поезде? — спрашивал себя Никтошка. — Ну что я за темнота, все давно транспортом пользуются, а я всё пешком хожу».

Так он и пропустил первый поезд, засмотревшись на него. А когда подошел следующий и открылись двери, Никтошка вошел в вагон и сел на лавочку. Он даже не представлял себе, куда поедет, и даже не знал, куда этот поезд вообще идет. Вокруг мелькало столько всего, что Никтошке оставалось только хлопать глазами. Что он и делал. Со всех сторон показывали рекламу. На стене напротив Никтошки паровая соковыжималка выжимала смородиновый сок, на потолке малянка в купальнике рассказывала что-то об огородных принадлежностях, а на полу лакомились мороженым гномы. Хорошо,

что громкость была не сильная, но поскольку в каждой рекламе говорили что-то свое, звуки смешивались, и разобрать, что там говорят, было невозможно. У Никтошки рябило в глазах.

— Осторожно, двери закрываются! — сказал скрипучий голос — не поймешь, то ли малянца, то ли малянки. — Следующая станция Первая цветочная.

ОТРЕЗВЛЕНИЕ

На сцену вышел Гнобик. На нем был элегантный коричневый костюм, сиреневая рубашка, в тон ей — сиреневые носки, торчащие из начищенных ботинок, и розовый галстук с вышитыми поросятами. Как известно, главный мясоед любил хорошо одеваться. Правда, на пиджаке его уже красовалось пятно от картофельного пюре, а на шляпе виднелся помидорный след. Вынув изо рта безникотиновую сигару, Гнобик взял микрофон.

— Я специально долго не хотел выступать, — сказал он. — Братья мясоеды простят меня за это. Я хотел посмотреть, чем всё это кончится. До чего дойдут вегетарианцы в своих фантазиях.

И, выпустив кольцо сигарного дыма, Гнобик многозначительно обвел взглядом ряды звержевцев.

— Вначале они сказали, что нельзя есть мясо, потому что для этого надо убивать животных. Потом они сказали, что нужно перестать отнимать у них яйца, молоко и шерсть. И вот теперь мне хотелось бы задать уважаемым Барвинке, Кнопочке и другим вопрос. Что будет, если все людишки на земле станут вегетарианцами? Такими, которые не едят мясо, яйца, творог, молоко и так далее и не носят шерстяные свитера и меховые шубы. Что станет, когда во всем мире людишки перестанут убивать животных и не будут у них забирать ни яйца, ни молоко, ни так далее? Пожалуйста, ответьте мне, я жду.

И Гнобик передал Барвинке микрофон.

— Что будет? — сказала Барвинка своим звонким голосом. — А вот что! Людишки перестанут быть дикарями, а животные станут наконец жить по-человечески. Они будут свободными, ничто не будет угрожать их жизни, они спокойно смогут растить своих детей, их не будут унижать, заставлять работать и насильно отбирать у них всё!

— Значит, животные будут счастливы? — спросил Гнобик так, словно сам удивился.

— Конечно! — ядовито ответила Барвинка.

Вложив в рот сигару, Гнобик выпустил еще одно большое кольцо дыма.

— Хорошо, — сказал он. — А как вы предлагаете всё это осуществить?

— Как осуществить? Господи, да проще простого! Перестать есть мясо, яйца и молоко — все эти продукты можно заменить растительными. Перестать носить меховые шубы и шерстяные свитера, а носить синтетику. Вот и всё.

— Всё?

— Да, это всё!

— А что делать со всеми коровами, свиньями, овцами, курами?

— Отпустить на все четыре стороны. Дать им свободу, ясно вам? Позволить самим решать свою судьбу!

Последние слова Барвинки потонули в овациях. Толпа вегетарианцев громко аплодировала.

— Bravo, Барвинка! — кричали они.

Гнобик подождал, пока крики стихнут и уточнил:

— То есть, если я вас правильно понял, вы предлагаете открыть коровники, хлева и курятники и выпустить оттуда всю скотину?

— Да.

— Хм... И что она тогда будет делать?

— Да какое мне дело до того, что она будет делать? — разозлилась Барвинка. — Что вы пристали? Будет делать всё, что ей захочется!

— Очень жаль, что вам нет дела, — сказал Гнобик. — А мне вот есть. И я вам сейчас расскажу, что станет с домашними животными, если вы выгоните их всех на улицу. Они умрут.

— Как это умрут? С какой такой стати они должны умирать, если людишки сами их не будут убивать, чтоб добыть мясо или мех?

— А с такой стати, что домашние животные не приспособлены для жизни на воле. Вы хотите выпустить кур в лес? Они не смогут там находить себе зёрна, они привыкли есть из кормушки. Зимой они погибнут от холода. Они привыкли жить в отопляемом курятнике. Цыплят заклюют коршуны, а кур утащит лиса. Вы хотите отпустить на свободу свиней? Пожалуйста. Всех их сожрут волки. А когда волки наедятся так, что не смогут даже передвигаться, свиньи начнутдохнуть от голода. Где, скажите на милость, они в лесу найдут те горы отрубей и картофельных очисток, которыми мы три раза в день наполняем их корыта? О коровах и говорить нечего. Эти станут легкой добычей хищников, потому что с таким огромным выменем, как у домашней коровы, бегать вообще невозможно. Да и они умрут еще раньше, ведь домашнюю корову надо доить три раза в день, а иначе у нее разорвется вымя! А коровы, насколько мне известно, пока еще не научились сами себя доить. В общем, милые вегетарианцы, вы предлагаете предать домашних животных лютой смерти, отпустив их на волю.

Барвинка на секунду задумалась...

— А мы... а мы не будем отпускать их на волю.

— Да? Как же насчет рабства? — съязвил Гнобик.

— А мы откроем им двери хлевов и курятников, но будем продолжать их кормить, обогревать, доить и так далее!

— Если вы откроете двери, глупые куры разбегутся, а свиньи переломают вам всю ферму. Коровы не найдут дорогу обратно в коровник — их, милочка, надо пасти. Они не знают, на какой луг идти жевать траву и во всем полагаются на пастуха. На то они и домашние коровы, а не дикие. И скажите на милость, а какой смысл тогда пастухам их пасти, дояркам — доить, птичницам — кормить этих самых кур, если мы у них не будем брать никакую продукцию? Это уже получается, что людишки станут рабами, а домашние животные — их хозяевами. Да к тому же, если не забирать у куриц яйца, а у свиней — мясо, их же с каждым днем будет становиться вся больше и больше. Свиньи-то размножаются! Сегодня их десять, завтра — сто, послезавтра — тысяча, потом миллион, и дальше что? Планета покроется свиньями и курами, а людишки будут бегать среди них, бесплатно кормить, доить и обогреть?

Барвинке вдруг показалось, что пол у нее под ногами покачнулся и стал прозрачным и далеким — словно она увидела центр земли.

— Что он говорит, что он говорит? — силясь что-то понять, шептала она.

Барвинка тряхнула головой — центр земли исчез, и пол снова стал непрозрачным. Она растерянно огляделась по сторонам.

— Он говорит, что вегетарианство технически невозможно, — грустно сказал кто-то из звержевцев.

Тут наконец до Барвинки дошло. Ее словно молотком по голове стукнуло. Только сейчас она поняла, какую кашу заварила. Оказывается, недостаточно было убедиться в том, что с научной точки зрения людишки могут прожить без мяса и даже без молока, шерсти и яиц. Они с Кнопочкой изучили этот вопрос со стороны людишек, но совершенно ничего не узнали про то, что происходит со стороны коров! О, как была права Кнопочка, когда говорила, что любой вопрос, любую задачу надо вначале хорошенько изучить и только потом, только потом уже браться за ее решение! Что же ей делать теперь? Как объяснить всем этим собравшимся толпам, что она просто головой как следует не подумала? Да ведь она перессорила весь город! Столько малянцев из-за нее передралось и понаставило друг другу фонарей под глазом! Столько ущерба она нанесла продуктовым магазинам, ресторанам, кафе! Репутация Кастрюли, шефа «Патиссона», безнадежно подмочена!

Где-то возле сцены все еще раздавалось куриное кудахтанье, но оно теперь Барвинку только раздражало. Надавать бы этой курице по ее глупой голове! Хотя ведь она, Барвинка, еще глупее! От этой мысли у нее перехватило дыхание и слезы выступили на глазах. Захотелось стукнуть саму себя кулаком по башке, и Барвинка едва сдержалась, чтобы не сделать этого.

А Гнобик, видно, нарочно молчал. Не сказал больше ни слова. Спокойно стоял и курил свою безникотиновую сигару. Барвинке хотелось думать, что он наслаждается эффектом от произнесенной им речи. Если и так, то, во всяком случае, делал он это тайно — на лице главного мясоеда не было и тени улыбки.

Барвинка стояла на сцене красная, как рак. Кнопочка опустила голову. Вегетарианцы чувствовали глубокое унижение. К чести мясоедов стоит сказать, что никому из них не пришло в голову дразнить своих врагов. Упавших на землю, как говорится, не добивают. Площадь молчала. Только где-то возле ног бронзовой Свободы послышался чей-то тоненький голосок:

— Разорвется вымя... какой кошмар! Зачем я сюда пришла? Я теперь целый месяц спать не буду!

Глава тридцатая

УСТАЛИ

Доктор Таблеткин уже ни о чем больше не думал. Получив от сошедшего со сцены Гнобика микрофон, он, тупо глядя на него, произнес:

— Слово нейтральной стороне. Герадокл...

У философа, несмотря на то, что он почти всю ночь гулял по городу и целый день простоял в своих сандалиях на площади, было полно сил.

— Граждане! — взбежал он на трибуну. — Мы еще не пришли к пониманию, что такое хорошо и что такое плохо! Хотелось бы рассмотреть этот вопрос с философской точки зрения. Некое животное родилось в свинарнике и прожило там свою жизнь, пока его не съели. Но ведь если бы людишки не ели животных, они бы их и не разводили, и наше животное вообще бы не родилось! Сам собой напрашивается философский вопрос: что лучше — жить полной жизнью и потом умереть или вообще не родиться? Сейчас животные хорошо питаются, их селят в теплые свинарники, где им не страшны волки и прочие хищники. Они счастливо там живут, правда, потом из них делают мясо. Но если все людишки откажутся от мяса, то никто не будет держать свиней, и они вообще перестанут рождаться! Как правильно тут заметил один оратор, мясо свињи намного вкуснее мяса хищников. Может, само небо уготовило свињям такой жребий, сделав их неповоротливыми и вкусными?

Герадокл многозначительно поднял палец вверх, и людишки невольно посмотрели на небо. В его высокой синеве клубились редкие облака, напоминавшие куриные перья.

— А может, в этом смысл жизни свињей? Перестаньте делать из свињи мясо, и вы отнимете у нее смысл жизни!

Рыболов Мормышкин, который все-таки не ушел на речку, подошел к стоящему у края сцены поросенку. Поросенок что-то ел из своего корыта, и видно было, что еда ему очень нравится. Выражение морды у него было довольное, и он даже тихонько похрюкивал. Маленький поросенок для людишки — как для нас бегемот. Мормышкин доходил ему примерно до середины брюха. Сошедший с трибуны Герадокл передал микрофон рыболову.

— Что, брат, скажешь? — почесал тот поросенка за ухом. — Лучше прожить веселую, интересную жизнь, как у тебя, и потом стать бифштексом, или вообще не родиться?

Поросенку понравилось, что его чешут — он благодарно захрюкал. Казалось, он даже улыбается.

— Он вполне доволен жизнью! — констатировал Мормышкин. — Думаю, животное даже не понимает, чего эти вегетарианцы от него хотят!

Все-таки Барвинка овладела собой и взяла микрофон. Солнце уже почти зашло за край дома, и только небольшой его кусочек освещал сцену сзади. Если бы лучи не слепили митингующих, они бы увидели, как плохо теперь выглядит предводитель вегетарианства. От длительного недосыпания у нее были огромные синяки под глазами, а от голода Барвинка едва держалась на ногах. Волосы у нее были всклокочены.

— Я согласна, — сказала Барвинка. Язык у нее заплетался. — Предложение Рояля чересчур... отказавшись от молочных продуктов... яиц, шерсти... мы сделаем существование животных... существование невозможным. Может... может, животные и не рабы вовсе. Конечно, мы забираем у них яйца и прочее... но взамен мы кормим, поим, пасем... защищаем... любим... гладим... обогреваем...

— Чего это с ней? — спросил у Натурика Конкретик.

— Не поймешь, чего говорит, — ответил Натурик. — Какую-то чепуху.

— Но всё же, — встрепнулась Барвинка. — Но всё же, всё же! Зачем же их убивать? Ведь можно найти компромисс!

— Ну какой, какой тут может быть компромисс? — крикнул кто-то из мясоедов. — Хватит уже компромисничать! Ужинать пора!

Но Барвинка не обратила на это внимания.

— Давайте продолжать яйца, — сказала она. — Есть яйца, пить молоко, носить мех. Но откажемся только от мяса! И тогда животные не будут страдать и будет всем хорошо! Вы здесь так цинично высказывались по поводу геройской смерти, но посмотрите на этого бедного поросенка и на этих несчастных цыплят! Разве вам их не жалко???

Наступил вечер. Солнце, которое во время открытия митинга светило в глаза ораторам, теперь слепило слушателей, а ораторов освещало со спины, и они казались какими-то странными силуэтами. Всю принесенную с собой еду и вегетарианцы, и мясоеды давно уже съели. Сидеть было не на чем, у всех болели ноги. Многие ныли и хотели расходиться, но активисты обеих сторон уговаривали их остаться.

— Нельзя же вот так просто взять — и сдать в последний момент! — говорили и те, и другие. — Митинг практически окончен. Сейчас Таблеткин произнесет заключительную речь.

Доктор Таблеткин действительно снова вышел на сцену и взял микрофон. Его слегка пошатывало. Белый халат врача был так забрызган кетчупом, словно он только что вышел из операционной, где вырезал какому-нибудь несчастному людишке аппендицит или грыжу.

— Гм... гм... — начал Таблеткин. — Мы выслушали мнение каждой из сторон. Больше, к сожалению, мы не можем дать никому высказаться. Да. Потому что скоро стемнеет, и пора будет ложиться спать. А мы еще не ужинали. Теперь нужно решить, что нам делать. Гм... во-первых, по моему, всем ясно, что отказываться от яиц, молока и... — доктор сделал неопределенный жест рукой, —

в данный момент невозможно. Может быть, в далеком будущем, но не сейчас. Надеюсь, со мной все согласны?

— Согласны! — прохрипели уставшие мясоеды.

— Ладно уж, согласны! — донеслось от вегетарианцев.

— Тогда нам остается решить только один вопрос. Что нам делать? Оставить всё как есть и спокойно продолжать есть мясо? Или все-таки ограничить нашу диету и употреблять меньше мясных блюд?

Хоть митингующие уже порядком устали, все-таки на площади снова поднялся шум.

— Ну, снова-здорово! — послышалось от вегетарианцев. — Оставить всё как есть! Для чего, спрашивается, было всё это затевать?

— Для того, чтобы вы убедились, какой вы бред придумали! — отвечали им мясоеды. — Чтобы вы наконец вылечились от мясособязни, которой вас две недели назад заразила сумасшедшая Барвинка, и стали нормальными людишками!

— Граждане! — сказал доктор Таблеткин. — Попрошу не ругаться! Время позднее, и все мы хотим разойтись по домам.

— Умный какой! — крикнул кто-то. — Он — по домам, а несчастных цыплят — в духовку!

Но Таблеткин пропустил это мимо ушей и сказал:

— Предлагаю голосовать! Кто за то, чтобы оставить всё как есть, прошу поднять руки!

В рядах мясоедов поднялся лес рук.

— А как мы их считать будем? — спросил Шмунька.

— Не надо пока считать! — ответил доктор. — Пока сравним приблизительно. Если увидим, что одних намного больше, чем других, то и считать не надо. Кто за то, чтобы от мяса отказаться?

Лес мясоедских рук с шелестом опустился, и похожий лес поднялся над вегетарианцами.

— Ничего не понимаю, — пробормотал доктор Таблеткин. — Слушай, Знайка... демократический способ что-то не работает. Получилось примерно пятьдесят на пятьдесят. Как же нам к компромиссу-то прийти? Что же делать?

Тут только людишки заметили, что Знайки на митинге не было. А он сидел за сценой в машине с тонированными стеклами и внимательно следил за происходящим.

— Кажется, пришло нам время сказать решающее слово, — обернулся Знайка к Напильнику, тоже сидевшему в машине на соседнем сидении. — Подержи-ка, — попросил он, передавая слесарю свой стакан с кофе. — Устал? — спросил Знайка изнемогшего Таблеткина, принимая у него микрофон.

— Нет слов, — ответил доктор. — Пойду, накапаю себе капель тридцать валерьянки.

Знайка покрутил в руках микрофон и, прищурившись, посмотрел на митингующих. Заходящее солнце слепило ему глаза. Костюм ученого, в сравнении с заляпанной горчицей, пюре и яичным желтком одеждой других выступавших, был безупречно чист. С минуту Знайка, казалось, изучал свою аудиторию, потом он скромно кашлянул в микрофон и сказал:

— Братья и сестры! Vegetарианцы и мясоеды! Все мы, прежде всего, людишки, и не просто людишки, а цивилизованные людишки. Поэтому любой вопрос мы должны решать цивилизованно, то есть, демократическим путем. А что такое демократический путь? Это компромисс. То есть, нахождение золотой середины. Или, выражаясь математическим языком, чтобы каждой из сторон было максимально хорошо и минимально плохо.

— Чего это еще такое — минимально-максимально! — закричал охотник Патрон. — Только математики с логикой нам тут не хватало! Знайка, говори по-человечески, а то нет сил слушать!

— Помолчи, Патрон! — ответили ему. — Не знаешь математики — значит, сам дурак. Дай другим послушать! Знайка, может, дело говорит, а мы, когда пойдем, тебе потом простыми словами расскажем.

Знайка немного помолчал, пока все утихнут, и продолжил:

— Когда две недели назад я услышал слова Барвинки о том, что мы убиваем животных, они поразили меня. Я и раньше, разумеется, знал, что из животных делают мясо, а для этого их предварительно убивают, но как-то не задумывался. И вот теперь задумался. И подумал: «Как же это все-таки нехорошо — убивать других, чтобы самому поесть! Как-то не по-человечески это, что ли, не по-людишечьи!»

— Чего ты нам тут мозги компостируешь! — закричал рассерженный Гнобик. — Ты, что ли, вегетарианцем заделался — так и скажи и голову не морочь!

— Не мешайте ему! — закричали возмущенные вегетарианцы. — Всё он правильно говорит.

— Поверьте! — воскликнул Знайка. — Я сам очень мясо люблю и — пусть уж простят меня уважаемые вегетарианцы — до сих пор его ем.

На эти Знайкины слова разочарованная толпа вегетарианцев ответила свистом и грубыми выкриками, и, если бы картофельное пюре и тухлые помидоры-черри давно не закончились, одними ругательствами и оскорблениями Знайке не отделаться бы. Но зато толпа мясоедов приветствовала ученого овацией.

— Наш человек! — кричали мясоеды.

— Конечно, ученый, понимает, что к чему!

А Знайка, снова дождавшись относительной тишины, продолжал:

— Друзья! Я не хочу морочить вам голову и затягивать свою речь, тем более, что вы устали. Я просто хочу вам всем сказать, что я решил вашу проблему. И знаю, как вас помирить. Я нашел способ, как есть мясо и не убивать животных!

Глава тридцать первая

ПОБЕДА

— Я нашел способ, как есть мясо и не убивать животных! — сказал Знайка.

В наступившей тишине послышался Пустомелин голос:

— Живьем их заглатывать, что ли?

Кто-то засмеялся, другие засвистели. Рассерженный доктор Таблеткин, на которого валерьянка, видимо, не очень подействовала, выхватил у Знайки микрофон и затопал ногами:

— Ну неужели нельзя помолчать пять минут и дать Знайке всё объяснить? Потом будете задавать вопросы!

— Я вам расскажу очень вкратце, — начал Знайка, — потому что вы устали. Только вы не перебивайте.

Над площадью потянуло ночным ветерком. Бедные собравшиеся подняли повыше свои воротники, у кого они были, другие засунули ладони под мышки, чтоб стало хоть капельку теплее, и все устало воззрились на Знайку.

— Что такое мясо? — спросил ученый.

И сам же ответил:

— Мясо — это мышцы животных. А мышцы сделаны из клеток. Откуда у коровы берется мясо, то есть, мышцы? Вначале корова очень маленькая, и такая корова называется теленок. Она ест траву и потихоньку растет, а вместе с ней растет и ее мясо. Пока всё понятно?

Знайка обвел глазами митингующих. Солнце уже зашло, и на крышах двух зданий зажглись многочисленные прожектора, которые освещали площадь.

— Чего уж там не понять? — послышалось из толпы.

— Теленок превращается в корову, пока всё ясно!

— Ну вот, — обрадованно продолжал Знайка. — А как у коровы растет мясо, то есть мышцы? А просто клеток, из которых они состоят, становится всё больше и больше. Когда теленок только родился, у него миллион клеток мяса, а когда он уже большая корова — их миллиард.

— Ого, неужели целый миллиард?

— Да-да. Клеток очень много, поэтому они такие маленькие. Клетки видно только в микроскоп, и ученые их очень хорошо изучили. Как мы до сих пор получали мясо? Кормили коров травой, их

клетки размножались, и мяса становилось всё больше. Потом мы корову убивали и забирали всё это мясо. Это, конечно, зверский способ — тут я с вегетарианцами полностью согласен. Но что было делать? Мясо-то надо есть — и тут я согласен с мясоедами. Но теперь наука дошла до того, что мы можем отказаться от варварства.

Знайка немного помолчал, дав слушателям переварить сказанное, и продолжил:

— До сегодняшнего дня мы ели мясо зверское. Не потому, что это мясо зверей. А потому, что мы его добывали зверским способом. И при этом вели себя как звери.

Знайка снова помолчал, чтобы его слова успели дойти до сознания людишек.

— А теперь мы все перейдем на гуманное мясо, — сказал он. — Для того, чтобы получать гуманное мясо, не надо никого убивать. Мы даже называть его будем по-новому! Гувядина, гурятина, гунина, — одним словом, гумясо!

И ученый радостно улыбнулся длинным рядам слушателей, уходящим в конец площади.

— Вот как, оказывается, сходят с ума, — сказал стоящий возле фонтана Плювакин. — А никто даже не подумает «скорую» вызвать. Людишке плохо — а этим хоть бы что! Знай себе смотрят представление — и на всё НАПЛЮ-ВАТЬ!

А Знайка тем временем говорил:

— Гуманное мясо, то есть, гумясо — это мясо будущего. А в будущем нет места убийству, поэтому мы будем получать гумясо гуманным путем. Вы, наверное, уже заинтригованы — откуда же мы будем брать это гуманное мясо без того, чтобы убивать животных или, как тут предложил Пустомеля, заглатывать их живьем?

Но никто ученому не ответил, и тогда он сказал:

— Мясные клетки коровы размножаются в самой корове. Тут всё просто и ясно и, казалось бы, абсолютно неизбежно. Но!

Тут Знайка выбросил руку вверх и крикнул в микрофон так, что стоявшие возле динамиков людишки, отшатнулись.

— Я открыл способ, как размножать их вне коровы! Их можно размножать в специальной биологической машине, которую я изобрел.

— Маразм крепчал, — подмигнул Плювакину Гнобик.

БИОЛОГИЧЕСКАЯ МАШИНА

— Какая еще машина? — зевнула Бигудинка. — Так бы и вылила ему на голову кастрюлю щей, чтоб не болтал невесть чего!

— Желательно тех, что как следует настоя-а-лись, — зевнула вслед за подругой Швабринка.

— Надо его как-нибудь к нам пригласить и проучить как следует, — сказала Сошка. — А то, вишь, как задаваться стал.

— Ага! — согласилась Швабринка. — Ты только на его костюм посмотри. Красавчик...

Вытиринка вздохнула:

— У тебя помидора случайно нет?

— Был бы, давно уж бы по назначению применила, — отозвалась Швабринка. — Стала бы я ждать у моря погоды...

А ученый, который, по счастью, не слышал этот разговор, увлеченно рассказывал слушателям о своем изобретении.

— Мы построили эту машину вместе с моими помощниками Молотком и Напильником, — говорил он. — Многие, может быть, не знают, что наши мастера Напильник и Молоток недавно окончили заочное обучение в солнцеградском университете и прошли стажировку. Теперь они уже не просто монтер и слесарь, а инженеры слесарно-монтажного дела. Но мы для краткости будем продолжать звать их просто слесарем и монтером, потому что так короче. Хотя и запомним, что они инженеры.

Дожидавшиеся этого момента Напильник и Молоток, одетые в блестящие кожаные куртки, выкатили на сцену какой-то огромный и, по-видимому, очень сложный агрегат. Он был размером почти с автомобиль. Ничего подобного людишки раньше не видели. Они вытягивали шеи, чтобы рассмотреть получше.

Машина была необычайной красоты. Ее стройные линии и округлые формы завораживали глаз. В самой середине у нее была большая шарообразная камера, сделанная из толстого стекла. Над этим шаром был укреплен насос, поршни которого то поднимались, то опускались. Казалось, машина дышала. От насоса к шару вели две прозрачные трубы. Видно было, как по одной в шар закачивается ярко-красная жидкость, а по другой из него вытекает жидкость темно-бордовая. Из насоса сбоку выходила еще одна трубка, и по ней темно-бордовая жидкость продвигалась дальше, в змеевик, извивавшийся внутри желтого полупрозрачного цилиндра, в котором что-то булькало. Пройдя по

змеевику, жидкость выходила из него уже снова ярко-красная и возвращалась в насос, а желтый цилиндр пускал в небо кольца неведомого дыма.

Рядом с насосом имелся также средних размеров бак с круглой дверцей, и от этого бака к шару вела еще одна прозрачная труба. По ней в шар опускалось что-то зеленое. В самом же стеклянном шаре постоянно бурлила и двигалась какая-то бесформенная масса. Сверху она была зеленоватая, к середине становилась коричневой, а внизу превращалась почти в черную, и оттуда эта чернота по трубе вытекала в металлический бак.

Людишки, стоявшие близко к сцене, могли разглядеть, что бурлящая масса вся пронизана тонкими трубками, по которым пульсирует все тот же красный раствор. Большая труба, по которой раствор затекал в шар, внутри него разветвлялась на три трубы поменьше, и эти, в свою очередь, ветвились еще и еще — словно там прорастал куст с тысячью тончайших алых веточек.

Машина звучно работала, а на самом ее верху находилось несколько компьютерных экранов, которые постоянно поворачивались в разные стороны. И вегетарианцы, и мясоеды, и те, кто не относил себя ни к первым, ни ко вторым, — все были поражены сложностью и совершенством этого уникального устройства.

— Вот это да... — слышалось в толпе.

— Ну Знайка дает!

— За две недели наворотить такую громадину...

— Гляди-ка, там и лазер какой-то светит!

— Фотоэлементы...

— Только посмотрите — там же всё регулируется компьютером!

— Тач-скрины!

— Трубки, наверно, все микросхемами и датчиками понапиханы!

— Да у этого людишки мозги мощнее, чем у всей площади Свободы вместе взятой! Пока тут все орут да сосисками швыряются, он сотворил такое...

Знайка был очень скромным людишкой. Сделав вид, что все эти высказывания к нему не относятся, он надел белый халат, взял лазерную указку и подошел к агрегату.

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Но я совсем забыл о Никтошке и Бабаяге, которые оба не пошли на митинг. Надо же было случиться такому совпадению, что, когда Никтошка решил прокатиться на метро, Бабаяга тоже отправилась туда! Выспавшись, она почувствовала себя гораздо лучше. Вот уже несколько суток подряд она почти не спала. Она так устала от вегетарианской работы! Еще вчера Бабаяге казалось, будто она лежит ничком на полу огромной комнаты, а на нее сверху, до самого потолка, навалены дела, дела, дела — так, что нельзя пошевелиться.

О, сейчас, сейчас она освободилась! Как это оказалось просто — она больше не вегетарианка и ей ничего не надо делать. Не надо рисовать плакаты, агитировать на улице, водить на веревке курицу с цыплятами, подсыпать кому-нибудь соль в обед да при этом еще и не есть мясо! Правда, Бабаяга и раньше-то его практически не ела. В Мерюкряке так жарко, что на мясо аппетита нет. Но сегодня, выспавшись как следует, иностранка достала из морозилки куриное крыло, разморозила его в микроволновке и приготовила себе роскошный обед.

Как же это было вкусно! Бабаяга ела и пыталась представить себе лицо другой курицы — той, которую она вчера водила по улицам на веревочке. И не могла. Курица была где-то далеко.

А потом она вышла гулять. Воздух был такой чистый, а улицы — такие свободные! В аллее Ромашек она сорвала несколько лепестков этих нежных цветов и прижала влажные лепестки к лицу.

Повернув на улицу Хризантем, Бабаяга оказалась возле станции метро. В Мерюкряке метро было уже давно, и Бабаяга к нему привыкла. Сейчас ей никуда не было нужно, но она соскучилась по метро. «Прокачусь», — решила малянка и спустилась по эскалатору на станцию.

Но Барвинка ошибалась, когда говорила, что можно доехать до площади Свободы на метро. Дело в том, что метро в Цветограде состояло пока только из одной станции. Другие пять станций были почти готовы, но их должны были открыть только через неделю. Некоторые читатели, наверное, скажут: «Ха-ха! Что это за метро с одной станцией? Такого в принципе не бывает! Для того, чтобы метро работало, нужно хотя бы две станции. А то куда же поезд будет ехать?»

Но это не совсем так. Поезд со станции, которая, кстати сказать, называлась «Первая цветочная», шел на нее же саму. Он выезжал в тоннель, проходил по нему довольно значительное расстояние, делал круг и оказывался снова на Первой цветочной, только на противоположной платформе. Машинист открывал двери, чтобы одни пассажиры могли выйти, другие — войти. Малянка со скрипучим голосом, сидевшая в кабине вместе с машинистом, объявляла в микрофон: «Осторожно, двери закрываются. Следующая станция — Первая цветочная». Машинист закрывал двери, и поезд снова трогался. Сделав огромный круг под землей, он опять приезжал на Первую цветочную — на этот раз снова к первой платформе. Потом опять открывал двери, закрывал — и так далее.

«Но тогда какой же смысл в таком поезде, который выезжает со станции и приезжает на нее же саму? — скажете вы. — Никакого смысла нет!»

Лично я тоже так считаю. Смысла нет. Но, несмотря на полное отсутствие смысла, Первая цветочная станция пользовалась среди цветоградцев огромной популярностью! Ее открыли только позавчера, а тридцать четыре тысячи людишек уже успели прокатиться. С раннего утра до позднего вечера поезда ходили набитые битком, и только из-за сегодняшнего митинга станция пустовала.

— Вот так и вся наша жизнь, — сказала философ Герадокл, который тоже проехался на этом поезде. — Течет по кругу, как и это метро, безо всякого смысла. Тебе кажется, что ты куда-то идешь, а на самом деле ты возвращаешься в ту же точку, из которой вышел.

И он раздал своим друзьям бумажки с загадочной надписью:

ЧТО ОТКУДА ВЫТЕКАЕТ — ТО ТУДА И ВТЕКАЕТ

Только никто их читать не стал.

— Не до философствований теперь, — говорили ему, имея в виду вегетарианские дела. — Видишь, что делается?

— Потому оно и делается, что живете, не задумываясь над жизнью своей, — отвечал им Герадокл, но они лишь отмахивались.

Философ не расстраивался. Он сделал несколько сотен кругов на этом поезде и всё размышлял и размышлял.

— Это ничего, — говорил он попутчикам в вагоне. — Вы просто не видите, что движетесь по кругу, потому что он слишком большой для того, чтобы вы его увидели. И скоро вы придете в ту же точку, из которой вышли. Но тогда вы уже забудете то, откуда вышли, и не поймете, что пришли в то же самое место. И всё начнется с самого начала.

— Надо же, как здесь красиво! — поразилась иностранка, спустившись по эскалатору на станцию.

В Мерюкряке станции самые обычные — без колонн, без украшений, безо всяких экранов. Реклама просто наклеена на стены, покрытые к тому же разными рисунками да каракулями, которые малюет всякий кому не лень.

Пока Бабаяга оглядывалась по сторонам, двери поезда закрылись.

— Подумаешь, другой придет, — сказала она себе. — Я же никуда не спешу.

И тут, за стеклянной дверью с надписью «ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ПРИСЛОНЯЙТЕСЬ», увидела знакомое лицо. Она сейчас же узнала малянца в синем шарфике и живо всё вспомнила. Ведь этим летом она пошла купаться на речку, сорвалась с тарзанки, и ее засосало в болото. Она потеряла сознание, а очнувшись, поняла, что висит вниз головой на дереве. Но не все ли равно, вниз или вверх головой она висела — главное, что этот малянец в синем шарфике спас ее от верной смерти! У него был такой умный взгляд, а с шарфика текла вода. Он спас ее из болота...

— Эй! — закричала Бабаяга, подбегая к поезду. — Эй!

Но поезд уже тронулся, а малянец не видел нее. Это был, конечно же, Никтошка. Он как раз в это время читал надпись «ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ПРИСЛОНЯЙТЕСЬ» и не заметил, что за стеклом кто-то размахивает руками.

ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ПРИСЛОНЯЙТЕСЬ

— Почему? — спросил Никтошка. — А что будет, если я прислонюсь?

И тут он увидел, что за стеклом как будто что-то промелькнуло. Он поднял глаза, когда поезд уже разогнался, и ему показалось, что на станции ему кто-то машет. Но поезд нырнул в туннель, и Никтошка забыл про это. Он смотрел на тянущиеся вдоль стены тоннеля провода, как они то сползают вниз, то взбираются высоко, а потом оттуда снова прыгают вниз.

Бабаяга пробежала за поездом несколько шагов и остановилась. Она не могла дождаться, когда придет следующий, и нетерпеливо поглядывала в черный туннель.

— Ну где же он?! — кусала губы иностранка. — Скорее!

Она топнула ногой. Свет на станции менялся каждую минуту. Недавно она была голубая, потом стала зеленая, а теперь стены и пол залило желтой краской. Эта смена цвета достигалась специальными движущимися прожекторами со светофильтрами.

Бабаяга глубоко вдохнула воздух, наполненный электрическими запахами проводов и моторов. Она обязательно должна встретиться с этим малянцем! Ведь, кроме него, у нее в этом городе теперь никого нет. Обоих подруг она потеряла сегодня утром, а больше никого, больше никого...

Она слышала — пришел поезд на противоположной платформе, а ее все никак не подходил. Наконец он подошел, и Бабаяга впрыгнула в вагон. Зашло еще несколько людишек.

— Осторожно, двери закрываются, — проскрипело из динамиков. — Следующая станция Первая цветочная.

«Что за ржавый голос такой? — подумала иностранка. — Они что, не смазывают свой микрофон, что ли?»

На следующей станции она высунулась из вагона и оглядела платформу. Малянца с шарфиком нигде не было видно.

Нет более бессмысленного занятия, чем пытаться поймать кого-то, за кем уже захлопнулись двери метро. Едва дождавшись следующего поезда, вы вбегаете в вагон с надеждой догнать вашего приятеля. Вы, конечно же, надеетесь, что он будет вас ждать на следующей станции, и выскакиваете на ней. Пока вы заглядывали за каждую колонну, ушел еще один поезд, и вы теперь еще дальше от своего друга. Оббегав станцию, вы наконец влетаете в подошедший поезд и мчитесь дальше. На следующей станции вы снова пытаетесь искать его — но безуспешно. Надо ли говорить, что шансы на успех у вас нулевые?

— Осторожно, двери закрываются, — объявил поезд, и Бабаяга выскочила на платформу.

«Вдруг он вышел здесь?» — подумала она.

Пробежала между колонн, которые были в форме пальм с длинными зелеными листьями и гроздьями оранжевых фиников. По финикам прыгали попугаи и клевали их. Всё это — и пальмы, и попугаи, — было, разумеется, не настоящее, их показывали экраны.

— Где же он, где?! — спрашивала себя иностранка.

К эскалатору, оживленно беседуя, шли двое людишек: один полноватый, низенький и абсолютно лысый, другой — худой, страшно высокий и волосатый. Волосы доходили волосатому до пояса и, когда он раскачивался при ходьбе, подметали лысину лысого. Бабаяга побежала за ними.

— Хе-хе, уважаемый коллега, — говорил низенький лысый. — Я вот изучаю скелеты разных ископаемых животных. Косточки, черепушечки. И насчет нежвачных парнокопытных могу кое-что сказать...

Он остановился и почесал свою гладкую, как помидор, голову. Это был профессор Черепок — тот самый, который пытался вставить свое слово на митинге во время речи охотника Патрона. Недовольный, что ему не дали выступить, палеонтолог покинул площадь вместе со своим другом, генетиком Геней. «И зачем мы туда вообще пошли? — сердился профессор. — Только время потеряли».

Вчера за городом был найден череп ископаемого пингвина. Профессор с самого утра собирался заняться этим черепом, но Гена уговорил его пойти на митинг. Черепок оказался противником вегетарианства.

— Кто-нибудь, уважаемый коллега, задавался вопросом: а может ли свинья вообще жить иначе? — слышался голос профессора, еще более скрипучий, чем тот, что объявлял станции. — А вдруг, если ее вовремя не съест волк или человек, она одряхлеет? Приобретет множество мучительных болезней? И будет тяжело страдать?

Подойдя к эскалатору, Черепок в нерешительности остановился, но огромный генетик поднял его под мышки и поставил на движущуюся лестницу. Профессор поехал и продолжал:

— С печальных хрюканьем станет она обращаться к людишкам, чтобы они ее съели, но те не поймут ее. Ведь все они будут вегетарианцами! А может, для свиньи умереть вовремя и есть настоящее счастье? Как, например, для древних воинов было счастьем пасть в бою. Я, уважаемый коллега, заявляю вам как специалист: девяносто девять процентов ископаемых свиных костей принадлежат свиньям съеденным, а не умершим естественной смертью! О чем, уважаемый коллега, это говорит? Это говорит о том, что свиньи предпочитают насильственную смерть смерти естественной. Да-с, к этому они пришли в результате долгой, хм... мучительной эволюции.

«Везде одно и то же!» — с досадой подумала Бабаяга, услышав, о чем говорят эти двое.

Пробежав мимо них, она сделала несколько шагов по эскалатору и заглянула вверх, но больше никого на эскалаторе не было.

«Наверно, он не выходил на этой станции», — решила Бабаяга и проворно сбежала вниз, против хода.

Тут как раз снова подошел поезд, и она успела вскочить в него. «Поедем дальше, — подумала иностранка. — Может, на следующей станции больше повезет». Ей ужасно хотелось встретиться со своим спасителем. Почему — она и сама не знала. Она ведь была с ним совершенно не знакома, не знала даже его имени, но ей почему-то представлялось, что он ее самый близкий друг.

Бабаяга была так возбуждена, что не заметила, как скрипучий голос опять объявил ту же самую станцию: Первую цветочную. Снова выбежала она на платформу, снова поспешила к эскалатору — на этот раз он был не слева, как на прошлой станции, а справа. Станция-то было та же, но Бабаяга ведь приехала на противоположную платформу и с другой стороны! А вместо пальм с попугаями громоздились к самому потолку ледяные горы Антарктиды. На эти горы карабкались моржи с огромными черными клыками, а навстречу им, сверху вниз катились по склонам пингвины. Вот до какой путаницы могут довести дизайнеры и архитекторы, если они думают только о том, как произвести впечатление! Ведь, прежде всего, нужно, чтобы всё было понятно. Но метро в Цветограде было делом новым, и дизайнерам очень хотелось всех удивить. Ну, это-то им вполне удалось.

Бабаяга так ничего и не поняла кроме того, что она своего спасителя упустила. Он мог выйти на этой станции, на следующей, а мог и на третьей или на четвертой, да еще и перейти на другую линию и поехать по ней невесть куда. Она ведь не знала, сколько станций в цветоградском метрополитене, а посмотреть схему метро ей почему-то не пришло в голову. Да она была так расстроена, что даже не стала эту схему искать, хотя такие схемы висят обычно в метрополитене повсюду. Но она вспомнила об этом только на следующий день.

А Никтошка, проехав всего одну станцию и оказавшись на той же самой Первой цветочной, выпрыгнул из вагона и побежал по эскалатору наверх. Когда он вышел из поезда, вокруг оказалось открытое космическое пространство с миллионами звезд и межгалактическими кораблями, проплывавшими над Никтошкиной головой.

— Какая красота! — восхитился Никтошка.

Ну разве кто-нибудь понял бы, что это то же самое место? Да и вообще, читатель, сами подумайте — когда вы садитесь в поезд, можете ли вы предположить, что приедете на ту же самую станцию, откуда уехали?

Никтошка как раз вышел из вагона, когда Бабаяга села во встречный поезд, который уже набрал скорость. Черный тоннель словно гигантскую макаронину с грохотом всосал в себя поезд с Бабаягой.

— Где это мы с тобой, а Вилка? — спросил Никтошка, очутившись на улице.

— Вроде, улица Хризантем, — сказал Вилка, увидев табличку на доме.

А они с Никтошкой уже и забыли, с какой улицы в метро спустились. Таким уж Никтошка был рассеянным людишкой. Да и Вилка тоже. Набегавшись по станции и наездившись в поезде, Бабаяга тоже вышла, наконец, из метро. Это было через десять минут после того, как Никтошка, болтая с Вилкой, повернул на бульвар Кактусов, а оттуда — на улицу Росянок. Иностранка грустно поплелась в сторону парка Кувшинок.

ГУМАНОМЯС

Пока людишки выкрикивали похвалы в его адрес, Знайка стоял, скромно потупившись, сбоку от биологической машины. Когда крики наконец стихли, ученый вышел вперед и стал объяснять ее устройство.

— Эта машина называется Гуманомяс, — сказал ученый, — потому что она производит гуманное мясо. Вот тут дверца, через которую мы закладываем обыкновенную траву.

Специальными щипцами Знайка взял из принесенной Напильником и Молотком бадьи пучок травы, открыл круглую дверцу и положил траву внутрь. Зрители глядели во все глаза, и те, кому было плохо видно, поднялись на цыпочки. А малянка Комета, сидевшая на шее у астронома Звёздина, стукнула его по темени, чтобы стоял ровно и не шатался.

— Тут находится миксер, — объяснял ученый. — В нем трава перемалывается и перетирается на мелкие кусочки и затем вот по этой трубке поступает в рабочую камеру.

Знайка показал на главный стеклянный шар.

— Мы специально сделали большинство частей Гуманомяса прозрачными. Так нашим инженерам удобно наблюдать за тем, что происходит внутри. Любая неполадка сразу же видна глазу.

Знайка посветил лазерной указкой в сложное нутро машины.

— Вот отсюда подаются бактерии, — показал он. — Как известно, в желудке коровы живет пятнадцать килограммов бактерий. Их задача — разрушить клетки, из которых сделана трава, и освободить питательные вещества. Нам хватает всего одного килограмма бактерий.

Зажав указку под мышкой, Знайка поправил волосы и надел очки поглубже на нос.

— Во всех этих трубках, и правда, установлено множество фотоэлементов, — сказал он, — а также миниатюрных видеокамер. Фотоэлементы помогают компьютеру контролировать скорость и густоту потока в каждой трубке. А видеокамеры передают цвет жидкостей до мельчайших оттенков. Если цвет изменится и станет не таким, как нужно, компьютер сейчас же примет это к сведению и увеличит или уменьшит скорость подачи нужного ингредиента.

— Понял? Индергаента, — хлопнул Разиню по спине Конкретик.

— Например, если раствор в этих трубках, — продолжал ученый, — станет менее ярко-красный или, точнее, более темно-красный, это значит, уменьшилось содержание кислорода. Без кислорода мясные клетки могут задохнуться и погибнуть. Компьютер немедленно отреагирует и увеличит подаваемую на насос мощность. Насос станет быстрее качать, и кислород восстановится.

Знайка сделал паузу.

— Это понятно? — спросил он.

Людишки смотрели, как замороженные.

— А откуда этот кислород берется? — с умным видом спросил стоявший возле сцены Вилик.

— Кислород берется оттуда, откуда и мы с вами его берем, — пояснил ученый. — Из воздуха. Для этого-то нам и нужен насос — чтобы закачивать воздух внутрь Гуманомяса. А доставляют кислород в каждую мясную клетку особые молекулы — гемоглобины, разносимые по смеси трёхстами тысячами тончайших капиллярных трубочек.

— Неужели триста тысяч? — спросил кто-то.

— А вы как думали? — сказал Знайка. — Кислород каждой клетке нужен, а в молекуле гемоглобина есть свободное железо. Его атом присоединяет кислород...

— А... — протянул Вилик. — Понятно! — Хотя он ровным счетом ничего не понял.

— Ну вот, — продолжал Знайка. — А вот в этом желтом змеевике происходит отделение рабочего субстрата от фильтрата, в результате чего очищенный экстракт снова попадает в рабочую камеру. Это, надеюсь, понятно? А змеевик нужен, чтобы обеспечивать необходимую теплоотдачу во время химической реакции, чтобы третичная структура белка не теряла вращательную энергию...

В это время у Таблеткина, стоявшего близко к микрофону, заурчало в животе, и этот звук, усиленный мощными динамиками, пронесся над площадью. Голодные вегетарианцы вздохнули. Их, конечно же, поразило совершенство Знайкиной машины. «Но такое количество умных слов на пустой желудок, — думала про себя Кнопочка, — это уж слишком. Мои мясные клетки сейчас упадут в голодный обморок».

— Переваренные бактериями питательные вещества, — слышалось из динамиков, — поступают в рабочий объем главного шара, в котором размножаются мясные клетки. Клетки поглощают витамины. От этого они размножаются, и мяса становится всё больше. Но, на самом деле это пока еще не мясо, а, так сказать, обогащенная субстанция. Обогатившись как следует в основной камере, она продвигается в толстый змеевик. Вот он. Видно? Оператор, дайте зум.

Я забыл сказать, что сидевший на крыше дома телевизионный оператор снимал на громадную видеокамеру всё, что происходило на площади. Телепередача шла в прямой эфир, и ее показывали не только в Цветограде, но и в Солнцеграде, и в Шоколадгороде. Изображение также проецировалось на два больших экрана, находящихся по бокам сцены, так что даже тем, кто стоял очень далеко, всё было видно крупным планом.

— Ну вот, — продолжал Знайка. — Толстый змеевик плавно переходит в тонкий. Тут происходит уже настоящее формирование мяса. Я бы даже сказал — волшебное превращение. Потому

что до сих пор это было еще совсем не мясо, а на выходе оно станет практически совершенно мясом. Таким, что не отличишь от коровьего или свиного. Я потом расскажу, как мы задаем компьютеру, мясо какого животного производить. Кабана или цыпленка. Это всё определяется молекулой ДНК.

Ученый на минуту оторвал взгляд от Гуманомяса, переводя дух, и обернулся к слушателям. Все они страшно устали. Многие втихаря покинули площадь и, радостные, убежали по переулкам. Другие спали, прислонившись друг к другу или к тому, кто не спал. Третьи, чтобы не заснуть, освежались ледяной кока-колой, разносимой между рядами неумолимым Сиропычем — барменом ресторана «Патиссон». Но были и такие, кто, тараща глаза, жадно ловил каждое слово ученого, старался во всем разобраться и понять, как действует это поразительное чудо техники. Коровы, кстати, тоже уснули.

Но Знайка никого из стоящих перед ним все равно не видел, потому что, во-первых, прожектора, освещавшие сцену, светили ему прямо в лицо. А во-вторых, стекла его очков — то ли из-за того, что он перед выступлением нечаянно взял их пальцами, то ли потому, что сильно вспотел — были покрыты плотными жирными пятнами, и поэтому ученый видел перед собой только огромные радужные круги.

— И наконец последний этап, — гремел из динамиков его голос. — Субстанция, которая уже имеет практически полное право называться мясом, попадает вот в эту прямую трубу вниз. Ее стенки сделаны из специального пористого вещества — промакнина. Это вещество освобождает чрезмерно жидкое мясо от излишней жидкости. И вот, уважаемые коллеги, наше мясо уже совершенно готово к выходу. Еще какая-нибудь пара минут — и мы его увидим! — торжественно возвестил ученый.

— Поскорей бы, — вздохнул кто-то.

— Я лично уже вообще не понимаю, что тут происходит, — прогудела Бигудинка, сложив рупором руки.

— Сейчас поймете, — радостно отозвался ученый, услышав ее слова. — Осталось совсем чуть-чуть, и вы увидите... Ведь избыточное мясо отходит через нижний рукав, накапливаясь в отстойном отсеке. Там же с помощью специальных механизмов готовому продукту придается необходимая форма. Вы сами можете задать компьютеру, в каком виде хотите получить мясо на выходе — отбивная, котлета, шашлык, ростбиф, стейк, сарделька, сосиска и так далее. Компьютер подключен к Интернету, и вы можете скачать оттуда название любого мясного продукта, какого только пожелаете. Дополнительные ингредиенты и добавки загружаются вот через это отверстие.

Знайка зашел с левого бока машины, чтобы показать нужное отверстие, но никак не мог его найти.

— Где ж это оно? Напильник, куда оно делось?

Всходила луна. Она выглянула между башенок двух старинных домов. Глядя на луну, те, кто еще не спал, зевали. Ученый нагнулся и пролез под шлангом Гуманомяса — упругим и длинным, словно хобот слона.

— Черт, кажется, забыли проделать дырку там, откуда засыпаются специи, — сказал наконец Знайка. — Но это ничего. Считайте, что она уже есть. Да. Специи, такие, как соль, перец или, там, тмин... можно засыпать в эту несуществующую дырку.

Знайка снял запотевшие очки, вытащил из кармана тряпочку и стал протирать стекла. Но сколько он их ни тер — пятна не проходили, а мелкие капельки воды из-за слоя жира сбивались в кучки и не хотели впитываться в ткань. «Сюда бы горячую воду и мыло, — подумал ученый. — А всухую тереть жир совершенно бесполезно». Он вздохнул, потом убрал тряпочку в карман пиджака и, надев очки, сказал:

— Так вот. Когда объем выработанного мяса достигает заданной нормы, компьютер включает звуковой сигнал и вот здесь начинает действовать мигалка.

В этот момент мигалка как раз замигала и сработал звуковой сигнал, оказавшийся приятным мелодичным звуком.

— Как вы видите, сейчас она мигает, а звуковой сигнал пищит — значит, мясо готово к выходу. Теперь мы откроем выходную дверцу, и оно полезет. Молоток, подай, пожалуйста, приемный таз.

— Неужели оттуда может выйти настоящее мясо? — пискнула Галочка.

Сонные людишки встрепенились и вытянули шеи, чтобы получше разглядеть машинное мясо. У вегетарианцев, не бравших в рот мяса уже целых две недели, потекли слюнки. В толпе послышался шелест.

— Вот оно! — раздалось возле сцены.

— На подходе! — радостно крикнул Пустомеля.

— Не видно! — кричали сзади.

— Оператор, зум! — командовал Знайка.

На телевизионном экране появилось огромное отверстие трубы. Рядом плясал в руках Молотка приемный таз — монтера сильно толкали напивавшие людишки. Площадь проснулась и загудела. Вначале низенькие старинные дома, а за ними высокие современные здания отразили прокатившееся над толпами «ура». На дно таза шлепнулась первая готовая котлета. За ней из отверстия трубы выскочило несколько фрикаделек, потом отбивная. Следом посыпались сардельки. Гуманомяс раскошегарился. Он питался электричеством от той же сети, с помощью которой освещали площадь, и свет прожекторов померк, а некоторые из них замигали — электропитания явно не хватало. Внутри рабочего шара всю бурлила и пульсировала ярко-красная жидкость. Превращаясь в бордовую, она

затягивалась в насос, а оттуда — в змеевик. К небу поднимались густые клубы пара. Это была смесь углекислого газа, аммиака, сероводорода и других газов — продуктов жизнедеятельности бактерий. На компьютерных экранах сменялись названия готовых к выходу продуктов: БИФСШТЕКС, ШАШЛЫК, ЭСКАЛОП. Молоток едва успевал менять приемные тазы. Труба хлестала водопадом сосисек.

Усталость как рукой сняло! И вегетарианцы, и мясоеды дружно ревели «ура». Они словно соревновались, кто громче, перекрывая своим криком слова Знайки.

— Я заранее угадал, какой вопрос вы сейчас зададите! — весело говорил ученый, которого уже никто не слушал. — Поэтому сразу же на него и отвечу. Нет, мы не производим ни вареный гуляш, ни жареный бифштекс, хотя могли бы. Наша цель — мясо сырое и только сырое. А варить, жарить, печь его, мариновать, накалывать на шомпурчик, разводить мангальчик, раздувать уголёчек — этого удовольствия мы ни у кого забирать не будем!

Наконец слесарь Напильник, опасаясь, как бы машина не перетрудилась, направил на нее пульт дистанционного управления и перевел агрегат в спящий режим. Последняя палка ливерной колбасы вылетела из выходной трубы, и на всех экранах машины загорелась надпись: ОТБОЙ, а под ней — компьютерная улыбка. Неожиданно из динамика, находящегося в верхней части Гуманомяса, послышался добродушный бас:

— Приятного аппетита!

Участники митинга вздрогнули от неожиданности и ненадолго замолчали.

Глава тридцать четвертая с половиной

ГУМАННЫЙ УЖИН

Знайка отошел, чтобы выпить стакан воды и в приспособленной за сценой раковине промыть, наконец, с мылом стекла своих очков. Таблеткин взял микрофон.

— Уважаемые маляницы и малянки! — сказал он. — Как мне тут только что сообщили, производство ста пятидесяти килограммов мяса в Гуманомясе занимает всего два месяца. Сто пятьдесят килограммов соответствует одной корове, и тысяча людишек может питаться этим количеством мяса целый год! Сделав десяток таких машин, мы обеспечим мясом весь Цветоград. Отпадет надобность убивать коров, свиней, кур, гусей и прочую живность. Мы перестанем быть варварами и убийцами, а станем цивилизованными людишками, которые уважают права всех демократических жителей нашей планеты. Кажется, цель сегодняшней встречи достигнута. Мы пришли к полному компромиссу. Демократический путь победил!

Людишки кричали «ура» и, выражая свою радость, бросали в воздух — кто шапки, кто куртки, а кто остатки плакатов, которые и вегетарианцы, и мясоеды только что дружно разорвали на мелкие кусочки. Многие от восторга прыгали на месте, малянки целовали малянцев, все обнимали друг друга. Плювакин от счастья бросился в фонтан и плавал там, разгребая воду и отплевываясь, словно кит.

— Какой же он добрый! — кричала малянка Галочка. — Он никого не убивает да еще и всех мясом бесплатно кормит. Он дает доброе мясо!

Ниточка, за которую она держала воздушный шарик с фотографией поросенка, выскользнула у нее из пальцев, и поросенок понесся в ночную высь...

— Давайте будем его звать Добромяс! — предложил кто-то.

— Точно, Добромяс, Добромяс! — закричали отовсюду.

— Да здравствует Добромяс!

— Ура Добромясу!

Какой-то начинающий поэт (не Пёрышкин, а другой, никому не известный) уже сочинил стихи, и их тут же подхватили остальные людишки:

Добромяс, Добромяс,

Ты прекраснее всех нас!

А Добромяс скромно улыбался своим компьютерными экранами.

— Уважаемые людишки! — пытался перекричать толпу схвативший микрофон Кастрюля. — Оказывается, замечательный Добромяс, кроме вот этого вот нового мяса, еще вчера напроизвёл целую кучу разнообразного мяса! Оно лежало в хладохранилище на улице Незабудок и вот теперь доставлено на двух грузовиках сюда. Я и сам не знал — они всё это держали в секрете и рассказали только сейчас! А я на этой самой сцене буду сейчас для вас жарить машинное мясо! И все желающие смогут его попробовать! Убедитесь, что оно не только не хуже, но и лучше мяса живых... то есть убитых коров и свиней. Потому что у нашего нового мяса нет никаких костей! Оно содержит разные вкусовые добавки и дополнительные витамины!

На сцену внесли девять огромных мангалов. Натурик и Конкретик быстро разожгли угли, и повар Кастрюля стал накладывать на решетки первые порции убитого мяса.

А фермеры Вруша и Правдюша уже начали тем временем уводить с площади коров. Этим процессом руководил инженер Штангель Циркуль. При этом он громко кричал на животных, но невозмутимые Мышуня и Ласточка не обращали на него никакого внимания.

— Интересно, — в задумчивости произнес Гнобик, провожая взглядом Мышуню. — А может Добромьяс, наоборот — из мяса производить траву?

НИКОМУ НЕ НУЖНА

Барвинка потихоньку покинула площадь Свободы. Она всё оглядывалась на Кнопочку, но та — то ли притворялась, что не замечает подругу, то ли в самом деле игнорировала ее. Секретарь ЗВЕРЖа радостно размахивала руками и смеялась, слушая поэта.

Барвинка ушла через узкий переулочек, так что ее никто не заметил. Председатель ЗВЕРЖа чувствовала себя словно выжатый лимон. Она ничего не ела с утра, и у нее безумно болела голова. Господи, как же она устала! Всё это было не для чего, ни к чему. Весь город из-за нее передрался, а что из того? Хорошо, что Знайка такой умный и ему удалось изобрести эту машину всего за две недели. Хоть для людишек две недели — как для человека полгода, но все-таки...

А ведь она хотела как лучше, как лучше! Ведь честно старалась добиться справедливости, защитить несчастных животных, старалась изо всех сил! Барвинка всхлипнула.

— Ну *что* мне с собой делать, что? — спрашивала она себя в пустом проходе между домами, и темные стены гулко отражали ее голос, как бы говоря: «Ничего не слышим! Ничего не хотим слушать!»

Сюда не выходило ни одного окна. Барвинка едва удерживалась от слез. Казалось, этот мрачный переулок вот-вот наполнится плачем бедной вегетарианки.

— Я ничего не знаю, книг прочла мало, — жаловалась она в темноту. — Как же все-таки... тяжело их читать.

Она с трудом сдерживала рыдания.

— А у меня огромное желание делать что-нибудь полезное для всех... Но оказывается... оказывается... чтобы что-то такое делать, нужно быть образованным... Как Знайка. Обо всем знать.

С этими полчищами слез — так и ползущих, так и лезущих из каждой щели между ресницами — было просто невозможно бороться. Их становилось все больше и больше, и сколько она ни крепилась, сколько ни шмыгала носом и ни трясла головой — ничего не помогало. И Барвинка наконец заплакала.

Она села на корточки, прислонившись к холодной стене. Сидела и плакала, и плакала... И пока она плакала, настроение у нее менялось.

— Кто ты такая, и кому ты нужна? — неожиданно спросила малянка саму себя. — Ты дура, ясно, ты кто? Просто дура, самая обыкновенная, которая ни черта не знает, а только дурачит других!

Как же она вдруг разозлилась! На саму себя... Вскочила и стукнула себя кулаком по лбу — со всей силы. А потом еще — со всего размаха — по затылку. До сих пор голова у нее просто болела, а теперь заболела *так*, что, казалось, вот-вот расколется.

— Вот и хорошо, — сказала Барвинка, пошатываясь. — И пусть расколется. А теперь еще по уху.

И она размахнулась и треснула саму себя по левому уху. В ухе что-то стрельнуло, и неожиданно голова перестала болеть.

— Х-ха! — рассмеялась Барвинка. — Видишь, какая она у тебя пустая? Долбанул с одного края — откликнулось с другого. Просто чайник!

Ей вдруг стало почему-то весело.

— Ну и что, что дура? Мало ли таких дур? Полный Цветоград! Только притворяются, что они не дуры, а на самом деле одна дурней другой! Только посмотри на них: дура на дуре сидит и дурой погоняет! Дурачье! Да неужели же эта бабаягушка-смазлюшка умнее меня? В *сто* раз глупее! Она даже если университет закончит — и тогда будет... может, раз еще в пять меня глупей.

Барвинке стало так радостно, что она засмеялась. Но, посмеявшись немного, успокоилась. «И чего такую сырость развела?» — подумала она.

Слез было столько, что она набрала их полные пригоршни и умыла лицо. Даже на уши и шею хватило.

— Буду учиться! — решила Барвинка.

Вытерла футболкой слезы и подняла голову.

— Да! Пусть на учебу уйдет время. Быть может, недели! Или даже месяцы... Но зато, выучившись, я буду всё знать и смогу сделать многое. Она сжала кулаки. Я добьюсь... добьюсь, — шептала Барвинка, ударяя кулаком в замшелую стену дома. Наконец она совсем успокоилась и пошла дальше.

Глава тридцать пятая с половиной

КОМУ-ТО ВСЕ-ТАКИ НУЖНА

Пройдя темный переулочек, Барвинка вышла на широкую улицу Тюльпанов. Тут было полно народу. Людишки шли с площади, обнимаясь, целуясь и весело беседуя между собой. Только Барвинку никто не целовал. А ей на это было совершенно наплевать. Она шла, ничего не замечая, и думала только о том, как завтра же начнет учиться. Пойдет в библиотеку, наберет там целую кучу книг и станет читать. А потом сдаст экзамены и поступит в университет.

Вдруг ее окликнули. Она подняла голову и увидела Пустомеля. Пустомеля сидел за одним из вынесенных на улицу столов ресторана «Лёляки баб».левой рукой бывший звержевец обнимал своего друга — яркого мясоеда Шмуньку, с которым они только что помирились. В правой — держал вилку, на которую была наколота большущая котлета.

— Эй, Барвинка, иди к нам! — позвал Пустомеля, помахивая котлетой.

Барвинка встрепенулась.

— Как ты можешь! — с отвращением плюнула она. — Ведь ты только что был вегетарианцем.

— Я и сейчас вегетарианец. В том смысле, что я против убийства животных.

— Но ведь ты сейчас сам ешь мясо убитого животного! — закричала Барвинка.

В ее черных глазах горел гнев. Ей очень хотелось дать Пустомеле пощечину, и она едва сдерживалась, глядя на его жирные губы. Пустомеля почувствовал себя неловко. Он вытер губы салфеткой.

— Или эта котлета из Знайкиной машины? — спросила Барвинка.

— Нет... — замялся Пустомеля. — До этого ресторана гуманное мясо пока не дошло, конечно. Но теперь ведь никто больше коров убивать не будет...

— Ну а ты что делаешь?

— Я? Доедаю то, что уже убито.

В Барвинке боролись два чувства. С одной стороны, ей очень хотелось стукнуть Пустомеля. С другой — всё это вегетарианство ей вдруг так опротивело, что не хотелось слышать про всяких там убитых зверей. Ей вдруг стало даже приятно, что Пустомеля ест мясо зарезанной коровы или свиньи. «Пусть хоть целую тысячу убьют», — злорадно подумала Барвинка.

— Да брось ты, Барвинка, дуться, — сказал Пустомеля. — Знайка еще не придумал машину, чтоб из мяса обратно живую корову делать. Поэтому *то* мясо, что уже есть, надо доесть. Ну, сама подумай, что же эта корова умерла зря?

«И правда, чего я так упираюсь?» — подумала Барвинка.

Ноги едва держали ее, и она уселась на краешек стула, который уступил ей Шмунька. Главной вегетарианке немедленно подали тарелку с тремя котлетами, картофельным пюре и квашеной капустой. Барвинка наколола на вилку маленький кусочек котлеты, положила в рот. Вот уже две недели она не ела мяса. А ведь для людишек, у которых время течет в десять раз медленнее, чем у людей, две недели — это все равно что для нас четыре с половиной месяца!

Барвинка почувствовала, что ее зубы погружаются во что-то прекрасное, божественное. Совершенный, удивительный вкус... Зубы сами собой вцепились в сочный бок котлеты, не желая его

выпускать. Пересилив себя, она разжала челюсти — в ноздри ударил кружащий голову жареный запах. Барвинка снова закрыла рот, вонзая зубы в нежную мясную мякоть. Сок тек у нее по подбородку, под ножкой стула, на котором сидела вегетарианка, не хватало в полу плитки, и он шатался и норовил упасть, растрепавшиеся волосы лезли в глаза — но ей было уже всё равно. Множество мыслей переполняло Барвинкину голову, пока она с остервенением кусала мягкое котлетное мясо. «Все-таки очень неприлично так есть, — думала она. — Ведь можно же резать ножом и есть по кусочку...» И тут же сама себе отвечала: «А плевать!» — и кусала дальше. «Многие ходят на выставки, рассматривают картины и скульптуры, — думалось Барвинке. — Ходят на концерты, слушают музыку... Господи, *вот* лучшая музыка, *вот* лучшая скульптура!» — косилась она глазами на котлету и понимала, что думает несусветную чушь. Подняв глаза к небу, она увидела висящий над городом полный круг луны. «Чем людишка отличается от зверя? — подумала бывшая вегетарианка. — Кажется, если б я еще дня два не поела мяса — встала бы на четвереньки и на эту луну завыла». И еще она подумала: «Все-таки Знайка — гений. И не надо никого убивать».

Словно откликнувшись на ее мысли, перед председателем ЗВЕРЖа возник знаменитый ученый.

— Здравствуйте, дорогая Барвинка! — услышала она его приятный голос. — Можно к вам присоединиться?

И, не дожидаясь ответа, подсел за столик. Барвинка почувствовала, что, если она не перестанет так энергично жевать, у нее случится судорога челюстной мышцы. Проглотив остатки котлеты, малянка отдышалась и посмотрела на Знайку.

— У вас грустный взгляд, — сказал ученый, всматриваясь в ее влажные черные глаза.

— Не нужно было всё это вегетарианство, — сказала она. — Всё из-за меня.

— Что из-за вас? — спросил ученый, протягивая ей салфетку.

Барвинка вытерла измазанное котлетным соком лицо.

— Весь город из-за меня передрался. Слава богу, что вы такой ученый и нашли решение проблемы. Вот, что надо было делать, а не бунтовать.

— Каждый делает то, что умеет, — ответил Знайка.

Народ валил с площади. Несмотря на то, что простояли целый день на ногах, все смеялись и кричали. Играла гармошка. Послышался гром, и в просвете между домами расцвела вспышка салюта.

— Я ненужный... вредный член общества, — сказала Барвинка.

— Что вы! Совсем наоборот! — ученый снова взглянул в ее огромные глаза. — Вы очень даже... нужная. Если бы не вы, мне бы и в голову не пришло изобретать Гуманомяс.

Но Барвинка не поверила Знайке. Проглотив остатки котлеты, она встала и угрюмо побрела по улице Тюльпанов. Скоро ее невзрачная футболка затерялась в толпе. Знайка полистал меню и заказал печеночный паштет.

НАГРАЖДЕНИЯ

В городе после долгих дней борьбы снова воцарились спокойствие и демократия. Цветоградцы радовались, что им удалось договориться и что борьба за права животных не привела к насилию над людишками. Ну, разве что кроме отдельных драк в некоторых микрорайонах, но это, можно сказать, не в счет — синяки быстро зажили. Людишки вообще очень мирные существа, они не умеют воевать. Ни в Лесании, ни в Мерюкряндии ни разу не было ни одной войны, и людишки даже не знают, что это такое.

Все ходили по городу, восторгаясь Знайкиной гениальностью.

— Нет, ну надо же! — говорили одни. — Как ему только в голову пришло начать изобретать машину, когда все остальные только спорили: есть это самое мясо или не есть. Убивать или не убивать. А он один не спорил, а действовал!

— Мы должны нашего Знайку чем-нибудь наградить, — говорили другие. — Он и животных спас, и людишек — от того, что чуть не передрались все.

— Надо ему памятник поставить, — говорили третьи.

На что четвертые им резонно отвечали, что памятник Знайке в Цветограде уже есть.

— Одного мало! — возражали четвертым третьи. — Нужен еще один, чтобы людишки всегда помнили, что такое компромисс!

В любом случае, для того, чтобы поставить в городе новый памятник, нужно было получить разрешение у мэра, которым был Знайка. Раньше в Цветограде не было мэрии, но не так давно Знайка сказал, что без мэрии жить невозможно — надо же где-то городские вопросы решать. И тогда в Цветограде, по примеру Солнцеграда, построили мэрию. Вначале это было совсем небольшое здание, собранное из конструктора лего. Этот конструктор изобрели в Солнцеграде и недавно завезли в Цветоград. Конечно же, для строительства домов использовался не игрушечный конструктор, а промышленный, блоки которого отливались из теплозащитного железобетона и имели огнеупорное покрытие. Преимущества строительства из лего в том, что можно быстро достраивать новые помещения и разбирать ненужные. Вначале, как я уже говорил, мэрия была крошечным домиком, в котором был только кабинет мэра и зал для заседаний, рассчитанный на трех людишек — больше не требовалось. Но очень скоро у мэра появилось четыре заместителя и двенадцать помощников, каждому из которых пришлось достроить по кабинету, и зал заседаний, соответственно, увеличили. Ну, и кабинет самого мэра тоже слегка увеличили, так что теперь он стал раз в шесть больше, чем был.

Четверо уважаемых людишек города — актриса Лилечка, кинорежиссер Фильмик, хирург Скальпель и учительница Парта — отправились к мэру спрашивать разрешения на постройку памятника Знайке.

— У нас уже есть памятник мне, — сказал мэр.

— Но *тот* памятник Знайке — изобретателю дирижабля, а мы хотим установить памятник Знайке — изобретателю Добромьяса! И кроме того, мы хотим назвать его «памятником Компромисса».

— Или «памятник Компромиссу и Добромьясу», — подсказал кинорежиссер.

— Ну, тогда совсем другое дело, — сказал мэр. — Это очень хорошо, что цветоградцы наконец поняли, как важен компромисс. На такое дело я готов дать свое разрешение, как мэр. Только где же этот памятник будет стоять?

— Где же, как не на площади Свободы? — хором отозвались Фильмик, Лилечка, Скальпель и Парта. — Ведь именно на этой площади всё и произошло!

— Что ж, вы правы, — отвечал мэр. — Сейчас там стоит только памятник Свободе, а теперь там будет еще и памятник Компромиссу. А это две самые важные вещи в демократии, к которой мы все должны стремиться. Даю разрешение!

За дело взялась скульптор Зубила, которая раньше уже создала, по замыслу Знайки, памятник Дирижаблю и памятник Свободе. Но тогда Знайка еще не был мэром и у него хватало времени на то, чтобы замышлять памятники, придумывая, как они должны выглядеть. Теперь Зубиле пришлось всё делать самой. Впрочем, она, кажется, неплохо справилась со своей задачей. Не прошло и двух недель, как монумент был готов. Но, когда Знайка увидел, что на его пьедестале большими золотыми буквами написано: «Знайке от благодарных цветоградцев», мэр с негодованием велел убрать надпись. Вот какой он был скромный людишка! И ее заменили на «Да здравствуют вегетарианство и компромисс!»

Цветоградцам памятник очень понравился и Знайке тоже. Иногда, когда никого не было, мэр приходил на площадь и любовался им. Знайка вообще любил рано вставать и нередко по утрам, пока все еще спят, гулял по городу. Ему нравились тишина и свежий незагазованный воздух, который еще не успели загазовать за день автомобили. Прогуливаясь по площади, он нет-нет да и бросит взгляд на памятник. «А все-таки похож, — говорил сам себе мэр. — Честное слово, похож!» И он даже пробовал встать в ту же позу, в которой стоял памятник. Но ему это никак не удавалось. Ведь Знайка не только не умел делать «ласточку», но и вообще в жизни не катался на коньках!

Собственно, я должен хотя бы в нескольких словах описать этот монумент, чтобы было понятно, о чем идет речь. На самом деле, главную его часть составляла бронзовая фигура Знайки, которая делала «ласточку». На ногах у бронзового мэра были коньки, и он скользил в них по тонкому «льду», сделанному из крепкого стекла. Зубила на всякий случай использовала пуленепробиваемое стекло, чтобы кто-нибудь его нечаянно не пробил.

— Скользящий лед и узкое лезвие конька показывают, насколько тонкая вещь компромисс, — объясняла потом скульптор. — Достаточно фигуристу покачнуться в какую-нибудь сторону, как весь компромисс будет нарушен и, упав на лед, разобьется вдребезги!

И, чтобы было понятнее, насколько компромисс сложный и хрупкий, бронзовый мэр держал на ниточке гуманного Добромьяса — с прозрачным шаром, компьютерными экранами, кнопками и многочисленными трубками. Машина была сделана целиком из стекла, а трубки — из хрусталя, так что потеряй мэра равновесие — и чудо техники, ударившись об лед, разлетелось бы на тысячу кусков!

А в другой руке — тоже на ниточке — мэра держал счастливую, улыбающуюся корову. Она так рада, что избавилась от своей страшной участи: быть съеденной! Корова была вырезана из цельного куска мрамора, а к ее белоснежному боку были приделаны серебряные выпуклые буквы: КОМПРОМИСС. Внизу, доставая Знайке почти до колен, бесновались враждующие толпы с плакатами и перекошенными лицами. Слева — грозили кулаками вегетарианцы, справа — потрясали мангалами мясоеды. А лицо мэра было доброе. Ведь он принес враждующим сторонам дружбу и мир! Вообще весь этот памятник был высотой с пятиэтажный дом, так что его было видно издалека.

Знайка остался очень доволен монументом и велел наградить Зубилу медалью «За украшение города». Он и Барвинке собирался выдать орден Борца за справедливость, но бывший председатель ЗВЕРЖа сказала, что пойдет за город и выкинет там этот орден в болото. И Знайка решил не выдавать.

НЕ ВСЁ ТАК ПРОСТО

Добромяс работал теперь с утра до вечера на полную мощность, а вскоре к нему присоединились трое его братьев-близнецов, сделанных по образцу первого. Каждая из этих четырех машин была настроена на свой вид мяса: первая — на говядину, вторая — на свинину, третья — на птичье мясо: курятину, утятину и гусятину, четвертая — на всё остальное, включая морепродукты. Мэр Солнцеграда заинтересовался Знайкиным изобретением, потому что и в Солнцеград проникло вегетарианство, а мэр не хотел у себя в городе проблем. Знайка с удовольствием показал солнцеградским специалистам, как устроена его машина, и помог им сделать такую же.

Но, если кто-то думает, что стоит изобрести Добромяс, как вегетарианский вопрос решится сам собой — он жестоко ошибается. Не так-то просто оказалось расхлебать кашу, которую заварила Барвинка. Кнопочка одна не справлялась, но ей пришла в голову счастливая мысль: попросить Знайку возглавить ЗВЕРЖ.

— Остается немало открытых вопросов, — сказал Знайка Кнопочке и остальным звержевцам на очередном собрании их общества.

Несмотря на то, что он, кроме изобретательской и научной работы, был теперь еще и мэром, Знайка решил временно стать главой вегетарианцев, пока не будут решены все оставшиеся проблемы. Ведь прежний председатель — Барвинка — сложила с себя все полномочия, бросив звержевцев на произвол судьбы. После памятного всем митинга она слышать не хотела ни о каких животных! Сорвала с груди и выкинула в канализационный люк значок с коровой — эмблемой вегетарианцев.

— Ненавижу этих мерзких тварей! — сказала председатель ЗВЕРЖа растерявшемуся секретарю, имея в виду вообще всех животных. Независимо от вида, цвета и пола.

Придя домой, Барвинка вышвырнула на улицу четырех котов, живущих с ней под одной крышей. Вытряхнула из клетки стрекозу и так поддала ее ногой, что бедное насекомое уползло, хромая, в кусты, а оттуда уже улетело на дальние огороды — питаться жухлой свёклой. Стрекозу так и не удалось найти, а коты перешли к Кнопочке. Секретарь ЗВЕРЖа продолжила то, что начала подруга. Стараниями Кнопочки — не только на фермах под Цветоградом, но и на фермах Солнцеграда, Травограда и даже Шоколадгорода — ввели закон об обязательной заработной плате для животных. Курицы стали получать по сто грамм зернышек за каждое снесенное яйцо. Коровам платили свежей травой или вкусным сеном. Правда, закон обязал животных отдавать часть заработка фермерам, предоставляющим им жилье и питание — чтобы всё было по-честному.

— Остается еще немало проблем, — сказал Знайка звержевцам на собрании. — Например, что все-таки делать со свиньями?

— А что с ними делать? — отозвался Пустомеля.

Он теперь даже на собрание вегетарианцев являлся с котлетой или сосиской. Зажав ее, наподобие сигары, между указательным и безымянным пальцами, Пустомеля демонстративно откусывал по кусочку, важно приговаривая: «Гуманное мясо!»

— А что со свиньями нужно делать? — сказал Пустомеля. — Пусть теперь свинячат сколько угодно и радуются, что их не едят.

— Пусть, значит, свинячат? — передразнил Знайка. — А вот мне только что доложили, что все фермеры отказываются их кормить, поить, одевать... то есть, тьфу! кормить, поить... и всё остальное, потому что от них теперь нету никакой пользы! Вот коровы, например, кроме мяса, дают еще и молоко, которое можно либо сразу употреблять внутрь, либо делать из него масло, сметану, сыр и так далее. Так что и после изобретения Добромьяса у коров полно дел. А для кур тоже работа есть — они несут яйца.

— Да, свиньи не несут яиц и не дают молока, хоть и являются млекопитающими, — подтвердил биолог Амёбин.

— Вот именно! Свиньи только и делают, что едят и бесконтрольно размножаются. Их становится все больше и больше, а делать им абсолютно нечего!

— Но что-то же они все-таки делают? — спросил Пустомеля, обмакивая сосиску в кетчуп. — Не могут же они совсем ничего не делать?

— Кое-что они делают, — нахмурился Знайка. — Они уже начали безобразничать, и, по сравнению с этими безобразиями, выходки Свинохряка с фермы Вруши и Правдюши показались бы нам детскими шалостями.

Все члены ЗВЕРЖа, кроме Пустомели, глубоко задумались.

— Кормить свиней просто так — ни один фермер не согласится, — сказала наконец Кнопочка.

— Разве что Вруша, который всегда врет, — предположил Пустомелин друг Шмунька.

— Согласится-то он согласится, да ведь всякому понятно, что его согласие — наглое враньё! — сказала Кнопочка.

— Да... свиньи — это серьезная проблема, — подвел итог доктор Таблеткин.

Доктор теперь тоже присутствовал на собраниях ЗВЕРЖа — как он говорил, для «здоровой атмосферы».

— И не в одних свиньях дело, — продолжал Знайка. — Что, скажите на милость, делать с несчастным охотником Патроном? В Цветограде его совсем заклевали, так что он не мог даже выйти из дома со своим любимым ружьем! Пришлось мне временно отправить беднягу в Шоколадгород. Но и в Шоколадгороде вегетарианское движение набирает силу. Тамошние малянки обвиняют охотника в убийстве животных. Несчастный мне вчера звонил: ему приходится убегать за город, чтобы просто

пострелять там по мишеням. Вы ведь знаете, он и дня не может провести без того, чтобы куда-нибудь не выстрелить.

— Вот чокнутый! — воскликнул Пустомеля, откусывая сосиску.

— Пока он был тут, я колол ему успокоин, — сказал доктор. — И с собой я дал ему таблеток, только не уверен, что он их будет принимать.

— Охотиться в окрестностях Шоколадгорода ему, разумеется, не позволят. За Патроном там следят бдительные наблюдательницы, где бы он ни был. Они только разрешают ему палить по консервным банкам, насаженным на ветки кустов.

— Н-да. Охотник Патрон — проблема не меньшая, чем свиньи.

А цветоградцы еще не знали главного. Вчера утром Патрон не вытерпел и подстрелил утку. Боже, что тут началось! Ведь в Шоколадгороде общество ШОКОЛАДЗВЕРЖ теперь уже имело такое влияние, что никому и в голову бы не пришло есть негуманное мясо. Всё мясо давали два Добромьяса, привезенные из Солнцеграда, где уже наладили массовое производство этих машин. За Патроном гонялись разъяренные толпы малянок. Он убегал изо всех сил, но вегетарианки загнали его. Окружив со всех сторон, они отняли у охотника ружье и разломали его на части, которые потом бросили в болото вместе с патронами. Не пожалели и серебряных инкрустаций, так искусно выполненных когда-то монтером Молотком. Хоть Патрон и кричал им, чтобы сдали его ружье в музей... А затем отвели плачущего охотника на станцию и вместе с верным бультерьером Бульком посадили в поезд до Цветограда. Но Знайка и другие звержевцы еще ничего об этом не знали — поезд из Шоколадгорода идет сутки.

РЕШЕНИЕ НАЙДЕНО

В ту ночь Знайка долго ворочался и не мог заснуть. Хотя все людишки в доме давно уже спали, и даже Никтошка, который теперь не мог гулять до поздней ночи по лесу, потому что пошел снег...

«Что же делать, что же делать? — думал ученый, вертясь с боку на бок. — Целая куча проблем навалилась!»

Кажется, никогда у него не было такого завала. Лежа на левом боку, Знайка думал о том, что неплохо бы изобрести машину для переработки свиных отходов в удобрения. Кем, собственно, раньше была свинья? Машиной по производству мяса из картофельных очисток. А теперь это мясо никому не нужно...

Но тут Знайке надоело лежать на левом боку, и он перевернулся на правый. Еще повар Кастрюля на соседней кровати, как назло, храпел и мешал думать. Справа от ученого спал музыкант Рояль. Он спал тихо, только иногда посвистывал во сне и делал губами, словно играл на флейте. Знайка пошарил под кроватью Рояля и нащупал там флейту. Снова перевернулся на левый бок и ткнул Кастрюлю флейтой в живот. Живот повара загудел, как барабан, и Кастрюля перестал храпеть, а Знайка перевернулся обратно на правый бок.

И снова начал думать. Но, лежа на правом боку, он уже думал не как ученый, а как мэр. «Э-эх, — думал мэр. — Компромисс-то достигнут, а в городе по-прежнему полно людишек, которые не согласны. Вот например этот, как его... рыболов».

Знайка почесал голову.

Ну что ты будешь делать — забыл фамилию, да и всё! Ах, ну да, Мормышкин, вот. «Что мне, спрашивается, теперь делать, — говорит этот рыболов Мормышкин. — Да ведь мое самое любимое дело в жизни — ловить рыбу! Вы хоть раз, — говорит, — сидели на берегу ранним утром, часов этак в шесть утра, когда едва только выглянувшее из-за леса солнышко уже разбудило птиц и они все щебечут... А что за клёв зимой, когда Напильник с Молотком пробурят своей бурильной установкой огромную толщу льда, и ты закинешь туда удочку-мормышку, словно в шахту... а в ней, на страшной глубине, булькают голодные рыбки, которые твоего червячка так и ждут, так и ждут...»

«И он прав, и он прав, — думал Знайка, снова переворачиваясь на левый бок. — Но все-таки свиньи...»

Кастрюля опять захрапел.

— Ах, чтоб тебя! — разозлился Знайка, ударяя повара флейтой по спине.

Кастрюля-то замолчал, а Знайка вдруг заметил, что блеснувшая в темноте флейта погнулась.

— Надо же, флейта погнулась, — прошептал ученый-мэр. — А, ничего! Напильник починит. Или, там, Молоток... — пробормотал он, зевая. — А все-таки, что же делать с охотником Патроном?... в патронташ его... в патронташ...

Ученый засыпал, и мысли его перемешивались в голове, как овощи у повара Кастрюли в супе. И уже в самое последнее мгновение перед сном ученый придумал. И, перегнувшись, словно креветка, пополам, сел на кровати.

— Зве-ро-люб! — шепотом воскликнул ученый. — Никакой не Патрон, а Зверолуб! Охотник Зве-ро-люб... и не охотник вовсе, а... а... лесник. Лесник Зверолуб!

— А кто тебе сказал, что с новым именем он не останется прежним заядлым охотником и стрелялкой? — спросил самого себя ученый.

— А посмотрим! — отвечал ученому мэр.

— Это надо еще проверить, — сомневался ученый.

— А проверим! — отвечал мэр. — Да я же всегда говорил, например, что этого противного Угрюма надо переименовать... переименовать в... в Смякина! И будет он смеяться. А Разиню в Находилку. Тогда от него, по крайней мере, хоть польза какая-то будет. А этих двух балбесов Натурика и Конкретика — в Джентльмена и... и... — а, потом допридумаю! Пусть пока оба будут Джентльмены: Джентльмен первый и Джентльмен второй. А Пустомелю назовем... назовем... Не важно.

Ученый вскочил и забегал между кроватей, на которых спали людишки. В окно светила полная луна. В комнате было душно. Знайка подбежал к окну и распахнул его. В спальню ворвался свежий воздух.

— Свежая мысль, свежая научная мысль! — бормотал ученый. — Ах, что за воздух! — радовался он и тут же возмущался: — И что это у нас в городе за имена такие вообще! Пустомеля, Шмунька, Гнобик... Имена должны быть полезные, вот как у меня — коротко и ясно: Знайка. Или, хотя бы, у врача: Таблеткин. Вообще, пора его тоже переименовать из доктора во врача. Что это за доктор такой — так в прошлом веке говорили. То есть, говорили.

Язык его от возбуждения заплетался.

— Врач Таблеткин! — возвестил Знайка. — Красиво и лаконично.

Знайка стал думать, кого еще можно переименовать, и понял, что тут работы непочатый край. Имена людишек должны быть полезными, тогда каждый носитель имени станет полезным членом общества. А так — половина из них бесполезные, а другая половина — еще и вредные. Этот Гнобик, например, или хулиган Кривляка, или Шмунька — что это еще за Шмунька такая? Вот Кнопочка — совсем другое дело, или там, какая-нибудь Посудомышка.

— Великий Архимед! — радостно шептал ученый. — Да ведь это же настоящий переворот...

ПЕРКОМ

Как и всё, что изобретал Знайка, переименование людишек быстро вошло в действие и оказалось очень полезной штукой. Прежде всего, создали Переименовательский комитет, сокращенно Перком, — чтобы всё было демократично. Каждый цветоградец мог представить в Перком кандидатуру людишки, которого он предлагал переименовать для блага города или для блага самого же переименоваемого. Делали всё по-научному и организованно. Поэт Пёрышкин придумывал каждому переименоваемому новое имя. Поэту помогал музыкант Рояль, следивший за тем, чтобы имя хорошо звучало, а также писатель Бумагомаракин, проверявший, чтобы оно красиво выглядело на письме. Потом Перком голосовал, и новое имя принималось.

В первую очередь рассматривали предложения, полезные для самих переименоваемых. Это было по-честному: ведь многие людишки, иногда сами того не понимая, страдали от своего имени. Разиня, например, всё терял, Угрюм вечно был угрюмый, Драчун дрался, Свистун свистел, Плювакин плевал, Сплетница сплетничала, а Бигудинка с утра до вечера накручивала бигуди.

Этих переименовали в первую очередь. Правда, некоторые переименоваемые были не согласны и пробовали протестовать, а Пустомеля вообще скрывался, так что его в итоге переименовать не удалось, и он так и остался Пустомелей.

— Как же вы не понимаете, — говорил им Знайка, — что для вас специально поэт с писателем и музыкантом придумывают новое, полезное имя? Взамен вашего бесполезного и вредного имени, которым вас сейчас называют! Ну что это за имя у тебя такое: Угрюм? — спрашивал он Угрюма, вызванного в Перком одним из первых, потому что он своим угрюмым видом уже всех достал.

— Да не надо, товарищи, — пытался улыбнуться Угрюм. — Я постараюсь, честное слово! С этой самой минуты не буду больше угрюмым!

— Ты, помнится, уже один раз обещал, что больше не будешь, а опять угрюмничаешь! Нет, товарищ, обещания делу не помогут. Будешь ты у нас теперь Колокольчиком. Скажи спасибо поэту Пёрышкину, который старался, придумывал тебе новое имя. И звучит красиво — правда, Рояль?

Перком проголосовал единогласно, и Угрюм стал Колокольчиком. С этого момента он не только перестал угрюмничать, но сразу же заулыбался. И голос его теперь не скрипел, как несмазанная дверь, а звенел, словно голоса птиц в теплый день.

— Спасибо, товарищи, — звонким голосом поблагодарил бывший Угрюм, улыбаясь своей новой широкой улыбкой. — Хорошо, что вы меня не послушали и все-таки переименовали, потому что сам бы я ни за что не согласился, а теперь чувствую, что так мне намного лучше.

И он ушел, счастливый, насвистывая какую-то песенку.

Дальше всё пошло как по маслу. Натурик стал Джентльменом, Сплетница — Правдиной, Плювакин — Помогаем, а Разиня — Находим.

— Эй, Помогай, помоги полы вымыть! — кричала Швабринка, и Помогай бежал помогать.

Очень полезное было у него теперь имя. А Находим — бывший Разиня — искал теперь для доктора Таблеткина затерявшиеся лекарства, когда тому нужно было срочно собираться на вызов к больному. Все переименованные были очень довольны своими новыми именами и благодарили членов Перкома, по очереди пожимая каждому руку. Благодарили и того, кто предложил кандидатуру. Плювакина, к примеру, притащили за руки и за ноги Сошка, Швабринка, Вытиринка и Посудомышка — сам бы он ни за что не пришел. Плювакин вырывался и плевался, но соседки были непреклонны.

— Спасибо вам, малянки! — благодарил бывший Плювакин, ставший теперь Помогаем.

— А мне плю-вать, — передразнила Сошка, на что Помогай страшно обиделся и предложил комитету переименовать Сошку.

— Да вы что? — возмутилась малянка, но тут же была переименована в Хозяюшку.

Это музыкант Рояль предложил, вспомнив коммунальное хозяйство жильцов из общей квартиры.

— Правильно! — одобрила Посудомышка. — А то ты, Сошка, вечно меня мокрой тряпкой гоняешь, да на ноги в кухне наступаешь, пока я посуду мою.

— А я уже больше не Сошка! — отозвалась Хозяюшка. — Я теперь *так* поведу хозяйство нашей квартиры, что все будут довольны — вот увидите.

— Не сомневаюсь, — сказал Знайка. — Научный метод переименований уже доказал себя на практике!

В общем, практически всех, кого надо, переименовали. И, конечно же, тех, чья профессия стала не нужна в связи с наступившим вегетарианством. Охотник Патрон стал лесником Зверолюбом, а мясник Кромсалин — зеленщиком Капустиным. Бывший мясник с радостью перешел работать в овощную лавку. Рыболова Мормышкина тоже переименовали, правда не совсем удачно, потому что в этот день музыкант Рояль был занят и не присутствовал на заседании комитета. Мормышкин, по предложению поэта Пёрышкина, стал Акварюгой — поэту очень понравилось это, только что выдуманное им, слово. Поэт хотел, чтобы новое имя бывшего рыболова было связано с водой, а вода, как известно, по-иностранному «аква». Акварюга, естественно, бросил рыбную ловлю и открыл магазин аквариумных рыб. Но почему-то всегда так выходило, что проданные рыбы через несколько дней снова оказывались в аквариумах Акварюги.

— Куда это твои рыбы вечно деваются? — спрашивали клиенты Аквариюгу. — Они у нас из аквариумов пропадают.

На что тот им отвечал:

— Умирают, бедные. Не шибко они живучи. Я ведь — сами понимаете, товарищи — совсем недавно этим делом занялся, а раньше я рыб только и делал, что убивал. Не привыкли они пока к моему обращению.

— Но ведь даже скелетов не остается. Они, что, в воде растворяются, что ли?

В общем, таинственное исчезновение аквариумных рыб так и осталось навсегда загадкой. Если бы Знайка обратил внимание на это явление, он бы, наверное, разгадал, в чем тут дело, но ученый-мэр был страшно занят. К тому же он не любил аквариумных рыб.

А у охотника Патрона всё пошло как нельзя лучше. Стоило его переименовать в лесника Зверолоба, как ему сразу же расхотелось стрелять!

— Ну вообще, ну знаете, мне совсем не хочется стрелять! — захлебываясь от радости, говорил людишкам бывший Патрон. — Ну прямо не понимаю: как я мог тратить свою жизнь на это пустое занятие? Ну что я за дурак был? Просто идиот какой-то!

— Ну, раньше оно не было таким уж пустым, — возражали людишки. — Ведь ты кормил нас всех!

Новоявленному Зверолобу построили в лесу сторожку, и он теперь отвечал за все леса под Цветоградом. Лесник следил за тем, чтобы никто в них не браконьерствовал, что, впрочем, было не так уж сложно: Патрон был единственным охотником в окрестностях города.

— Как я счастлив, как я счастлив! — повторял Зверолоб, бродя по лесам, любуясь осенними листьями, запоздалыми цветами и выглядывающими из норок зверьками.

Это переименование было просто каким-то чудом! Стоило исчезнуть охотнику и появиться леснику, как все те звери, которые раньше боялись Патрона, полюбили его, как родного. Они теперь не прятались от него по кустам и норам, а наоборот, когда Зверолоб шел через лес, выбегали навстречу и просили, чтобы он их погладил или чем-нибудь покормил. Счастливо улыбаясь, Зверолоб трепал зверей по холке или по лапе, если это был крупный зверь, типа лисицы, и подкармливал их заранее приготовленной едой.

— Я теперь их так люблю! — рассказывал Зверолоб не давшемуся переименователям Пустомеле.

— Ты и раньше их любил, — замечал Пустомеля. — Особенно, когда повар Кастрюля хорошо приготовит.

— Да ну тебя, как ты можешь! — сердился Зверолоб. — Да разве я теперь такой? Это у меня какое-то было затмение, я был просто каким-то дикарем, а теперь я — цивилизованный малянец.

— А помнишь, как ты цветочные горшки с подоконников сшибал? — ехидничал Пустомеля.

Но Зверолоб сердито отворачивался.

Проверив переименование на большом количестве народу, Знайка сделал вывод, что имя людишки полностью определяет его род занятий. У человека это, конечно же, не так. Винтовкин вовсе не обязательно питает страсть к стрельбе, Смирновы — не все смирные, а Толстые — толстые. Но людишки ведь не люди. Для них имя значит всё.

— Имя действует нам на психику, — неустанно повторял Знайка.

Он с головой ушел в эту работу и радовался успехам, как ребенок.

— Слушай, — говорил он Таблеткину, — да это гораздо лучше твоих лекарств! Лекарства помогают временно, а переименование — навсегда.

— Ну... ты все-таки поосторожней с этими переименованиями, — отвечал доктор. — А то так можно невзвесть до чего дойти.

— Да до чего же дойти? Их же не просто так переименовывают, а дают им хорошие, правильные имена, которые делают их хорошими, правильными людишками.

— Это-то верно... Но так можно дойти до того, что половина людишек, к которым мы давно привыкли, пропадут. Пора с этими переименованиями завязывать. Скоро мы своего родного города не узнаем.

Знайка ненадолго задумался.

— А что, это идея! — воскликнул он. — Почему бы нам не переименовать наш город? Что это, чёрт возьми, за название такое, Цветоград? Сплошные цветы и ничего полезного. О, гений Ньютона, придумал! Назовем его Трудоградом!

— Каким еще Трудоградом, что ты мелешь? — испугался Таблеткин. — Это еще зачем?

— А затем, чтобы людишки у нас не просто цветами любовались, а трудились на благо родины! Ты думаешь, почему мы все время отстаем от Солнцеграда?

— А мы что, отстаем?

— Конечно! У них и телевидение давно, и экономика развитая, и Интернет, а у нас чёрт те что. Цветы одни, да и только.

— Ну и почему же мы отстаем?

— А потому, что они, солнцеградцы, тянутся к солнцу! То есть, к знаниям, потому что ученье — свет. А мы — одни цветы сажаем. Нет, надо переименовать наш город в Трудоград. Тогда все мы станем трудиться и перегоним солнцеградцев. Трудоград им еще покажет кузькину мать!

— Какой еще Трудоград! Ты что, с ума сошел?

Но Знайка его не слушал.

— Перегоним Солнцеград! Перегоним Солнцеград! — твердил ученый, и глаза его радостно блестели. — Я докажу, что мой метод... что мой метод действует не только на отдельных людишек, но и на целые города!

Таблеткин глянул на него и ужаснулся. Ему показалось, будто Знайкины глаза светятся изнутри каким-то странным светом, словно фонарики.

— Какой Трудоград?! Остановись сейчас же! Укол сделаю!!

Знайка вопросительно покосился на врача.

— А что такого? Ну... если «Трудоград» плохо звучит, то можно «Трудгород».

И увидев, что пенсне Таблеткина злобно сверкнуло, добавил:

— Да ты не кипятись так, коллега! Это тебе *сейчас* кажется, что переименование Цветограда в Трудоград — какое-то ужасное событие. А как переименуем — ты сразу станешь счастлив и поймешь, что так оно и должно быть. Сам станешь удивляться, как это никому раньше в голову не пришло!

Но Таблетки был просто вне себя. Он резко отодвинул стул, на котором сидел рядом со Знайкой у того в кабинете, и принялся шагать взад и вперед, натываясь на углы научных приборов.

— Слушай, Таблеткин! — воскликнул Знайка. — А может, нам *тебя* переименовать, а?

Услышав эти слова, доктор застыл на месте с открытым ртом. Схватившись одной рукой за динамо-машину, а другой — за электронный микроскоп, он стоял, выпучив глаза, а полы его медицинского халата трепал сквозняк, дувший из окон. В это время в дверь постучали. Она сразу же и распахнулась, и в Знайкин кабинет вбежало несколько человек. Впереди всех были слесарь Напильник с монтером Молотком, которые волочили упиравшегося Пустомелю.

— Вот, поймали наконец для переименования, — отдуваясь, проговорил Напильник.

— В подвале прятался, — добавил Молоток, почесав ухо отверткой. — Кастрюля ему еду носил.

— Мне еще вчера подозрительным показалось, чего это он кастрюлю с супом в подвал понес, — сказал Находяй.

— У меня уже тогда не оставалось никакого сомнения, — сказал Джентльмен.

В этот момент Пустомеля вырвался, схватился за химический стол и сбросил на пол несколько колб с какой-то бурлящей жидкостью. Но его тут же опять схватили за плечи сразу несколько рук.

— Кислота, кислота! — закричали все, а монтер Молоток в испуге сбросил ботинок, которому эта кислота мгновенно проела носок. Хорошо, что Молоток вовремя успел вытащить из ботинка ногу, а то бы ему ногу проело.

— Ничего, — сказал Знайка, — главное, что никому в глаз не попало.

Доктор Таблеткин выхватил из рукава шприц и наставил на Пустомелю:

— Ты что, сумасшедший? Хочешь в смирительную рубашку?

Но Знайка отвел руку доктора.

— Не надо никаких смирительных рубашек, — сказал ученый. — И шприцов не надо. У нас есть теперь кое-что получше.

— Правильно, — сказал Напильник, — зачем колоть, когда можно переименовать?

— Не дамся, пустите! — кричал Пустомеля, стараясь вырваться из их рук. — Не дамся, не буду переименовываться!

— Дурачок! — Знайка ласково потрепал его по щеке. — Ты же сам потом будешь меня благодарить, когда станешь... этим, как его? Пёрышкин здесь?

— Нету его.

— Надо, чтоб кто-нибудь Пустомеле новое имя придумал побыстрее. Нету времени Пёрышкина ждать, он того и гляди что-нибудь выкинет, — кивнул Знайка на буяна.

Пустомеля отчаянно вырвался и пытался лягнуть доктора Таблеткина ногой под коленку.

— Так! Ну... — торопил Знайка. — Чтобы он не болтал всякую ерунду попусту... как-нибудь «Красноречик», что ли?

Джентльмен поправил покосившийся галстук.

— Лучше уж Краснобаев, — сказал он.

— А может, Златоустик? — предложил ученый.

— Тогда уж лучше Златоротик...

— Да сам ты! — закричал Пустомеля. — Тебе надо новое имя дать, понял?

— Как мне? — удивился Знайка.

— А вот так! — кричал Пустомеля. — Переименуем тебя сейчас из Знайки в Незнайку, и сразу забудешь все свои дурацкие знания!

— Как? — сказал Знайка. — Как это? Меня? *Меня* переименовать?

— Конечно! Ты же сам мне потом спасибо скажешь, когда у тебя голова не будет забита всякой ерундой! Атомы да интегралы! Ты посмотри на себя, у тебя же голова — как мусорный ящик. Чего в ней только не понапихано? Пора ее разгрузить. Будешь теперь вместо Знайки — Незнайка!

— Как? К... как это н-не... н-не... Н-Незнайка?

— А вот так, всё! Я тебя переименовал, ты теперь не Знайка, а Незнайка! И теперь ты ничего не знаешь!

— Незнайка? Незнайка? — повторял бывший Знайка. — Незнайка? Что же, я теперь ничего не знаю? Что же, у меня теперь в голове ничего не будет? Стойте!

Бывший ученый в ужасе обхватил голову руками с обеих сторон, словно таким образом надеялся удержать знания внутри нее. Но тут он вдруг почувствовал, что голова у него стала легкая как перышко, или как воздушный шарик, а знания его — в мгновение ока — все, все исчезли! Как доказывается теорема Пифагора? Что больше: два в минус пятой степени или минус пять во второй? Сколько световых лет нашей галактике? Что связывает атомы гелия в молекуле воды?

О, великий Ньютон! Бывший ученый ничего этого не помнил!

«Не знаю! Не знаю! Не знаю!» — в ужасе отвечал он на свои же собственные вопросы.

Он знал теперь только одно: что ровно ничего не знает. Волосы у новоявленного Незнайки встали на голове дыбом. Словно по какому-то ужасному колдовству челюсть его значительно укрупнилась, лоб сузился, глаза смотрели, как пуговицы, и всё лицо приняло невероятно глупое выражение. Все в ужасе смотрели на это кошмарное превращение.

Но внезапно в кабинет со звоном ворвался Рояль, которого еще вчера Знайка предлагал переименовать во Флейту.

«Слишком громко, — говорил на вчерашнем заседании Знайка, подавая предложение в возглавляемый им же самим Перком. — Слишком громко, когда в общем доме кто-нибудь на рояле все время играет. Невозможно наукой заниматься».

Ворвавшись в кабинет, Рояль растолкал всех и подскочил к ученому. Фрак на музыканте был разорван, бабочка-бантик сбилась на бок, волосы всклокочены. Рояль был страшен. В руках он держал флейту.

— Меня?! — закричал музыкант. — *Меня* переименовывать?! Меня, Рояля, во Флейту? Да я тебе сейчас такую флейту покажу, что у тебя слух пропадет! Что тебе медведь на ухо наступит!

С этими словами Рояль размахнулся и, прежде чем кто-нибудь успел схватить его за руку, со всей силой ударил бывшего ученого флейтой по голове. Звук от этого удара был таким звонким, что можно было и впрямь подумать, будто Знайкина голова стала абсолютно пустой. Словно от обтянутого кожей барабана, отскочила флейта от его черепа! Ученый увидел яркую вспышку. Он вскрикнул и проснулся.

КОШМАРНЫЙ СОН

Бум!!! Видимо из-за кошмара, который ему приснился, Знайка как-то очень сильно дернулся. Дернулся — и въехал головой в одну из чугунных палок, из которых была сделана спинка кровати. Ученый открыл глаза. Он был весь в холодном поту. В голове гудело. На темени постепенно выростала шишка. Знайка попытался ее потрогать, но в руках у него оказалась флейта. Так ведь он же стучал ей Кастрюлю, чтобы повар не храпел!

— Великий Эйнштейн с Ньютоном! — прошептал Знайка. — Так значит... это был сон!

Он сел на кровати, засунув ноги в тапки. Злосчастная флейта выпала у него из рук и покатилась под кровать.

— Так значит... так значит, — бормотал ученый.

Окна были закрыты, и в комнате было душно. «Людишки потратили весь углекислый газ», — подумал ученый. Он растворил окно и вдохнул, как ему показалось, целый кубометр свежего воздуха. Яркий месяц уперся лучом ему в лоб.

— Так значит, я все еще знаю теорему Пифагора? — воскликнул Знайка. — Ну, конечно же, знаю: сумма квадратов катетов равна треугольнику гипотенузы!

Улыбка ученого поглотила лунный свет.

— А во сколько раз скорость звука больше скорости света? Правильно, в одну миллионную! Ну, слава богу! То есть, Ньютону. Значит, я — это все еще я.

И он осторожно постучал себя по лбу костяшкой безымянного пальца. Звук по-прежнему глухой, значит, она не пустая. Всё на месте, а шишка от удара флейтой уже почти не болит. То есть, тьфу — от удара кроватью! Но все-таки дрожь пробивала ученого, когда он вспоминал ужасный сон.

— Нет, это не наш метод, — сказал сам себе Знайка. — Не будем никого пере...

Он даже слова этого не хотел произносить.

— Но как же «воздействие имени людишки на его психику»? Как же моя диссертация?

И сам себе ответил:

— А ну ее к черту. Есть направления в науке, которые слишком опасно разрабатывать. Лучше держать их в секрете.

«Пусть остаются, кто они есть», — думал Знайка на следующее утро за завтраком, глядя на угрюмого Угрюма и мелющего языком Пустомелю. После ужасного сна они ему даже стали как будто роднее. Ученого потом еще целый месяц мучили ночные кошмары, в которых его переименовывают в Незнайку. Доктору Таблеткину даже пришлось ему выписать успокоин со снотворным. Знайка так боялся, что его переименуют и он потеряет все свои знания, что никогда никому про навязчивый сон не рассказывал и молча свои ночные кошмары терпел. Правда, со временем они бывали все реже, а когда выпал первый снег, и вовсе прекратились.

— Тебе нужно почаще кататься на лыжах, — посоветовал ему Таблеткин.

Послушавшись доктора, ученый оставил научную работу и с утра до вечера гонял на лыжах по снежным равнинам. От занятий спортом ему, и правда, сделалось намного лучше. А бедного охотника Патрона Знайка стал брать с собой, и тому тоже стало намного лучше. Они вместе катались по лесам и полям, и, проезжая мимо какого-нибудь дуба, Патрон рассказывал Знайке:

— Вот тут я медведя завалил. А там — дятла.

Знайка, конечно же, не смеялся над охотником и не ругал его, как другие, а внимательно выслушивал. И Патрону становилось хорошо. А Пустомеля скачал для него разные компьютерные игры со стрельбой и охотой, и они вместе с охотником в них играли. Я забыл сказать, что буквально на днях Интернет распространился по всему Цветограду. Всего-то две недели назад он был только у Знайки в кабинете, но, пока цветоградцы решали вегетарианский вопрос, инженеры из Солнцеграда интернетизировали каждый дом в городе. Так что теперь можно было скачивать какие хочешь компьютерные игры и играть в них сколько душе угодно. И теперь Патрон стрелял не из настоящего ружья, а из компьютерного, и, казалось, был этому даже рад.

— В компьютере я могу стрелять, сколько хочу и когда хочу, и никто мне ни слова не скажет, — говорил он.

А монтер Молоток, взяв с собой рыболова Мормышкина, съездил на поезде в Шоколадгород, и там они, с помощью удочки, добыли из болота сломанное ружье. Молоток его отремонтировал, и теперь оно хранится в городском музее, в зале, посвященном истории вегетарианства.

Так в Цветограде никого и не переименовали, кроме Вруши с Правдюшей. Но это было уже весной, когда Знайкин сон давно забылся. Размышляя, как бы помочь бедному фермеру-вруну, которому вранье мешало выполнять его повседневные обязанности, ученый придумал Вруше новое имя. Тогда уже прошло целых три месяца, а для людишек это, как известно, в десять раз больше — то есть, почти три года. Теперь смена имён не казалась Знайке такой уж страшной. Но Знайка осознавал всю ответственность, лежащую на нем, как на ученом, и дал клятву никому никогда об этом методе не рассказывать и применять его только в самых крайних случаях. Поэтому он ограничился переименованием одного только Вруши в Матроса, поскольку видел, как тот сильно страдает. Ну, заодно уж и Врушиного брата, Правдюшу, переназвали — он превратился в Пионера. И это полностью излечило обоих фермеров.

А Цветоград так и не стал Трудоградом и не догнал своего соседа, Солнцеграда — ни в научном, ни в экономическом, ни в техническом развитии. Зато в Цветограде по-прежнему на всех улицах росли цветы.

КОНЕЦ

(Но это еще не самый конец, есть продолжение!!!)